

И.Г.Аклианов
**БАШКИРСКИЕ
ВОССТАНИЯ**

И. Г. Акланов
**БАШКИРСКИЕ
ВОССТАНИЯ**

УФА
«КИТАП»
1993

ББК 63.3(2)46
А 40

Рецензент кандидат исторических наук
У. Х. РАХМАТУЛЛИН

Акманов И. Г.

А 40 Башкирские восстания XVII—начала XVIII вв. —
Уфа: Китап, 1993 — 224 с.

ISBN 5-295-01126-7

Книга посвящена восстаниям на территории Башкортостана —
важнейшим социально-политическим событиям в истории края.

А 0503020901—90 233—93
М 121(03)—93

ББК 63.3(2)46

ISBN 5-295-01126-7

© Акманов И. Г., 1993

ВВЕДЕНИЕ

Более чем тысячелетняя история Башкирии наполнена крупными и сложными социально-политическими событиями. Одними из них являются знаменитые башкирские восстания XVII—XVIII вв.

Вызванные угнетательской политикой феодального государства и господствующих классов башкирские восстания в свою очередь влияли на всю социально-экономическую и политическую жизнь края. Без изучения восстаний невозможно получить целостное представление об истории башкир и соседних народов. Башкиры свыше двух веков боролись против гнета и насилия, поднимая восстания через каждые 20—25 лет. Восстания не были направлены против русского или какого-либо другого народа, а были вооруженным протестом трудовых масс против феодального государства, дворянства, воевод и приказной администрации. Больших жертв стоила эта отчаянная и неравная борьба. Восставшие понесли человеческие жертвы, материальный урон, лишились значительной части своих земель. Однако они не были побеждены. В жестокие века крепостничества башкирские общинники отстаивали личную свободу и вотчинное право на свои земли. Восстания вынуждали правительство вести осторожную политику не только в отношении коренных жителей. Они мешали феодальному государству угнетать и грабить трудовые массы всего Урала и Поволжья. Вместе с тем в ходе этих восстаний постепенно возникали и крепились связи между трудовыми массами башкир и русских, создавались предпосылки для совместной борьбы против общего врага — царизма и дворянства в последующее время. Во всем этом заключается важное историческое значение башкирских восстаний.

Говоря о позитивных итогах восстаний, нельзя не отметить, что эта героическая борьба способствовала дальнейшей консолидации башкир как единой народности. В ходе восстаний башкирский народ убедительно проявил беззаветную преданность своей земле, приверженность идеалам свободы, стойкость, упорство и настойчивость в борьбе за них. С полным основанием башкирские восстания этих веков можно отнести к историческому феномену.

В истории башкирских восстаний можно выделить несколько эта-

пов. Первый этап — это восстания конца XVI — начала XVII в., когда башкиры как одна из составных сил участвовали в движениях народов Ср. Поволжья и Приуралья. Второй этап — это восстания XVII — начала XVIII в., являющиеся собственно башкирскими движениями, ибо в них башкиры выступали и инициаторами, и основной движущей силой; борьба охватила тогдашнюю огромную территорию Башкирии. Динамичны были требования восставших. Если в выступлениях XVII в. они добивались улучшения своего положения в составе Российского государства, то в движении начала XVIII в. выдвинули лозунг отказа от русского подданства. Третий этап — это восстания 30—50-х гг. XVIII в., которые отличались бескомпромиссной борьбой с колонизаторами, требованием отделения Башкирии от Русского государства. С Крестьянской войны 1773—1775 гг. начинается совершенно новая эпоха народной борьбы в Башкирии — эпоха совместной борьбы башкир, русских и других народов против общего врага — царизма и господствующих классов.

Данная книга посвящена восстаниям башкир в XVII — начале XVIII вв. Значимость восстаний этого периода заключается не только в их масштабности, охвате большой территории от Волги до Тобола, но и в том, что борющиеся башкиры вынуждали царизм идти на серьезные уступки; у восставших башкир стали появляться сомнения в целесообразности дальнейшего пребывания Башкирии в составе Российского государства.

Интерес к истории башкирских восстаний был проявлен еще в дореволюционное время. Правда, специальных работ, за исключением исследований Р. Г. Игнатьева и А. И. Добросмыслова¹, в то время написано не было. Тем не менее во всех работах, посвященных истории колонизации края, хотя бы в общей форме, затрагивается проблема башкирских восстаний.

Ценность работ дореволюционных историков состоит прежде всего в том, что они, особенно П. И. Рычков, С. М. Соловьев, В. А. Новиков, Р. Г. Игнатьев, В. Н. Витевский, А. А. Дмитриев, ввели в научный оборот архивный материал и сделали ряд глубоких наблюдений. Совершенно справедливо они отмечали, что восстания происходили на протяжении нескольких веков, носили массовый характер и охватывали большую территорию². Немало они писали и о причинах восстаний, но подавляющее большинство дворянских и буржуазных авторов не видело

---

¹ *Игнатьев Р. Г.* Карасакал, лжехан Башкирии (эпизод из истории Оренбургского края в XVIII в.) // *Оренбургский листок*. 1880. № 7—12, 14—17; 3-е изд. «Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БССР». Вып. 2. Стерлитамак, 1922. *Добросмыслов А. И.* Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // *Труды Орен. учен. арх. ком.* Вып. VIII. Оренбург, 1900.

² *Рычков П.* Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 1—2. СПб., 1762; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 3, 6—12. Т. 5—6, 11—24.

их в политике феодального государства. Правда, они много писали и о политике царизма в Башкирии, но характеризовали ее односторонне, лишь в плане показа ее положительных сторон. В этом отношении позиции дворянских и буржуазных историков едины. Те и другие исходят из цивилизаторской роли правительства и христианской церкви в отношении башкир. Поэтому они причины восстаний ищут в особенностях характера народа, в образе жизни, в его религии или во влиянии соседей. П. И. Рычков, например, считает, что восстания были вызваны непостоянством характера башкир и стремлением их к политической самостоятельности. В. М. Черемшанский и В. А. Новиков объясняют причины движений «дикостью» и отсталостью башкир, их «непривычкой к регулярному повиновению», «склонностью к грабежам и насилиям, враждой башкир к Московскому государству». В. Н. Витевский основу недовольства видит в произволе и насилиях уфимских воевод, подчеркивая, что эти злоупотребления совершались вопреки царским указам¹.

Буржуазные историки, наряду с повторением ряда положений дворянских авторов, выдвинули некоторые новые мотивы в объяснении причин восстаний. Н. А. Попов, кроме указания на разбойничьи привычки кочевой жизни и племенные различия башкир с русскими, обращает внимание на колонизацию края русскими, на насилия воевод, на налоги как причины движений. Выдающийся буржуазный историк С. М. Соловьев возникновение башкирских восстаний объяснял, исходя из теории извечной борьбы между степью и лесом, вражды между мусульманами и христианами. Он утверждает, что «... побежденные дикари при первом удобном случае, особенно те из них, которые будучи магометанами, смотрели на турецкого султана как на естественного главу своего и ждали от него избавления от ига христианского»². Н. А. Фирсов, автор значительных работ по истории колонизации Ср. Поволжья и Приуралья, пытался развить и обосновать идею С. М. Соловьева о том, что башкирские восстания являлись проявлением многовековой борьбы между мусульманами и христианами. Характеризуя положение башкир в составе Русского госу-

---

М., 1960—1964; Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879; Игнатьев Р. Г. Карасакал, лжехан Башкирии // «Труды науч. об-ва по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БССР». Вып. 2. Стерлитамак, 1922; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1—5. Казань, 1889—1895; Дмитриев А. А. История Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации // Пермская старина. Вып. 8. Пермь, 1900.

¹ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 3—8; Новиков В. А. Указ. соч. С. 53—54; Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 126, 130.

² Попов В. Н. Татищев и его время. М. 1861. С. 162—163; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 7. Т. 15. С. 172—173.

дарства, он утверждает, что башкиры, как ни один из нерусских народов России, материально были хорошо обеспечены и пользовались широкими льготами. Последнее он склонен толковать лишь как проявление доброты русских царей в отношении башкир, оставляя в стороне особенности социально-экономического и политического развития края (присоединение Башкирии к России на определенных условиях, слабость позиций правительства в крае в первые века после присоединения и т. д.). Но башкиры, по его мнению, не только не оценили эти благодеяния, а оказались самыми яркими врагами России и русских и непрерывно восставали в течение XVII—XVIII вв. Фирсов, правда, признавал, что налоговые и другие притеснения царизма вызывали недовольство башкир. Тем не менее он не считал их причиной восстаний. Башкиры восставали потому, что мечтали о независимости, о восстановлении в Башкирии мусульманского ханства. Подобные политические стремления, как считает автор, возникли у башкир под влиянием татарских феодалов и мулл, сумевших якобы подчинить первых своему влиянию: «Башкирский край сделался собственно колонией татар, не хотевших подчиниться русской власти и не терявших веры в возможность возврата старого магометанского порядка вещей. Сюда же они перенесли всю вражду к русским и здесь возобновили, опираясь на башкирцев и на благоприятные для себя условия местности, лесистой и гористой, ту борьбу, в которой на берегах Волги, Тобола и Иртыша мусульманские муллы, князья и мурзы должны были уступить победу народу, борющемуся с ними во имя христианского бога и великого государя, представителя и главы христианского общества». Подобными рассуждениями и в полном противоречии с историческими фактами, Н. А. Фирсов башкирские восстания превращает в составную часть движений мусульманских мулл и феодалов бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, квалифицирует их как феодально-религиозные движения: «Открываясь тут, в этом пункте, борьба была, таким образом, борьбою русских не с полукочевым только, отстаивающим свою независимость и обычай родового быта, башкирским народом, но и со старым магометанством, была продолжением борений их с магометанами, имевших место в XV и XVI веках»¹.

Но среди дореволюционных историков были и те, которые сумели правильно раскрыть основные причины восстаний. Известный уфимский историк-краевед Р. Г. Игнатьев в ряде своих статей, посвященных деятельности первых начальников Оренбургской экспедиции и Миндигулу Юлаеву, предводителю восстания 1739—1740 гг., поднимает и общие вопросы башкирских движений. Впервые в историографии он связал причины восстаний всей политикой царизма в крае,

---

¹ Фирсов Н. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. С. 213—214, 231—232.

недовольством башкир захватом земель, суровыми царскими законами, жестокостью уфимских воевод. Эти мотивы получили дальнейшее развитие и конкретизацию в трудах пермского историка А. А. Дмитриева, считавшего, что башкирские движения были вызваны в основном земельными захватами, тяжелыми налогами и повинностями и произволом местной воеводской администрации. Правда, автор значительно ослабляет свои верные выводы, утверждая, что все это делалось без ведома царя. Кроме того, он говорит о наличии еще так называемых внешних причин восстаний, видя их в том, что башкиры не могли забыть прежней своей независимости, своих мусульманских властителей¹. Привлекают внимание и суждения оренбургского историка А. И. Добросмыслова, по мнению которого важной причиной восстаний были разного рода новые пошлины и злоупотребления воевод. Он пишет и о недовольстве башкир захватом их земель, но при этом автор не видит разницы между правительственно-дворянской и крестьянской колонизацией, представляет дело так, что башкиры якобы одинаково были недовольны всеми пришлыми людьми².

Что касается фактической истории движений, то она в дореволюционных трудах освещена неудовлетворительно. Восстания XVII в. охарактеризованы в них лишь в самом общем плане. Несколько подробнее излагается история восстания начала XVIII в., но при этом освещаются главным образом мероприятия властей по подавлению борьбы и действия карательных отрядов. В их изложении много неточностей в фактах и датировке восстаний. Дореволюционные авторы отрицательно относятся к восстаниям, считают их анархией, бунтом, повстанцев — ворами и разбойниками, их действия — актами грабежа и насилия, одобряют жестокое подавление восставших. В дореволюционной историографии искажены сущность и характер восстаний. Борьба повстанцев против феодального государства и господствующих классов выдается за движения, направленные против всех русских. Тем самым народные движения лишаются социального характера. Наконец, совершенно игнорируются положительные последствия восстаний. Дворянские и буржуазные историки не только стараются подвести читателя к выводу о том, что восстания были бесполезны

---

¹ *Игнатъев Р. Г. И. К. Кирилов — основатель Оренбургского края. // Уфимские губ. ведом. 1880. № 14—16, 18, 20; Его же. В. Н. Татищев, второй начальник Оренбургского края // Уфим. губ. ведом. 1881, № 29; Его же. Князь В. А. Урусов, третий начальник Оренбургского края. // Уфим. губ. ведом. 1882. № 20; Его же, Карасакал, алжехан Башкирии (эпизод из истории Оренбургского края XVIII в.). // Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БССР. Вып. 2, Стерлитамак, 1922. С. 39—40; Дмитриев А. Указ. соч.*

² *Добросмыслов А. И. Башкирский бунт в 1735, 1736, 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 8. Оренбург, 1900. С. 3.*

и для самих башкир, но и отрицают всякое положительное историческое значение этих движений¹.

Таким образом, дореволюционные авторы придавали важное значение истории башкирских восстаний. Они приступили к ее научному исследованию, достигли определенных успехов, хотя и не сумели в целом разрешить проблему ни в фактическом, ни в концепционном плане.

Ошибочные положения русской дореволюционной историографии в настоящее время повторяются в трудах зарубежных буржуазных авторов, в частности, в книге американца А. Доннелли, которая, правда, пока является единственным исследованием зарубежной историографии по нашей теме. Определяющим фактором русской истории, по его мнению, является завоевание соседних земель и народов. Поэтому все события истории России и политику правительства на юго-восточной окраине, Башкирии в частности, автор оценивает сквозь эту призму. Он по существу не признает добровольное вхождение Башкирии в состав Русского государства. Но, будучи не в состоянии полностью отрицать очевидный факт мирного присоединения, он рассматривает его только как формальный акт, как признание русского суверенитета. Все последующее развитие Башкирии в составе России до середины XVIII в., по его мнению, является историей завоевания русскими башкир. Восстания XVII—XVIII вв. он характеризует как войну башкир против русского завоевания, против русского империализма и порабощения². Автор игнорирует социально-экономические аспекты истории, ни в русском, ни в башкирском обществах не видит классов и классовых противоречий, полностью отождествляет трудовые массы русского народа с царским правительством. Собранный в книге значительный фактический материал по политической истории края из опубликованных источников и литературы по существу не влияет на его концепцию, а служит лишь фоном для иллюстрации заранее готовой схемы. Таким образом, анализ книги Доннелли показывает, что автор, обвиняя советских исследователей в необъективном освещении истории нерусских народов, сам показал пример явной тенденциозности в изучении этой же проблемы.

После Октября проблема народных движений против гнета и на-

---

¹ Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 1. С. 87—91; Попов Н. Указ. соч. С. 162—201; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 6. Т. 12. С. 581—583, 584; Кн. 7. Т. 13. С. 234—235; Кн. 8. Т. 15. С. 172—175; Фирсов Н. Указ. соч. С. 214—223, 244—304; Игнатьев Р. Р. Карасакал, лжехан Башкирии... С. 38—65; Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 130—134, 138—176. Вып. 3. С. 424—439; Дмитриев А. Указ. соч. С. 72—99; Добросмыслов А. И. Указ. соч. С. 72—99, 3—104; Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915. С. 51—60.

² Alton S. Donnelly. The Russian Conquest of Bashkiria 1552—1740. A Case Study in Imperialism. Yale Russian and East European Studies. New Haven and London. Yale University Press. 1968.

силы заняли одно из центральных мест в нашей исторической науке. Уже в первых работах советских авторов истории башкирских восстаний уделено особое внимание. Историки 20-х гг. остро критиковали дворянско-буржуазные концепции, стремились понять узловые вопросы темы и в этом отношении достигли определенных успехов. Они сумели правильно выяснить причины восстаний, связав их с политикой царизма и господствующих классов¹. Советские историки положительно оценивали восстания как выступления против политики угнетения, отмечали массовость борьбы, участие в них, наряду с башкирами, других нерусских народов, героизм повстанцев, жестокость карателей. Недостатком исследований этих лет была прежде всего узкая источниковая база. Историки оперировали фактами, добытыми еще в до-революционное время, что в известной мере сковывало развитие творческой мысли, мешало окончательному высвобождению от традиционных представлений. Неточно ими определялись конкретные причины недовольства масс, смешивались, за отдельными исключениями, главные и второстепенные причины восстаний. Слабо в те годы разрабатывалась фактическая история движения, которая освещалась в самом общем плане, большинство восстаний датировалось неверно². В соответствии с концепцией о завоевании Башкирии Российским государством историки рассматривали восстания в крае как акт сопротивления завоеванию, борьбу за восстановление национальной независимости, за создание мусульманского государства³.

30—50-е гг. представляли сложный, противоречивый этап в изучении истории башкирских восстаний XVII—XVIII вв. Изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, известные постановления партии и правительства середины 30-х гг. об изучении истории, расширение источниковой базы за счет новых архивных материалов помогли советским историкам создать научную концепцию проблемы. Крупный исследователь истории народов СССР Чулошников А. П., показав несостоятельность старой историографии о господстве в башкирском

¹ Чулошникова Н. А. К истории башкирского землевладения и русской поземельной политики в Башкирии после указа 1832 г. // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Вып. 1. Оренбург, 1921. С. 19; Атнагулов С. Башкирия. М.: Л., 1925. С. 7; Фахретдинов Г. Башкорт тарихы (История башкир). Казань, 1925. С. 53; Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6—7. С. 77; Тупеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 43.

² Фахретдинов Г. Указ. соч. С. 55—62; Рязанов А. Ф. Оренбургский край. Оренбург, 1928. С. 20—36; Тупеев Ш. Указ. соч. С. 44—58; Бикбулатов С. Башкирские восстания и татары. // Вестник научного общества татароведения. Казань, 1930. № 9—10. С. 79—84; Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М., 1927. С. 21—27; Атнагулов С. Указ. соч. С. 9—22; Чулошникова Н. А. Указ. соч. С. 19.

³ Атнагулов С. Указ. соч. С. 7—8; Никитин М. Указ. соч. С. 77; Рязанов А. Ф. Указ. соч. С. 19; Тупеев Ш. Указ. соч. С. 35.

обществе в XVII—XVIII вв. кочевого хозяйства и родовых отношений, пришел к важному выводу о классовом, феодальном характере производственных отношений у башкир того времени. Не менее глубокие выводы им сделаны относительно сущности, характера и исторического значения башкирских восстаний. Он писал, что нельзя рассматривать «... башкирские восстания как сплоченные и устойчивые выступления всего башкирского народа во главе со своими феодалами — тарханами и батырами... Но вместе с тем это не были и классово-выдержанные выступления одних непосредственных производителей, которые плохо разбирались в своих действительных союзниках и подлинных классовых врагах». Автор обращает внимание и на то, что борьба была безрезультатной, что восстания «... задержали распространение общего закрепощения и на Башкирский край». Давая оценку восстаниям, он пишет, что это было «... типичным колониальным движением, направленным против гнета метрополии и руководимым на известном этапе борьбы также и собственными эксплуататорскими классами. Но при всем этом никогда не следует отрицать прогрессивного и революционного значения башкирских восстаний... Они все же были, несомненно, крупным и положительным фактором в общем развитии России и ее колониальных районов»¹. Однако не все положения автора бесспорны. Не прав был А. П. Чулошников, отрицая, например, добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству и соответственно оценивая восстания последней четверти XVI в. как сопротивление русскому завоеванию. Нельзя также согласиться с его характеристикой политики царизма в Башкирии уже в XVII в. как колониальной. Эти годы были важными и в плане разработки фактической истории восстаний. Вслед за А. П. Чулошниковым изучением конкретной истории отдельных движений занимались видные исследователи В. И. Лебедев и Н. В. Устюгов². Позитивно в целом оценив вклад последних в изучение проблемы, необходимо отметить, что нельзя согласиться с некоторыми положениями Н. В. Устюгова, в частности, выводом о реакционности программы восстаний.

Но в то же время обстановка культа личности Сталина, отрицательно влиявшая на развитие всей советской исторической науки, тяжело сказалась и на изучении истории башкирских восстаний. Вслед за пересмотром движений горцев Северного Кавказа 30—50-х гг. XIX в. под руководством Шамиля стали переоцениваться и выступления других нерусских народов России. Новая точка зрения о сущ-

¹ Чулошников А. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1, М.: Л., 1936. С. 4—14, 24—27, 63—64.

² Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705—1711 гг. // Ист. записки, 1937. № 1. С. 81—102; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. Ист. записки, 1947. № 24. С. 30—110, Его же, Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.: Л., 1950.

ности, характере и историческом значении башкирских восстаний XVII—первой половины XVIII вв. нашла отражение в «Очерках по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, вышедших в Уфе в 1956 г. под редакцией А. П. Смирнова, Н. В. Устюгова, А. И. Харисова, Г. Ф. Шафикова, Р. Г. Кузеева. Авторами соответствующих разделов являлись Н. В. Устюгов, В. И. Лебедев, Е. И. Каменцева.

Авторы «Очерков...» кратко и в основном верно раскрыли тенденции социально-экономического и политического развития края. Достаточно показана политика царизма в Башкирии в XVII—XVIII вв. Авторы отмечают постепенное усиление позиций царизма и ухудшение положения местного населения. В характеристике восстаний положительным является стремление авторов дать связанное изложение хода восстаний. Довольно подробно освещены восстания 1662—1664 гг., 1681—1684 и 1704—1711 гг. Однако многие положения и общий подход авторов «Очерков...» к истории восстаний XVII—начала XVIII вв. вызывают серьезные возражения. Восстания эти, по их мнению, были движениями башкирских феодалов, недовольных русским царизмом. Последние не хотели делить свою власть над рядовыми башкирами с правительством, они тяготились теми сравнительно небольшими ограничениями, которые установила для них царская администрация. Участие рядовых башкир в восстаниях авторы объясняют агитацией и принуждением со стороны башкирских феодалов. Феодално-крепостническая эксплуатация башкирских масс со стороны государства и дворянства ими рассматривается лишь как повод для недовольства, как благоприятный фон для антиправительственной деятельности местных феодалов. Движущей силой восстаний объявляются башкирские феодалы. Обманутые и насильно втянутые в борьбу рядовые общинники якобы быстро отходили от нее в ответ на разорения правительственными командами. Этому способствовали, пишут они, и различные обещания царских властей¹.

Подобные объяснения причин восстаний и роли в них различных классов башкирского общества вызывают возражения. Нельзя согласиться с авторами прежде всего потому, что при анализе причин восстаний они учитывают недовольство лишь башкирских феодалов и игнорируют недовольство основной массы народа. Совершенно ясно, что основная тяжесть феодално-крепостнического гнета царизма падала на плечи рядовых башкир и вызывала прежде всего их недовольство, что привело к восстанию. Во-вторых, не правы авторы, рассматривая башкирских феодалов, как выступающих единым фронтом против царизма. В действительности, среди них не было единства в отношениях с правительством. Одни из них, преимущественно крупные, были в союзе с царизмом, являлись его опорой в крае, помогали ему подавлять народные движения; другие, в основном средние и

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 106—110, 114—118, 122—123, 163—165.

мелкие, недовольные отдельными действиями правительства, участвовали в восстаниях. Наконец, не совсем понятно, почему авторы не обращают внимание на участие в восстаниях трудовых масс пришедшего нерусского населения, не выясняют причины их недовольства, так как при общей оценке движений невозможно обойтись без учета их роли.

Спорным является также подход к источникам при изложении хода восстаний. Авторы «Очерков...» без всяких оговорок соглашаются с оценками, содержащимися в источниках, и на этой основе утверждают, что восставшие направляли свой удар главным образом против местного русского населения, что «фактические действия повстанцев... вылились в набеги на русские поселения, разорение русских сел и деревень, грабеж имущества, отгон скота, захват пленных»¹. Такими путями в «Очерках...» народная борьба против угнетателей превращается в грабительские набеги башкирских феодалов, в антирусские движения. Но ведь ясно, что подобные оценки источников принадлежат перу представителей местной администрации или командиров карательных команд, которые рассматривали всякое выступление народных масс против существующей власти как акт анархии, грабежей и убийств, преувеличивая действительные случаи во много раз. Конечно, это возражение не означает, что мы вообще отрицаем факты разорений повстанцами мирных жителей. Бесспорно, что в ходе восстаний башкирские повстанцы не всегда различали настоящих врагов и мнимых, от них в какой-то мере страдали и трудовые массы русского народа. Это, скорее, не вина повстанцев, а их беда, и в условиях той эпохи вряд ли можно было предотвратить подобные явления, и ответственность за это падает на феодальное государство, направляющее одни народы на другие. Но суть заключается в том, что разорение мирных сел и деревень — не главное в действиях восставших, которые свои основные усилия направляли против царских команд, крепостей и городов как опорных пунктов власти, расправлялись с представителями господствующих классов и администрации.

Трудно согласиться с тезисом авторов «Очерков...» о наличии у повстанцев программы отделения Башкирии от России уже в восстаниях XVII в. Тем более они не привели убедительный материал, подтверждающий свой вывод. Правда, восставшие имели связи со своими степными соседями, обращались к ним за помощью. Вряд ли правомерно толковать подобные связи, как это делается в «Очерках...», в качестве доказательства наличия у восставших программы отделения от России². В ходе восстаний XVII в. они добивались прекращения земельных захватов, уменьшения налогов, пресечения

---

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956, С. 111, 115, 123, 164, 165.

² Там же. С. 110, 111, 116, 118.

попыток христианизации, произвола и насилия представителей царской администрации, но еще не ставили вопрос об отказе от русского подданства.

Что касается выводов «Очерков...» о наличии программы отделения Башкирии от России в восстаниях первой половины XVIII в., то следует признать их справедливыми. Однако назвать эту программу реакционной, как пишут авторы «Очерков...», нельзя. Дело не только в том, что каждый народ имеет право на политическое самоопределение, на создание своего национального государства. Поскольку восставшие пришли к выводу об отказе от русского подданства, у них, по-видимому, были соображения относительно дальнейшего политического устройства своей жизни. Они надеялись жить не хуже, чем они жили до сих пор в крайне угнетенном положении в составе России.

В итоге авторы «Очерков...» сочли возможным сделать общий вывод о башкирских восстаниях XVII—первой половины XVIII в. как «реакционных», «бесперспективных», «антирусских», «антинародных» феодальных движениях¹. Предложенная концепция по существу означала отрицание исторического значения этих восстаний.

В основе этой точки зрения лежит субъективизм и произвол в оценке исторических событий, идеализация политики царизма в Башкирии, преувеличение роли башкирских феодалов в восстаниях и недооценка в них места рядовых общинников в частности. В ряде случаев авторами допущено некритическое отношение к источникам. Многие положения оказались декларативными.

Появление этой концепции означало, что вопрос о предпосылках, движущих силах, сущности, характере и историческом значении башкирских восстаний XVII—первой половины XVIII вв. стал дискуссионным. Он неоднократно обсуждался на научных сессиях историков республики. Правда, эти обсуждения не привели к разрешению спорных аспектов проблемы. Многие исследователи выступали против концепции Н. В. Устюгова². Но в обстановке тех лет она получила официальное признание и вошла в учебники и учебные пособия³.

Споры по проблеме продолжались в конце 50—60-х гг. Высту-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 106, 116, 123, 169.

² Научные сессии Института истории, языка и литературы БНЦ УрО РАН по вопросам истории Башкирии состоялись в 1946, 1950, 1951, 1953 и 1961 гг. // НА БНЦ УрО РАН Ф. 3. Оп. 12. ДД. 21, 23, 24, 25. Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958; Научная сессия по вопросам истории Башкирии. Тезисы докладов. Уфа, 1961.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 807—811; Там же. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957. С. 647; История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М., 1956. С. 390, 391, 480, 489, 490.

пая в Уфе в 1957 г. на научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству, Н. В. Устюгов заявил о своем принципиальном несогласии с оценками башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII в., данными в 30—40-х гг. в работах А. П. Чулошникова, В. И. Лебедева и своих собственных, назвав их в корне ошибочными¹. Затем он проанализировал каждое из движений. Восстание 1662—1664 гг. им характеризуется следующим образом: «Реакционная сущность башкирского феодального движения 1662—1664 гг. совершенно очевидна. Патриархально-феодалная знать боролась за сохранение отсталых форм хозяйства, за свое право безраздельно эксплуатировать башкирские трудящиеся массы путем использования патриархальных пережитков... В основе своей это движение было бесперспективным, оно защищало хозяйственный застой». Оценивая же восстания 1681—1684 гг. автор счел возможным прямо утверждать, что это было движение «... поднятое башкирскими феодалами в защиту ислама». Борьба в 1704—1711 гг. квалифицируется им как «...антирусское восстание, вылившееся в феодально-монархическое движение реакционной части башкирских феодалов»². Как видно, Н. В. Устюгов повторяет, правда, в более категоричной форме, концепцию «Очерков...», отрицает положительное значение восстаний, хотя и не приводит новые материалы. Наша аргументация против подобной оценки башкирских восстаний приведена выше. В кандидатской диссертации, посвященной башкирскому восстанию 1735—1736 гг., Н. Ф. Демидова поддержала точку зрения Устюгова³. В статье, опубликованной в Советской исторической энциклопедии, И. А. Булыгин, отметив наличие двух точек зрения в оценке названных восстаний, отдает предпочтение концепции Н. В. Устюгова⁴.

В то же время в ряде работ наметился иной подход к проблеме. Так, на состоявшейся в 1961 г. научной сессии по вопросам истории Башкирии восстания XVII — первой половины XVIII в. были оценены в целом как положительные события в истории края. Согласно этой точке зрения, главными движущими силами восстаний были трудящиеся массы башкир, восставших против усиления национального и феодально-крепостнического гнета, суть и содержание восстаний следует искать не в имевших место сепаратистских тенденциях части феодалов, а в борьбе народных масс против нацио-

¹ Устюгов Н. В. О характере башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII в. // Материалы науч. сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. С. 86—89.

² Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 117—126.

³ Демидова Н. Ф. Башкирское восстание 1735—1737 гг. Автореф. канд. дисс... М., 1956.

⁴ Булыгин И. А. Башкирские восстания второй половины XVII — первой половины XVIII вв. // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 188—189.

нального и социального гнета¹. Такое же мнение высказали авторы общенационального очерка «Башкирская автономная советская социалистическая республика», помещенного в Советской исторической энциклопедии². Резкой критике концепцию Устюгова Н. В. и его сторонников подвергли историки Башгосуниверситета. В своей статье, посвященной общей характеристике башкирских движений XVII — первой половины XVIII вв. З. И. Сираев пишет, что мнение авторов «Очерков...» о восстаниях указанного периода как о феодальных, антифеодальных и реакционных движениях, направленных к отрыву Башкирии от России, несостоятельно. Оно имеет некоторое сходство с оценками этих восстаний дворянскими и буржуазными историками, которые не видели ничего положительного в башкирских восстаниях, как и во всем антифеодальном движении масс. Он считает, что одной из причин ошибок Устюгова и его сторонников является то, что они односторонне и по существу неправильно трактуют роль народных масс в восстаниях, не видят ничего положительного в действиях десятков тысяч трудящихся башкир, татар и других народов края в течение целого столетия и преувеличивают деятельность башкирских феодалов и ханов-самозванцев³.

Прошедшие дискуссии и споры показали недостаточную изученность фактической истории большинства башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII вв. Поэтому в 60—70-х гг. значительное внимание уделяется ее разработке, выяснению конкретных и общих вопросов движений. Автором этих строк специально изучена история восстаний в 1662—1664, 1681—1684 и 1704—1711 гг. на основе опубликованных материалов и архивных источников, обнаруженных им в архивах Москвы, Ленинграда, Уфы, Оренбурга. Чтобы воссоздать реальную картину событий и понять сущность, характер и историческое значение этих восстаний, он стремился рассмотреть узловые вопросы, как-то: социально-экономические предпосылки и причины движений, их ход, состав движущих сил, взаимоотношения повстанцев с русскими крестьянами, требования восставших. В результате их изучения автор пришел к выводу о том, что перечисленные выступления были движениями прежде всего широких масс башкирского народа, которые были и инициаторами борьбы и основной ее силой. К движению масс примкнула часть феодалов и мусульманского духовенства. Но при этом последние проявляли колебание, склонность к компро-

¹ Сираев З. И. О характере башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII вв. // Научная сессия по вопросам истории Башкирии. Уфа, 1961. Тезисы докладов. С. 17—18.

² Урманов А. Н., Юлдашбаев Б. Х. Башкирская автономная советская социалистическая республика. // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. С. 183.

³ Сираев З. И. О характере башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII вв. // Из истории Башкирии (часть вторая). Уфа, 1963. С. 6—9, 14—15.

миссам с властями, при осложнении обстановки часто оставляли ряды восставших. Борьбу башкир поддерживали и трудовые массы пришлого нерусского населения. Что касается отношений восставших с русскими крестьянами, то в целом и во время восстаний между ними сохранились мирные отношения, хотя местами восставшие разоряли русских крестьян, а часть последних участвовала в подавлении народной борьбы. Но подобных осложнений от восстания к восстанию становилось все меньше, что свидетельствовало о постоянном росте классового сознания башкирских общинников и русских крестьян. Исторический опыт восстаний XVII — начала XVIII вв. вел их к пониманию общности интересов. Так постепенно готовилась почва для совместной борьбы башкир и русских в крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева, Салавата Юлаева и других вождей. Восставшие протестовали против захвата земель, роста налогов и повинностей, христианизации, произвола администрации.

Оценивая восстания как национально-освободительные движения, автор имеет в виду борьбу против политики национального угнетения царизма в Башкирии (христианизацию мусульман, курс на постепенную ликвидацию местного самоуправления, игнорирование языка и культуры башкир и т. д.) и требования уступок по этим вопросам. Восстания потерпели поражение, однако башкиры отстаивали свою личную свободу, вотчинное право на землю, сохранили часть земель. Башкирские восстания мешали феодальному государству угнетать и грабить трудовые массы всего края и, несмотря на отдельные отрицательные моменты, были в целом крупным и положительным событием в истории всего Урала и Ср. Поволжья¹. В то же время необходимо отметить наличие в тех работах автора отдельных неточных оценок восстаний. Он был прав, когда писал, что в ходе восстаний XVII в. башкиры боролись за социальное и национальное освобождение в составе Российского государства. Но он допустил ошибку, заключая, что участники восстания 1704—1711 гг. не выдвигали лозунг отделения Башкирии от России.

Отсутствие единства среди историков-исследователей по ряду вопросов башкирских восстаний XVII—XVIII вв. отразилось и в освещении темы в общей учебной литературе последних лет. В вузовском учебнике по истории СССР названные движения рассматриваются как протест против угнетательской политики царизма. В многотомной истории СССР восстания XVII столетия оцениваются как антирусские

---

¹ Акманов И. Г. Башкирское восстание 1704—1711 гг. В кн.: Из истории Башкирии. Дореволюционный период. Уфа, 1968. С. 21—151; *Его же*. Башкирское восстание 1681—1684 гг. // Башкирский государственный университет. Кафедра истории СССР досоветского периода. Ученые записки. Серия исторических наук. № 12. Вып. 54. Уфа, 1970. С. 108—146; *Его же*. Башкирское восстание 1735—1736 гг. Уфа, 1977. С. 81—84; *Его же*. Башкирские восстания XVII — первой трети XVIII вв. Уфа, 1978. С. 3—78.

движения башкирских феодалов, восстания же первой половины XVIII в. как находящиеся в неразрывной связи с классовой борьбой русского крестьянства народные выступления против общего усиления гнета царизма. В новейшем учебнике истории СССР башкирские восстания характеризуются как широкие народные движения, которые носили прогрессивный характер и стояли в одном ряду с восстаниями русских крестьян против крепостного права¹.

Книга написана на основе прежде всего архивных источников. Нами изучены материалы четырех московских (Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Архива внешней политики России, Рукописного отдела Российской Государственной библиотеки, четырех Санкт-Петербургских (архивов Санкт-Петербургского филиала института истории России и Российской академии наук, Российского государственного архива Военно-Морского флота, Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), двух уфимских (Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, Научного архива БНЦ УрО РАН) и Государственно-научного архива Оренбургской области.

Основные архивные материалы по теме хранятся в РГАДА. В фонде Уфимской приказной избы (ф. 1173) сосредоточены челобитные всех разрядов населения Башкирии с конца XVI до середины XVIII вв. с самыми различными просьбами на имя властей, припускные записи, в которых оформлялись условия пользования башкирскими землями со стороны пришлого населения, записи заемных, закладных кабал и на половничество, поступные, наемные и житейские записи, купчие на землю, людей, копии грамот и наказов Приказа Казанского дворца и уфимских воевод, десяти и служилые списки дворян и других служилых людей, выписки из отводных и отдельных книг, отрывки списков башкирских тарханов, ясашных книг и т. д. Перечисленные материалы являются одним из главных источников по социально-экономической и отчасти политической истории края в XVII — первой половине XVIII в. Важные документы по социально-экономическим отношениям в Башкирии содержатся в фондах Правительствующего Сената (ф. 248), в частности, среди дел и приговоров по Оренбургской губернии (Кн. 132, 134—139), по Заводской комиссии, по Соляной конторе, по Камер-Коллегии и т. д. Материалы о политике царизма в Башкирии и восстаниях XVII — начала XVIII вв. собраны в фондах Кабинета Петра I (ф. 9) и Сибирского приказа (ф. 214). В этом отношении особенно выделяются дела, хранящиеся в Кабинете Петра I, личной канцелярии царя, куда стекались сведения о положе-

¹ История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М., 1964, С. 483—484; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 3. М., 1967, С. 131—132, 296, 300—302; История СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1975. С. 472.

нии дел со всех концов страны, в т. ч. Башкирии, о недовольстве населения, о его волнениях и восстаниях. В 18-й книге «Дело о бунтах» собран богатый фактический материал о ходе восстания 1704—1711 гг. Материалы Сибирского приказа позволяют воссоздать историю борьбы в Зауральской Башкирии в 1709—1710 гг.

В РГАДА хранится часть документов Посольского приказа, ведавшего, наряду с иностранными делами, и сношениями с некоторыми нерусскими народами в первое время их пребывания в составе России.

В настоящее время документы, относящиеся к отдельным народам, составляют особые фонды: «Башкирские дела» (ф. 108), «Калмыцкие дела» (ф. 119) и т. д. Фонд «Башкирских дел» по объему невелик, но его документы представляют большую ценность. Они состоят из челобитных башкир и донесений местных властей об обстановке в Башкирии. Необходимо особо отметить, что в составе этого фонда до нас дошел полный текст челобитной башкир всех четырех дорог от начала февраля 1706 г., в которой они конкретно показывают свое тяжелое положение в конце XVII—начале XVIII вв. Интересные сведения о политике царизма в Башкирии, о сложных взаимоотношениях башкир с калмыками и башкирских восстаниях XVII—начале XVIII вв. содержатся в делах фонда «Калмыцкие дела». Материалы данного фонда впервые введены в научный оборот известным исследователем истории башкирских восстаний, ныне покойным Н. В. Устюговым.

Немало важных сведений по теме имеются в архивах Санкт-Петербурга. В архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории России Российской Академии наук в ряде фондов (ф. 28, 83, 122) нами выявлены и пушены в научный оборот документы о политике царизма в Башкирии в XVII—начале XVIII вв. и восстаниях этого периода. В архиве Российской Академии наук в Санкт-Петербурге хранятся копии материалов, снятых в канцеляриях Тобольска, Верхотурья и других городов Сибири академиком Г. Ф. Миллером во время его путешествия по России в 30—40-х гг. XVIII в. В них содержатся важные сведения по истории колонизации Башкирии в XVII—начале XVIII вв., политике правительства и башкирских восстаний. Отдельные интересные документы по проблеме имеются в Российском государственном архиве Военно-Морского флота и рукописном фонде Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

Достаточно разнообразный материал хранится в архивах г. Уфы. В фонде № 3 архива Института истории, языка и литературы БН УрО РАН. представляют интерес «Материалы к истории г. Уфы: Д. С. Волкова. Содержание гораздо шире названия дела. Наряду интересными сведениями по истории г. Уфы, в нем есть данные о колонизации Башкирии, политике правительства и народных движениях XVII—XVIII вв. В этом же фонде находятся документы на языке тюрки по социально-экономической и политической истории края в XVII—первой половине XVIII вв. В ЦГИА Республики Башкортостан

стан по нашей теме сохранились лишь разрозненные материалы. Например, в фондах Оренбургского военного губернатора (ф. 2.) и канцелярии Оренбургского гражданского губернатора (ф. 6) имеются отдельные документы по земельной политике царизма в XVII — начале XVIII вв.

Немногочисленные, но ценные документы имеются в Центральном Государственном архиве Оренбургской области. В фонд генерала И. В. Чернова (ф. 167) входит дело, в котором собран ряд копий башкирских грамот второй половины XVII—XVIII вв., в т. ч. несколько грамот, подтверждающих вотчинное право башкир на землю.

В книге использованы и опубликованные источники. Кратко охарактеризуем наиболее значительные из них. В ряде сборников документов по истории России, изданных еще в дореволюционное время, имеется немало материалов по нашей теме. В составе таких капитальных изданий, как «Полное собрание законов Российской империи», Т. 2—8. СПб., 1830, «Письма и бумаги императора Петра Великого». Т. 3—9. СПб., Пгд. М.: Л., 1893—1950, опубликованы многие указы, грамоты, инструкции, распоряжения и другие материалы по самым различным вопросам управления башкирами и Башкирией, борьбы с народными движениями в XVII — начале XVIII в. Интересные сведения по социально-экономическим отношениям, истории колонизации края, политике правительства и башкирских восстаний можно найти в «Пермской летописи». Т. 2—5. Пермь, 1882—1889 гг., «Памятниках Сибирской истории XVIII в. Кн. 1—2. СПб., 1882, 1885, «Актах исторических, собранных и изданных Археографической комиссией». Т. 4, 5. СПб., 1842, «Дополнениях к Актам историческим, собранных и изданных Археографической комиссией». Т. 5, 8—10. СПб., 1852, 1875, «Книге Большому Чертежу». СПб., 1848, а также в публикации, подготовленной В. В. Вельяминовым-Зерновым под названием «Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями» // Записки импер. Академии наук. Т. 4. Кн. 2. СПб., 1864.

При исследовании социально-экономических отношений башкирского общества первой половины XVIII в. привлекались конкретные материалы участников академических экспедиций П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. И. Лепехина, Н. П. Рычкова, хотя они побывали в крае в конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII в. Правда, материалы использовались с учетом временных изменений.

Из документальных публикаций советского времени следует отметить «Материалы по истории Башкирской АССР». Ч. 1. М.: Л., 1936 и Т. 3. М., 1949, содержащие важные источники по социально-экономической истории, политике русского царизма и башкирским восстаниям XVII — начала XVIII вв. Ценнейший материал об исторической обстановке, ходе и условиях присоединения Башкирии к Русскому государству можно найти в сборнике «Башкирские шежере». Уфа, 1960. Сохранившиеся источники дают возможность понять поставленные вопросы.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БАШКИРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII вв.

§ 1. Территория, население и административное устройство

В первое время после вхождения в состав России Башкирия занимала обширную территорию от Волги до Тобола, от Илека и Яика до среднего течения Камы и Сылвы. К 30—40-м годам XVIII в. башкиры потеряли значительную часть своих земель ввиду захвата их феодальным государством, дворянами и другими служилыми людьми, заводчиками. Часть башкирской территории на юге и юго-западе была изъята казахскими и калмыцкими феодалами. Определенное значение имело и усиление «вольной» колонизации края, переселение сюда русского и нерусского населения из центральных районов и Ср. Поволжья. Теперь на западе башкирские земли доходили примерно до нижнего течения Самары, далее шли по Новой Закамской линии крепостей до среднего течения Камы. Южной границей Башкирии являлось среднее течение р. Яик. На востоке башкиры сохранили свои земли до среднего течения рек Миасс и Исеть.

Население края во второй половине XVI в. состояло

из одних башкир. В конце XVI в. в Башкирии появляются первые переселенцы из центральных районов и Ср. Поволжья. Их численность была невелика. Например, в Уфе в 1594 г. насчитывалось 182 человека взрослых людей мужского пола. Количество женщин неизвестно. Пришлое население несколько увеличивается с середины XVII в. Новый этап переселения в Башкирию начинается в 40—50-х гг. XVIII в., когда правительство, организовав Оренбургскую губернию, взяло курс на массовую колонизацию края. Башкирия превращается в многонациональный край, где, наряду с коренными жителями, стали проживать русские, марийцы, татары, чуваша, удмурты, мордва, мишари, калмыки и др.

Сколько же было в крае всего населения и каждого из перечисленных народов в изучаемое время? Выяснение численности населения представляет большую сложность из-за неполноты сведений. За вторую половину XVI и XVII век достоверных источников не сохранилось. Более определенные сведения имеются по первой половине XVIII в.

Рассмотрим материалы по башкирам. Прежде всего представляет интерес общая оценка численности башкир царскими администраторами края. Например, в донесении казанского губернатора П. М. Апраксина от 10 марта 1709 г. к Петру I о башкирах говорится, что «... народ их проклятый, многочисленный и военный». В письме к своему брату адмиралу Ф. М. Апраксину он пишет, что башкиры «...многочисленный народ... живут... на многих тысячах верстах»¹.

Имеются и более конкретные данные. Как известно, царские власти и в XVIII в. оказались не в состоянии произвести открытую перепись башкирского населения. Поэтому они искали другие пути. По секретному заданию начальника казенных заводов Урала генерала В. И. Геннина кунгурский бургомистр Юхнев в 1725—1726 гг. под видом купца объездил всю Башкирию и скрытно собрал данные о численности башкир. По его подсчетам, в это время в 60 волостях насчитывалось 28655 башкирских дворов². Но эта цифра не является полной, ибо охватывает не все волости. В Сибирской дороге он не побывал в Барынтабынской, Унларской, Тырнаклинской и Каратавлинской волостях, в Казанской — Елдякской и Иланской, в Осинской — Тазларской и Ирехтинской волостях. Поэтому за

¹ Материалы... Ч. 1. № 118, 128.

² Там же. Т. 3. № 546.

счет последних 8 волостей к общему числу дворов нужно добавить минимум 3816 дворов, исходя из расчета по 477 дворов на одну волость. Среднее число 477 получено путем деления общего количества башкирских дворов на 60 волостей, учтенных Юхневым. В итоге получили 32,5 тысячи дворов башкир. Эта цифра совпадает и с данными хорошо знающего Башкирию представителя местной администрации переводчика Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухамета Уракова; по мнению которого, в 40-х гг. XVIII в. в крае насчитывалось около 33 тыс. башкирских дворов¹.

Попытаемся на основе этих данных определить численность коренного населения. Юхнев считал, что в каждом дворе имеются по 3 мужчины, «которые могут воевать». Не нужно сомневаться, что в одном дворе могло быть 3 воина. Это объясняется особенностями башкирского двора. П. И. Рычков в этой связи писал, что «в каждом дворе их живет обыкновенно по нескольку семей»². В этнографической литературе также отмечается, что у башкир даже в XIX в. имели широкое распространение так называемые неразделенные семьи, состоящие из трех поколений — родителей, женатых сыновей и их детей³.

Чтобы получить общую численность населения двора, количество мужчин-воинов надо умножить на 4, ибо они составляли около четверти населения, другая четверть состояла из мальчиков и стариков, а половина — из людей женского пола. На основе этих данных можно вычислить общее количество башкир в конце 20-х гг. XVIII в.: 32,5—33 тыс. дворов $\times 12 = 390—400$ тыс. человек обоего пола.

В пользу правильности сделанного нами вывода о численности коренных жителей говорит и следующий факт. Как известно, восстания башкир XVII—XVIII вв. охватывали огромную территорию от Волги до Тобола, от Яика до Камы, иногда до Казани. Уже одно это свидетельствует об участии в борьбе десятков тысяч повстанцев. В ходе восстания 1704—1711 гг. в европейской Башкирии действовало, по самым скромным данным, не менее 35—40 тыс. башкир-повстанцев. Реальность этих цифр подтверждается и тем, что для подавления восстания в этом регионе потребовалось около 12 тыс. солдат, драгун и казаков, не считая отрядов «вольницы». Повстанцев Зауральской

¹ Материалы... Т. 3. № 577.

² Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 1. С. 93.

³ Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа, 1968. С. 343.

Башкирии было не менее 15—20 тыс. человек. Против них действовали 4 регулярных полка, 5000 калмыков и отряды «вольницы». Итак, в этом восстании непосредственно в борьбе участвовало не менее 50—60 тыс. человек¹. При всей массовости восстания берут в руки оружие, по-видимому, не более 50—60% боеспособных мужчин. Следовательно, чтобы движение приобрело такой размах, какой оно приняло в восстании 1704—1711 гг., нужно не менее 100 тыс. мужчин-воинов, что возможно при наличии 190—200 тыс. человек мужского пола и соответственно 380—390 тыс. обоего пола.

Более или менее достоверные сведения о количестве пришлого населения края относятся к 40-м гг. XVIII в. По мнению ряда историков, в это время общая его численность составляла 117093 человек, в т. ч. русских — 75185, тептярей и бобылей — 29820, мишарей — 12088 человек обоего пола².

В конце XVI в. башкирские земли образовали Уфимский уезд. Северо-восточный уголок края, где жили башкиры двух Верхнеуфимских волостей, входил в состав Верхотурского уезда. Зауральские волости находились в ведомстве Тобольского воеводы. Башкиры северной окраины были подчинены, по-видимому, воеводе города Чердыни.

Центральное управление Башкирией до начала XVIII в. осуществлялось Казанским и Сибирским приказами. В 1708 г. в связи с образованием губерний основная территория башкир составила Уфимскую провинцию и была подчинена Казанской губернии. Зауральская Башкирия входила в состав Сибирской губернии. В 1728 г. Уфимская провинция по многочисленным челобитным башкир, жаловавшихся на произвол и насилия казанских властей, была изъята из-под власти казанского губернатора и передана в непосредственное ведомство Сената. В 1734—1743 гг. Башкирия находилась в ведении начальника Оренбургской экспедиции (комиссии). Воевода Уфимской провинции подчинялся начальнику Оренбургской экспедиции. В 1737 г. Зауральская Башкирия была выделена

---

¹ См.: Акманов И. Г. Башкирское восстание 1704—1711 гг. // Из истории Башкирии / дореволюционный период. / Уфа, 1968. С. 93, 96—97, 102, 112, 134, 137, 142, 143; Материалы... Ч. 1. № 95.

² Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань, 1891. С. 295, 422; Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. — // Материалы науч. сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 24—25.

в особую Исетскую провинцию. В марте 1744 г. Уфимская и Исетская провинции вошли в состав вновь образованной Оренбургской губернии, и управление Башкирией было сосредоточено в руках оренбургского губернатора.

Вместе с описанным административно-территориальным устройством Башкирии сохранилось старое ее деление на «дороги»,¹ которых было четыре. Ногайская дорога занимала центральную, юго-западную, южную и юго-восточную части края, Сибирская — северо-восточную и восточную, Казанская — западную и северо-западную, Осинская — северную части Башкирии. «Дороги» (области) по своим размерам не были одинаковыми. Самой большой являлась Ногайская, далее шли Сибирская, Казанская, Осинская дороги. Последние делились на волости. В течение описываемого периода количество волостей в них не было постоянным, ибо шел процесс постоянного дробления волостей и образования новых. По материалам первой половины XVIII в., на территории Ногайской дороги насчитывалось около 30, Сибирской — 23—25, Казанской — 15—17, Осинской — 4—5 волостей, всего около 70—75 волостей².

В XVII — начале XVIII вв. произошли определенные изменения территории, занятой башкирами. Она несколько сократилась. Изменился национальный состав населения. Башкирия стала многонациональной. Наконец, неоднократно перестраивалось ее административное устройство.

§ 2. Хозяйство башкир и пришлого населения

В описываемое время природные условия во многом определили направление хозяйственного развития Башкирии. А были они весьма разнообразными. Значительную часть территории края занимают древние Уральские горы, которые протягиваются с севера на юг, переходя на западе и востоке в холмистую равнину и степь. Вся территория прорезана густой сетью больших и малых рек, среди которых выделяются Белая, Яик, Уфа, Исеть, Миасс, Теча, Ай, Юрюзань, Ик, Дема, Самара, Сакмара. В Зауралье имеются сотни озер. В то время не только горы и холмы, но и значительная часть равнин, особенно долины рек, были покрыты густыми лесами — смешанными и отчасти хвойными. В зоне лесов и гор господствовали подзоли-

¹ «Дорога» — термин, который ведет свое начало от монгольского слова «даруга» — начальник. В Башкирии со времен господства Золотой Орды обозначал административно-территориальную единицу.

² Материалы... Ч. 1. № 28, 30, 31; Т. 3. № 546, 550, 574.

тые и глинистые, вблизи зауральских озер — иловатые и болотистые, на самой южной окраине — песчаные и солонцеватые почвы, но обширные лесостепи и степи были покрыты тучным и плодородным черноземьем. Край был богат разнообразными зверями, птицами, рыбой. Из хищников здесь водились медведь, волк, рысь, барсук, куница, выдра, ласка, лисица и др., из грызунов бобр, белка, заяц и т. д., из копытных — лось, олень, косуля, дикие козы, кабан, дикие лошади (тарпан, кулан) и др.; из птиц — утка, тетерев, глухарь, гусь, лебедь, журавль, ястреб, сокол, орел, беркут и т. д. В реках и озерах обитали разные виды ценных рыб. Леса на западных и южных склонах Уральских гор и в равнинах Предуралья изобиловали дикими пчелами. Недра края хранили в себе неисчерпаемые рудные богатства.

Природа Башкирии создавала благоприятнейшие условия для развития земледелия, скотоводства, бортничества и пчеловодства, охоты, а также для разработки полезных ископаемых. Не случайно хорошо изучившие край русские ученые и путешественники того времени с восхищением характеризовали природные богатства Башкирии. Первый историк Оренбургского края П. И. Рычков писал: «Что касается довольства сея провинции, то во всей Российской империи едва сыщется ли другая, которая б всем нужным к житию человеческому толико избыществовала как Уфимская; ибо к хлебопашеству самая лучшая земля повсемественно, повсюду ж леса, в коих множество бортовых пчел, реки судовыя и рыбныя, озер рыбных и пажитных мест везде довольно»¹.

Башкиры издавна были известны как кочевники-скотоводы. Об этом свидетельствуют письменные источники X—XIV вв. Из материалов, характеризующих хозяйство башкир накануне присоединения к Русскому государству, также видно главенствующее значение скотоводства. Об этом особенно ясно сказано в шежере юрматынцев и усерганцев. То же самое подтверждают шежере минцев, бурзянцев и кыпчаков. На основе материалов шежере можно придти к заключению о том, что главными видами скота у башкир в описываемое время были лошади и овцы².

Важным является вопрос о способе ведения скотоводческого хозяйства. Природно-климатические условия Южного Урала, за исключением юго-западных и юго-восточных

¹ Рычков П. Топография Оренбургская, Ч. 2. С. 216.

² Башкирские шежере, С. 32, 52, 73, 95.

окраин, вряд ли позволяли башкирам даже в первые века их пребывания на этой территории вести классическое кочевое скотоводческое хозяйство. Кроме того, в Башкирии возможности кочевого хозяйства, по-видимому, существенно ограничивались неустойчивой политической обстановкой в прилегающих степях (последовательные вторжения печенегов, половцев, татаро-монголов в IX—XIII вв., междоусобицы XIV—XV вв.) Все это должно было обусловить быструю эволюцию древнебашкирских кочевых племен в сторону полукочевого хозяйства.

Значительную роль в хозяйстве играли бортничество и охота.

Знали башкиры в это время и земледелие¹.

Как развивалось хозяйство края в составе Российского государства?

От XVII — первой половины XVIII в. сохранился ряд общих характеристик башкирского хозяйства.

В замечательном русском историко-географическом источнике «Книга Большому Чертежу», составленном в 1627 г., о башкирах и их хозяйстве сказано следующее: «А усть реки Белыя Воложки вверх и по реке по Уфе, по обеим сторонам и до Оральтовы горы и далее, все живут башкирцы, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют, скоту держат много»².

К этим сведениям примыкают материалы, исходящие от самих башкир. В общих челобитных башкир всех четырех «дорог» на имя царей от 1661/62 и 1694 гг. нашли отражение главные их занятия — полукочевое скотоводство, бортничество, охота. Большой интерес представляют относящиеся к 40—60-х гг. XVIII в. свидетельства представителей царской администрации и путешественников о хозяйстве башкир. Упомянутый выше П. И. Рычков в этой связи писал: «Башкирский народ к пашне не склонен. А хотя некоторые из них и сеют, то токмо про свою нужду, и то малое число. Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодьев... Главная экономия уездных обывателей, особливо ж башкирцев, состоят в конских заводах, в содержании скота и бортных пчел»³. Ему вторит вице-губернатор Уфимской провинции П. Д. Аксаков: «Хлеба пахать не охотни-

¹ Башкирские шежере. С. 32. Васюткин С. М., Янгузин Р. З. К вопросу о возникновении и развитии земледелия на территории Башкирии // Очерки дореволюционной России. Вып. 1. Уфа, 1972. С. 135—136.

² Книга Большому Чертежу. М.: Л., 1950. С. 139, 182.

³ Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 1. С. 201—202; ч. 1. С. 216.

ки, а большая часть довольствуется мясом и крупю, молоком... и пьют и с кобылья и коровья (молока) квашеной называемой кумыз»¹. Наблюдавший жизнь башкир в конце 60 — начале 70-х гг. XVIII в. участник академических экспедиций И. Г. Георги свидетельствует: «Главный промысел башкирцов есть скотоводство; но притом упражняются они несколько в земледелии, звериной ловле... Они могут назваться привычными, щастливыми и богатыми скотоводами; да они и имение свое считают по величине своих стад и табунов. Лошадиные заводы всему у них предпочитают, потому что они заимствуют от них единственно все прямые свои надобности, как например, верховых лошадей, молоко, мясо, из шкур шьют они себе платье и сосуды, а из волосу делают веревки и прочее»².

Рассмотрим хозяйство башкир по «дорогам». О занятиях жителей самой обширной Ногайской дороги побывавший в большинстве ее волостей в середине 20-х гг. XVIII в. кунгурский бургомистр Юхнев писал: «При оной дороге не пахут, хотя и довольно пахотной земли есть, сенных угодий много же, также скота и зверей довольно... Едят лошадиное мясо и пьют из молока зделанное питье, тако ж де у них есть мед и воску довольно...»³.

О хозяйстве башкир Сибирской дороги у него читаем: «Сенных покосов множество и пашенная земля, на которую они навозу никогда не кладут, однако силен родитца ечень да крупа, которые в тех местах сеют, а рожь не сеют и хлеб не едят, но только лошадиное мясо, а пьют кумыс, которое питье зделано из лошадиного молока... Скота довольно, а именно; верблюдов, лошадей, коров, овец»⁴. Интересны наблюдения П. С. Палласа, побывавшего во многих волостях Сибирской дороги: «Преизрядныя и тучныя и плодоносныя степи по всей южной стороне Исетской провинции простирающиеся дают к заведению лошадиных стад такую способность, что нередко здесь сыскать владельцев, кто по несколько сот лошадей имеют, а есть такие, коих богатство в сем от 2 до 4 тысяч лошадей простирается»⁵.

Казанскую дорогу Юхнев характеризует так: «Пахотной земли и сенных покосов довольно имеют. Они сеют рожь и всякой хлеб без навозу, и та дорога кормит Уфу. Они имеют двory хорошие, токмо половина из них летом

¹ Материалы... Т. 3. № 568.

² Георги И. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 91.

³ Материалы... Т. 3. № 546.

⁴ Там же.

⁵ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2. С. 95, 98.

кочуют в степи, едят хлеб и лошадиное мясо, скота у них довольно... меду и воску много». Несколько иные сведения о хозяйстве башкир этой же «дороги» сообщает капитан Н. Рычков, посетивший юго-западные ее районы по поручению академических экспедиций. Характеризуя население среднего течения р. Ик, он пишет: «... в сих местах живет множество башкирцев, коих в число земледельцев причислить невозможно... Народы, обитающие в сей стране, суть татары, и службу отправляющие башкирцы, которые отчасти земледельцы, а больше еще скотоводы и пчеляки». Башкир, живущих в верховьях р. Кинель и Дема, Н. Рычков называет лишь скотоводами: «И всем известно, что они в хлебопашестве почти совсем не упражняются, а пользы их происходит от одного только скотоводства. Зимой пребывают они в убогих жилищах, а весной в степях»¹.

Возможно, некоторый диссонанс в этих известиях объясняется тем, что Юхнев и Рычков описывают разные районы Казанской дороги.

Жителей Осинской дороги Юхнев описывает так: «При оной живут башкиры все в домах... Хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как русские. Скота у них не так много, как у протчих, сено косят много... Меду и воску довольно»². Н. Рычков в целом дает ту же характеристику башкирам этой «дороги»: «Из всех башкирцев, живущих в Оренбургской губернии, одни они упражняются в хлебопашестве, и то еще очень в несовершенном»³.

Таким образом, материалы, относящиеся к «дорогам», подтверждают вывод о решающей роли скотоводства в хозяйстве основной массы башкир. Некоторое исключение составляли жители небольшой Осинской дороги, в хозяйстве которых земледелие стало играть важную роль.

Главными видами скота были лошадь, овца, корова, жоза. Имелось и небольшое количество верблюдов. Но в первой половине XVIII в. последние сохранились лишь в Зауралье.

Как же велось скотоводство, имелось ли сенокосение? Сохранившиеся материалы свидетельствуют о том, что уже в XVII в. башкиры косили сено. В течение века сенокос-

---

¹ Рычков Н. Журнал или дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 71, 108.

² Материалы... Т. 3. № 546.

³ Рычков Н. Указ. соч. С. 108.

шение несколько расширяется. В первой половине XVIII в. сено косили во всех волостях. Но размеры сенокосения не были еще велики. Сеном кормили малолетний скот и лошадей, употребляемых зимой для поездок. Основная масса скота зимой содержалась на подножном корму.

На протяжении всего рассматриваемого периода из традиционных занятий башкир важную роль продолжало играть бортничество. В подавляющем большинстве документов и материалов, на которые мы ссылались при описании сенокосения на территории всех четырех «дорог» в XVII — первой половине XVIII в., есть указание на «бортные места», «бортные угодьи», на занятие населения бортничеством. Исключение составляют лишь отдельные зауральские волости Сибирской дороги, как-то Кара-Табынская, Катайская, в которых бортничество не прослеживается.

Вспомогательное значение имела охота, рыболовство и собиравательство (сбор хмеля, сараны, ягод и т. д.).

Башкиры в изучаемое время занимались и земледелием. Об этом говорят приведенные выше общие материалы. Дополним их конкретными данными по «дорогам».

Материалы XVII в. о состоянии земледелия у башкир Ногайской и Сибирской дорог противоречивы и неопределенны. Но они свидетельствуют о том, что последние в XVII в. в той или иной мере занимались земледелием. Это в первую очередь относится к волостям, расположенным вблизи г. Уфы и других русских поселений. В то же время при перечислении земельных угодий Кипчакской, Тангаурской, Бурзянской, Табынской и Тамьянской волостей Ногайской дороги, Кущинской, двух Верхнеуфимских, Балыкчинской, Катайской, Кара-Табынской, Сырнянской, Сызгинской и Мекетинской волостей Сибирской дороги пашня не называется¹. Из этого можно сделать вывод о слабой роли земледелия в жизни башкир перечисленных волостей, если даже оно в них существовало.

Более определенные сведения о существовании пашни у жителей Минской, Чюбиминской, Илкей-Минской, Саратовской, Меркитской, Бешаульской, Табынской, Кумрук-Табынской, Кипчакской, Усерганской, Юрматынской, Тамьянской, Бурзянской, Тангаурской, Кубелякской, Телевской волостей Ногайской дороги дают источники первой поло-

---

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 5, 19, 23, 50, 67, 90, 327, 336, 342, 362, 836, 905, 953, 969, 973, 1012, 1039, 1045, 1082, 1047, 1200, 1351, 1199, 1234, 1237; Материалы... Ч. 1. № 6, 8, 25, 71, 75.

вины XVIII в.¹ Правда, сеяли очень мало: на один двор приходится 0,18 десятин пашни.

Такая же картина в целом характерна и для башкир «Сибирской дороги». Источники первой половины XVIII в. зафиксировали наличие земледелия в Айлинской, Елдяжской, Унларской, Кудейской, Кушинской, Кайпанской, Катайской, Салжиутской, Терсятской, Сызгинской, Куваканской, Кара-Табынской и Сырнянской волостях. В отдельных волостях башкиры имели мельницы. Правда, существовали волости, в которых не зафиксирована пашня (Кульминская по Ногайской, Балыкчинская и Кара-Тавлинская волости по Сибирской дороге)². Материалы 70—90-х гг. XVII в. свидетельствуют о наличии пашни у жителей Байлярской, Гирейской, Иланской, Каршинской, Елдяжской и Киргизской волостей Казанской дороги. Исключение составляют Булярская и Шемшадинская волости, где отсутствует земледелие³. В первой половине XVIII в. налицо дальнейшее расширение земледелия на этой дороге, хотя оно не коснулось некоторых волостей (например, Булярской⁴).

Что касается Осинской дороги, то ее жители занимались земледелием уже в первой половине XVII в., во второй половине века известны случаи продажи ими излишков хлеба. Но удельный вес земледелия по волостям был неодинаковым. Наряду с районами более или менее развитого земледелия были волости, где оно было мало заметно. Возможно, что в целом по этой «дороге» в первой половине XVIII в. земледелие имело не меньшее значение, чем скотоводство.

О ремесле и торговле башкир этого периода сохранились лишь отрывочные сведения. В условиях господства натурального хозяйства каждая семья сама себя обеспечивала необходимыми орудиями производства, предметами быта, одеждой и обувью. Основным сырьем для производства домашних изделий служили дерево, кожа, шерсть, крапива, коннопля. Особенно развитой у башкир была обработка кожи и шерсти, из которых башкиры изготавливали разнообразную одежду, обувь и головные уборы, по-

¹ Материалы... Ч. 1. № 194; Т. 3. № 24, 31, 48, 64, 81, 127, 160, 221, 225, 227, 251, 291, 292, 339, 352, 359, 362, 367, 373, 396, 428, 429.

² Там же. № 122, 178; Т. 3. № 105, 128, 129, 185, 206, 215, 312, 337.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 56, 79, 110, 496, 643, 794, 896, 954, 1242, 1324, 1333; Ф. 248. Кн. 132. Л. 3—10, 41—51, 67, 68, 114—116.

⁴ Материалы... Т. 3. Раздел 1.

суду различного назначения, валяли войлоки и войлочные покрывала для юрт, делали колчаны для стрел, упряжь и сбрую. Конские волосы и жилы ими использовались для изготовления прочных веревок и ниток. Георги указывает, что башкиры ткали толстое сукно из шерсти, а холст — из крапивы и пеньки. Не менее широко они использовали в качестве сырья дерево, изготавливая из него посуду и другую бытовую утварь, ручные мельницы, ступы, оружие (лук, стрелы, сукмары, деревянную часть копья), различные приспособления для охоты, борти и жилище (основы юрт и срубные дома и клетки в постоянных деревнях) и т. д. По мере усиления роли земледелия начинается строительство мельниц с большими водяными колесами, в отличие от прежних небольших мельниц — мутовок. В первое время их строили русские, татары и другие пришлые люди, а с первой половины XVIII в. их начали строить и сами башкиры.

Башкиры издавна были знакомы с металлами. Но на развитие кузнечного ремесла отрицательное влияние оказала запретительная политика царизма. Ясачное население, в том числе башкиры, не имели права обзаводиться кузницами, а также приобретать панцири, шлемы и сабли. Эти запреты несколько раз подтверждались в XVII — первой половине XVIII в. Царской грамотой от 14 марта 1675 г. запрещалось продавать порох, свинец, пищали и другое оружие башкирам и остальным нерусским народам. Подобное запрещение было повторено указом от 4 марта 1702 г.; а 11 февраля 1736 г. последовал указ «О запрещении иметь в Уфимском уезде и в башкирских селениях кузницы»¹.

Тем не менее башкиры продолжали заниматься рудным делом. Их знания в известной мере были использованы при основании заводов. Лепехин писал, что башкиры «... имеют также немалую склонность в приискивании руд... Можно по справедливости о них сказать, что медные и железные заводы Урала, так и выгодныя к тому места по большей части башкирцам долженствуют»². Георги также отмечает познания башкир по рудному делу. В ряде случаев башкиры поставляли руды заводам. Так, известно, что с середины 20-х гг. XVIII в. жители Гайнинской волости обеспечивали медной рудой Полевской завод.

Скрытно от властей башкиры занимались и кузнечным

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. № 252, ПСЗ-1. Т. 9, № 6887.

² Лепехин И. Указ. соч. Ч. 2. С. 40.

делом. Побывавшая в плену у повстанцев русская крестьянка Рябкова по возвращении в Кунгур в начале 1709 г. рассказала, что айские башкиры, готовясь возобновить восстание, «... всякие хлебные запасы и к военному делу копыя и сулебы приготавлиют, а кует де русской человек уфимский кузнец Ларион»¹. Беглый человек не мог бы заниматься производством оружия, если бы у башкир не было кузницы. О производстве чугуна и железа башкирами дер. Максимово Ногайской дороги сообщил в 1736 г. на допросе абыз Мамедалин. В 40-х гг. XVIII в. изготовлением металлических изделий занимался башкир Енейской волости Ю. Болтин. О наличии обработки железа у башкир свидетельствует и то, что их стрелы и копыя были снабжены железными наконечниками. Башкиры умели обрабатывать и серебро. Известно, в частности, что в 40-х гг. XVIII в. жители Айской волости разрабатывали серебряную руду. Паллас в своих записях отмечает, что при р. Ай башкиры достают «селитреную землю», из которой делают порох².

Башкиры добывали каменную соль из илецких месторождений, которое они считали своей землей. Они полностью обеспечивали себя этой солью до принятия указа 1754 г., когда вместо уплаты ясака их обязали покупать соль из казны.

Несмотря на определенные успехи башкир в ремесленном производстве к 30—40-м гг. XVIII в., оно в целом оставалось у них на уровне домашней промышленности. Превращению ремесла в самостоятельную отрасль мешали как вообще медленное развитие производительных сил у полукочевников-скотоводов, какими были башкиры, так и означенная политика русского царизма в отношении кузнечного дела, основы ремесленного производства.

Развитие производительных сил в крае, наметившиеся общественное и территориальное разделение труда между скотоводами и земледельцами, начало процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, постепенное превращение крепостей в города — все это способствовало развитию обмена и торговли.

Источники свидетельствуют о торговле башкир всеми продуктами своего хозяйства — медом, воском, скотом, хлебом, солью и т. д. Важное значение для башкир имела торговля с населением соседних районов, ибо они как ско-

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. (д). Д. 1674. Л. 1. Сулебы — ручное холодное оружие, род копыя или рогатины.

² Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2. С. 81.

товоды постоянно нуждались в продуктах ремесленного и земледельческого хозяйств. О приезде в башкирские волости русских и татарских торговцев из Уфы, Тюмени и других пунктов известно с конца XVI в.¹ В соседние районы из Башкирии вывозились прежде всего лошади, бортовой мед, воск, пушнина².

Весь приведенный материал позволяет сделать общее заключение о том, что башкиры в рассматриваемый исторический период вели многоотраслевое сельское хозяйство, в котором преобладающее значение имело полукошечное скотоводство. Заметную роль в хозяйстве продолжали играть бортничество и охота. Что касается обработки земли, то она к середине XVIII в. была распространена повсеместно, но объем на территории Ногайской, Сибирской и большинства волостей Казанской дорог был еще невелик, она здесь являлась подсобной к основной отрасли хозяйства — скотоводству. Отмеченные успехи земледелия в ряде волостей вблизи г. Уфы и других русских поселений не меняли общей картины. Лишь в пределах Осинской дороги башкиры в этом отношении сделали заметные сдвиги по сравнению с другими волостями, и здесь земледелие имело не меньшее значение, чем скотоводство. Некоторое развитие у башкир получили ремесло и торговля.

Но в то же время башкирское хозяйство не являлось чем-то застывшим, в нем происходили определенные изменения. Последние выражались в совершенствовании скотоводства за счет увеличения сенокосения, в ослаблении роли охоты и бортничества, в некотором росте земледелия.

На хозяйственном развитии Башкирии положительно сказалась установившаяся в связи с присоединением к Российскому государству относительная стабильность политической обстановки в крае. К тому же численный рост собственно башкирского и пришлого населения и намечавшаяся вследствие этого земельная теснота показали невозможность сохранения в прежних масштабах традиционных отраслей хозяйства и требовали поиска новых путей повышения производительных сил, в том числе увеличения сенокосения, перехода к земледелию и т. д.

Однако неизбежный и прогрессивный процесс перестройки сельского хозяйства башкир шел довольно медленно.

¹ Материалы... Ч. 1. № 2, 34, 71, 22, 30; Т. 3. № 22, 282, 283, 351.

² Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 1. С. 330; Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2. С. 6.

Это объясняется прежде всего тем, что, несмотря на экстенсивный характер полукочевого скотоводства — главной отрасли башкирского хозяйства — последнее в описываемый период было еще в состоянии удовлетворить основные потребности населения. П. И. Рычков в этой связи отмечает, что башкиры, имея много скота, не испытывали острой потребности в массовом переходе к земледелию. Он заключает, что башкиры «...сами для себя не имеют большой нужды в земледелии, имея довольно скота; ибо питаются они по большей части мясом, молоком, курутом или сыром. Малого числа круп для их варенья становится им на долгое время»¹. Аналогичное рассуждение о башкирах мы встречаем у Палласа: «При великих конских заводах и пчелиных ульях, богатство им доставляющих, также при праздной жизни, какую они ныне препровождают могут, почти нельзя думать, чтобы из них когда-нибудь сделались пахотные люди. Притом же хлеб у них не употребляется повседневно»².

Не менее важно было то обстоятельство, что тогдашнее башкирское скотоводство представляло собой хозяйственную отрасль, относительно эффективную в смысле способности к быстрому воспроизводству и восстановлению после очередного резкого упадка. Четко и недвусмысленно пишет об этом П. И. Рычков: «...во время бывших башкирских замешаний сей народ приведен уже был до великого оскудения в лошадях; но по успокоению онаго в короткое время так они снова у них расплодились, что ныне из них многие имеют сот по 5 лошадей и больше, и все вообще стали быть оными опять достаточны»³. Данное свойство башкирского скотоводства отмечал и Георги⁴.

Определенное значение имело и то, что башкиры-скотоводы могли приобрести у своих соседей крестьян-земледельцев путем покупки или обмена необходимый им минимум хлеба.

Наконец, негативный фактор, мешавший более быстрому переходу башкир к земледелию — это отсутствие у них необходимых традиций и навыков, а также более высокая трудоемкость земледельческого производства по сравнению с полукочевым скотоводством. Георги, например, пишет, что башкиры почитали «...промысел сей (зем-

¹ Рычков П. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Волн. экон. об-ва. Т. 7. СПб., 1767. С. 8.

² Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 1. С. 651.

³ Рычков П. Ответы на экономические вопросы, касающиеся земледелия // Труды Волн. экон. об-ва. Т. 7. СПб., 1767. С. 168.

⁴ Георги И. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 86.

леделие — И. А.) слишком для себя тягостным»¹. Не случайно современники, сравнивая образ жизни башкир-скотоводов и крестьян-земледельцев, рассматривали первых как ведущих праздную жизнь².

Однако перечисленные моменты лишь на время могли замедлить объективно наметившийся процесс. Начиная с XVII в. идет медленная, но неуклонная перестройка башкирского хозяйства, выразившаяся в совершенствовании скотоводства за счет расширения сенокосения, в постепенном росте земледелия. В этом проявилось одно из важных прогрессивных последствий присоединения Башкирии к Российскому государству.

* * *

Приступая к характеристике хозяйства русского и другого пришлого населения Башкирии, необходимо прежде всего сказать, что оно в местах своего прежнего жительства занималось земледелием, а в условиях Башкирии продолжало свои традиционные занятия.

Итак, хлебопашество являлось основной отраслью хозяйства русского, татарского, чувашского, марийского, удмуртского, мордовского, мишарского населения края. Правда, уровень их земледельческого производства не был одинаковым. Наилучшими хлеборобами были русские крестьяне, вслед за ними шли чуваша, мари, мордва, удмурты. П. И. Рычков утверждает, что «...к земледелию прилежат из них многие не меньше, но едва ль и не больше российских». Лепехин выделяет в этом отношении мордву, а Н. П. Рычков — удмуртов. Далее идут татары. О них П. И. Рычков пишет, что «...в земледелии многие из них привычны и сведущие»³. Мишари же по уровню своего земледельческого хозяйства уступали всем перечисленным выше народам.

Основными культурами земледелия являлись рожь, овес, а затем пшеница, ячмень, полба, просо. Из технических культур разводили коноплю и лен. Наиболее распространенным орудием была соха; местами, особенно татары, пользовались плугом. Однако по примеру рус-

¹ *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 93.

² *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 651.

³ *Рычков П.* Ответы на экономические вопросы... С. 207; *Лепехин И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 141; *Рычков Н.* Указ. соч. С. 163.

ских крестьян и татары в первой половине XVIII в. все больше применяли соху. Земледельцы пользовались трехпольной и переложной системами. Трехполье преобладало у русских крестьян, переложная — у татар и мишарей. По сведениям первой половины XVIII в. у этих народов имелись и огороды. Сажали капусту, морковь, свеклу, огурцы, репу и другие овощи.

Второе по значению место после земледелия в них занимало скотоводство. Пришлое население держало лошадей, коров, овец, коз, отчасти — свиней. Татары и мишари имели больше скота, чем русские, чуваша, марийцы, удмурты и мордва. Георги даже считал, что у мишарей основной отраслью является скотоводство¹. В отличие от башкир пришлое население практиковало стойловое содержание скота зимой.

Определенную роль в хозяйстве пришлого населения играло бортничество, охота и рыбная ловля.

Русские и других национальностей крестьяне прямо и косвенно способствовали переходу башкир к земледелию, перенимая, в свою очередь, у последних некоторые приемы ведения скотоводства, бортничества и охоты. Они, например, по примеру башкир весной, летом и осенью выгоняли скот на пастбище без пастухов. Н. Рычков отмечает, что тептяри, живя среди башкир, «...научились обрядам скотоводства по обыкновению сею народа и в пчеловодстве также». Он же пишет, что пчеловодство русские крестьяне «...исправляют по примеру башкир»². Рыбной ловлей больше всех занимались русские крестьяне и казаки.

Среди пришлого населения, особенно русского и татарского, развивались ремесло и торговля.

§ 3. Социальные отношения

Процесс формирования классового общества в форме феодальных отношений у башкир начался в IX—X вв. Он шел, как во всяком кочевом обществе, медленно. Тем не менее ко времени присоединения к Российскому государству башкиры успели пройти значительный путь феодального развития. Верхушка общества была представлена феодально-патриархальной знатью, которую именовали биями. Основная масса башкир состояла из

¹ Георги И. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 104.

² Рычков Н. Указ. соч. С. 137, 145.

рядовых общинников. В XVI — первой половине XVIII в. процесс феодализации башкирского общества продолжается. В источниках этого периода башкирские феодалы именуются по-разному: «князь», «тархан», «староста», «сотник». Русским термином «князь», чаще производным от него «князец» довольно широко обозначали социальную верхушку нерусских народов Ср. Поволжья, Приуралья и Сибири в первое время их пребывания в составе Российского государства. Не составляли исключения в этом отношении и башкиры, феодально-патриархальная знать которых, так называемые бии, после присоединения к России стала называться князьями¹. Башкирские бии — князья не имели грамот, подтверждающих это достоинство, за исключением отдельных биев, которые ездили к царскому наместнику в Казань для переговоров накануне присоединения, где они были пожалованы русскими властями в князья или мурзы. Но и без специальных грамот бии — князья во второй половине XVI — начале XVII вв. сохраняли свое привилегированное положение. Они не платили ясака, но несли государству службу, преимущественно, военную службу. Не случайно уфимские власти вносили башкирских князей в ту же книгу, что и башкирских тарханов.

Правительство время от времени проводило перепись населения края для уточнения и увеличения численности налогоплательщиков. Очередная перепись была организована в начале 30-х гг. XVII в. под руководством казанского дворянина С. Т. Аристова. Возможно, башкирских князей, как не имеющих грамот на княжеское достоинство, переписчики решили обложить ясаком. Во всяком случае, действия переписчиков вызвали ряд челобитных со стороны первых. 5 декабря 1631 г. башкир Кыпчакской волости Ногайской дороги Качанак Кырпычаков обратился к Аристову с челобитной о том, что «исстари дед и отец ево были в Кыпчакской волости в князьях, и он после отца служит в князьях же». Он просил, чтобы «государь его пожаловал, в ясак писать не велел, а велел служить в княжестве по прежнему». Разобрав челобитную, Аристов велел Кырпычакову «быть до государева указу в служилых по прежнему, как он написан в уфимских кни-

¹ Башкирские шежере. С. 73. Называя «князьями» или «князцами» патриархально-феодальную верхушку башкир и других народов, русские источники, естественно, не отождествляли их с настоящими русскими князьями, являвшимися крупными земле- и душевладельцами, и разумели их князьями условно, чтобы как-то выделить от «черной» массы.

гах»¹. 15 декабря 1631 года подобную челобитную тому же Аристову подал князь Бурзянской волости Ногайской дороги Янгирей Янмагулов. Власти удовлетворили просьбу челобитчика. Велено было «его в ясак не писать, а служить ему в Уфинском уезде в служилых по прежнему, как он писан в Уфинской тарханской список»². Подобные решения говорят, что власти в то время рассматривали князей примерно как тарханов. Поэтому они и не препятствовали официальному переходу первых в разряд последних. О численности князей нет точных данных. Но их было, по-видимому, немало, и они составляли заметную долю башкирской патриархально-феодальной знати. С 30-х гг. XVII в. — после переписи Аристова — князья стали предпочитать переход в разряд тарханов, и идет процесс поглощения князей тарханами. Не случайно уже во второй половине XVII в. они числятся в одном официальном списке с тарханами. Этот процесс завершился в 30-х гг. XVIII в., когда канцелярия Оренбургской экспедиции утвердила в тарханском звании последних князей. В течение 1734 и 1735 гг. 44 князя Кыпчакской, Усерганской и Минокой волостей Ногайской дороги и 10 князей Кара-Табынской волости Сибирской дороги стали тарханами³.

Основную часть башкирских феодалов во второй половине XVII — первой половине XVIII в. составляли тарханы, привилегированное положение которых в отличие от биев подтверждалось жалованной грамотой. Институт тарханства существовал в крае до его присоединения к Российскому государству и, по-видимому, восходит к периоду монгольского господства⁴. Первыми от русской власти тарханское звание получили бии, участвовавшие в переговорах с царским наместником в Казани накануне присоединения к Российскому государству. Одни из этих биев, как сказано выше, пожалованы были княжескими, а другие тарханскими званиями⁵.

В последующее время правительство продолжало жаловать тарханские звания тем представителям башкирской знати, которые оказывали государству значительные услуги в смысле участия в военных походах и сражениях,

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. С. 39.

² ЦГАДА. Ф. 1173. Д. 668.

³ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 12—21.

⁴ Владимирцев В. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 164.

⁵ Башкирские шежере. С. 73, 127,

выполнения важных дипломатических поручений и т. д.

Звание тархана было наследственным и личным. Большинство тарханов владело своим званием наследственно. Тарханы не только выделялись богатством, их первенствующее положение было закреплено и юридически. Давая общую характеристику тарханов, П. И. Рычков отмечает: «Тарханы истари были у башкирцов наподобие дворян; имели они перед другими разныя преимущества...»¹ Тарханы были освобождены от налогов и подводной повинности. Важнейшее их преимущество состояло во владении землей: «Тарханы имели вольность перед ясашниками в том, что они где бы хотели землю владеть, сена косить и рыбу ловить, в том ясашники спорить не могли, токмо до бортных угодий и бобровых гон не касались»². Сохранились документы, из которых явствует, что тарханы, наряду со старостами, отвечали за уплату общинниками ясака казне, принимали участие в управлении волостями.

Итак, перед нами вырисовывается высокое положение тарханов в башкирском обществе. Не случайно источники рисуют их как представителей высшей прослойки: «...тархан разумеется служилый башкирец, а не ясашник, и для того пред ясашниками они в почтении, и то по своему обычаю паче жалованья в награждение себе ставили»³.

Основной обязанностью тарханов была военная служба: «...всегда, куда на службу наряд бывал, то тарханы первые служить одолжались». Источники зафиксировали участие башкирских тарханов во многих войнах России XVII — первой половины XVIII вв. Кроме того, они вели совместно с уфимскими дворянами и другими служилыми людьми сторожевую службу по охране юго-восточных рубежей Русского государства, входя в состав так называемых проезжих станиц и отражая нападения калмыцких тайшей, сибирских царевичей и казахских ханов. Об участии башкирских тарханов в проезжих станицах и сражениях со степняками неоднократно говорится в материалах XVII — первой половины XVIII вв.

Башкирские тарханы привлекались также для выполнения дипломатических поручений. Они обычно входили в состав посольств, направляемых из Уфы к калмыкам, казахам, сибирским татарам и т. д. Башкирские тарханы

---

¹ Рычков П. О способах к умножению земледелия. С. 8.

² Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 47.

³ Там же.

участвовали, например, в переговорах с калмыками накануне их присоединения к Российскому государству. Еще большую роль они сыграли в добровольном подданстве казахов Младшего Жуза, сопровождая посольство А. И. Тевкелева к их хану Абулхаиру в начале 30-х гг. XVIII в. Группа феодалов во главе с тарханом Алдаром Исянгильдиным была щедро награждена за это властями¹.

Большие трудности представляет выяснение численности тарханов. Правда, в Уфимской приказной избе велись специальные книги, куда заносились имена тарханов. Однако из-за нескольких пожаров, например, 1611/12 и 1759 гг., во время которых, по выражению источников, «все книги погорели» или «многие документы о сих народах погорели», были уничтожены дела, позволяющие судить о численности тарханов². Поэтому мы вынуждены опираться на случайно сохранившиеся данные. В 1646 г. башкирских князей, тарханов и дуванов насчитывалось 131 человек. По спискам 1661 г. их было 187, в 1681 г. — 90 человек³. Вряд ли эти ведомости являются полными. В них вошли, по-видимому, лишь те феодалы, которые получили денежное вознаграждение за какую-либо службу. Подсчет, сделанный на основе материалов фонда Уфимской приказной избы за 70—90-е гг. XVII в., выявил 155 тарханов, в т. ч. 134 — по Ногайской, 13 — по Сибирской, 8 — по Казанской дорогам. По волостям Ногайской дороги тарханы распределялись таким образом: Кыпчацкая — 67, Тамьянская — 25, Бурзянская — 21, Минская — 9, Икская — 4, Курпеч-Табынская — 3, Усерганская — 2, Юрматынская — 2, Тангаурская — 1. Из тарханов Казанской дороги 4 являлись жителями Елдякской, 3 — Байлярской, 1 — Киргизской волостей⁴. После организации Оренбургской экспедиции в 1734—1735 гг. власти провели своеобразную перерегистрацию тарханов. На основе предъявленных грамот и записей в тарханских книгах при воеводе были признаны в тарханстве 773 человека. При этом процесс регистрации, как писал И. К. Ки-

¹ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 114 (Далее—ГАОО).

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 609; Ф. 248. Кн. 750. Л. 373.

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 750. Л. 373—376.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 55, 77, 104, 276—278, 575, 581, 592, 620, 712, 731—733, 740, 667, 683, 884, 892, 894, 925, 927, 850, 889, 833, 849, 888, 892—894, 929, 932, 1030, 1044, 1084, 1070, 1052—1055, 1066, 1085—1086.

риллов, еще продолжался¹. В 1760 г. в крае насчитывалось около 650 тарханов, в том числе 570 — по Ногайской, 60 — по Казанской, 24 — по Сибирской дорогам. По табелю о количестве населения от 1767 г. в Уфимской и Исетской провинциях числилось 443 тарханских двора². Приведенные материалы, несмотря на их неполноту, показывают, что тарханы составляли значительную часть башкирских феодалов. Со второй половины XVI до середины XVIII в. численность их увеличилась, что свидетельствовало, по-видимому, о некоторой консолидации башкирской феодальной верхушки. Как видно, князья и тарханы по «дорогам» и волостям распределяются очень неравномерно. Известные пока материалы не позволяют объяснить эту территориальную диспропорцию башкирской феодальной знати.

В состав башкирских феодалов входили также старосты, старшины и сотники. Старосты стояли во главе волостей до конца первой трети XVIII в. Затем их на этом посту заменили старшины. Многие из них по происхождению, по-видимому, были потомками биев. Сотники являлись помощниками старост и старшин. Правда, известны случаи, когда сотники возглавляли волости. Старосты, старшины и сотники, имея административные и отчасти судебные функции, широко использовали их в своих классовых интересах.

По мере развития производительных сил и роста имущественной дифференциации усиливалась свое влияние небольшая группа богатых общинников — ясашников, так называемые баи. При благоприятных условиях они пополняли собой ряды феодалов. В эту социальную группу входили и богатые батыры.

Феодалами по существу являлись высшие представители мусульманского духовенства — ахуны и муллы.

Наиболее общим термином для обозначения различных разрядов феодалов служили понятия «лучшие», «набольшие» или знатные люди.

Основную массу непосредственных производителей составляли рядовые общинники, к которым относилось большинство ясашных башкир. Они были лично свободными, трудились в своем хозяйстве, отчасти в хозяйстве феодалов и несли основные повинности в пользу феодального Русского государства. Ниже этой массы общин-

¹ РГАДА. Ф. 248: Кн. 750. Л. 373—376.

² Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 8; Материалы... Т. 4. Ч. 2. № 363.

ников стояли туснаки, представляющие собой бывших ясашных людей, которые, лишившись своего хозяйства, закладывали себя феодалам и оказывались под их властью. Они были вынуждены временно или постоянно работать в их хозяйстве.

Кроме того, имелось незначительное число рабов, состоявшее в основном из военнопленных (ясыров). Их сбывали в Казахстан и Среднюю Азию, или вынуждали работать в хозяйстве состоятельных башкир. Но через определенное время их отпускали на волю.

Взаимоотношения между основными классами башкирского общества определялись их отношением к основному средству производства — к земле. Поэтому необходимо рассмотреть состояние землевладения и землепользования в этом обществе.

После присоединения к России верховным собственником земель стало государство в лице русского царя. Оно вполне реально осуществляло свое право верховного собственника: жаловало земли башкирским племенам и родам в вотчину, но с определенными ограничениями: башкирская община не могла свободно распоряжаться пожалованной землей, не могла, в частности, продавать ее. Верховный собственник по своему усмотрению вводил и другие ограничения: в начале XVIII в. были изъяты у башкир рыбные ловли на крупных реках, в начале 20-х гг. они были ограничены в пользовании лесами; в течение XVII—XVIII вв. правительство по своему усмотрению в Башкирии основывало крепости и т. д.

Но в то же время пожалование земли башкирам на вотчинном праве свидетельствовало о том, что наряду с верховной собственностью государства и в ее рамках как следующая ступень феодальной иерархии существовала фактическая земельная собственность башкирских феодалов, юридически прикрытая общинными формами владения и пользования землей.

Башкирская община официально являлась коллективным земельным собственником, а каждый общинник как член данного коллектива имел равное право пользоваться той или иной долей общинной земли, был равноправным совладельцем общей собственности. Каково же было фактическое владение и пользование землей в башкирском обществе? Тарханы, представляющие основную часть феодалов, имели преимущественное право во владении и пользовании общинной землей. Старосты волости, отвечающие за своевременное выполнение ясашными людьми податей и повинностей в казну, распределяли

пастибища и другие земельные угодья. В подразделениях волости — в тюбях и аймаках эту функцию осуществляли местные «лучшие» башкиры. Другой формой реализации прав феодальной собственности на землю являлся припуск — разрешение башкирам других волостей и пришлому населению временно пользоваться землями общины на определенных условиях (помощь в несении казне податей и повинностей, уплата денежного оброка вотчинникам и т. д.), так как припускали посторонних людей на деле тарханы, старосты и другие «лучшие» люди. Наконец, нельзя не учитывать, что фактическое владение и пользование землей у башкир зависело и от количества скота, который был распределен весьма неравномерно. По ряду свидетельств, в частности П. И. Рычкова, И. Г. Георги, П. С. Палласа, в первой половине XVIII в. в хозяйстве рядового общинника было от 30—40 до 70—80 голов лошадей, феодала — от нескольких сот до 1000, а наиболее богатых из них — до 2—4 тысяч голов¹. Не следует удивляться цифрам, взятым для простых башкир. При их оценке необходимо учесть экстенсивный характер башкирского скотоводства и размер двора общинника, по существу состоявшего из 2—3 семей. Одно такое соотношение скота в хозяйстве феодалов и рядовых башкир показывает, как формально равное право тех и других пользоваться общинной землей превращалось в фактическое неравенство. Феодал, имеющий в 6—10 раз больше скота, чем простой человек, владел и пользовался большим количеством земли. К. Маркс не случайно писал в этой связи: «...у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли на овец, например — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»².

Итак, можно констатировать, что приведенные материалы вполне доказывают существование феодальной собственности на землю в башкирском обществе. Правда, формально она функционировала как общинная собственность. Фактически же хозяевами всей земли были старосты, тарханы, сотники, вообще «лучшие» башкиры, которые владели и пользовались большей частью земель, распределяли их, припускали посторонних, отдавали земли на оброк. Феодальная собственность на землю в баш-

¹ Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 1. С. 292; Его же. Ответы на экономические вопросы. С. 130, 132; Георги Г. Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 91; Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2. С. 95.

² Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940. С. 24.

кирском обществе существовала в форме права преимущественного владения, пользования и распоряжения общинными землями. Но она не была юридически оформлена.

Башкирские рядовые общинники находились в зависимости от двух феодальных собственников — феодального государства и местных феодалов.

Реализуя право собственности на землю, государство взимало с башкир ясак, то есть налог натурой или деньгами. О сущности подобных отношений между феодальным государством и его подданными есть следующее высказывание К. Маркса: «Если не частные земельные собственники, и государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»¹. Другими словами, башкирский ясак являлся рентой в пользу верховного земельного собственника — феодального государства.

Одновременно рядовые башкиры терпели эксплуатацию со стороны «своих» башкирских феодалов. Распоряжаясь землями общины, последние держали трудовое ее население в различных формах зависимости. Беднейшие общинники ухаживали за скотом феодала, охраняли его стада, косили сено. Пожизненными работниками феодала были туснаки, бывшие ясашные люди, но теперь лишенные средств производства и выполняющие в пользу феодалов отработочную ренту. В башкирском обществе существовала, по-видимому, и продуктовая рента. И. И. Лепехин, например, обратил внимание на этот аспект взаимоотношений. Он пишет, что башкирские феодалы «...в своем народе в почтении и от оного, кроме чести, имеют и некоторые доходы»². Хотя автор не разъясняет, что из себя представляет этот «доход», тем не менее само упоминание о его наличии очень ценно.

Башкирские феодалы эксплуатировали башкир-чужеродцев и трудовую часть пришлого населения при припуске. Из 123 припускных документов, опубликованных в «Материалах по истории Башкирской АССР». Т. 3. в 49 случаях пришлые поселялись на равных с общинниками условиях уплаты ясака в казну, в 44 — на условиях помо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2. С. 354.

² Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 52—53.

щи общинникам в несении ясака, в 28 — на условиях уплаты оброка общинникам. Записи третьей группы, они составляют 23% общего числа — безусловный показатель феодального характера поборов с припущенников. Частично этот вывод можно распространить на записи второй группы, ибо часть средств, взимаемых «в помощь великому государю в ясак» присваивалась феодалами, от которых зависел припуск.

«Лучшие» башкиры широко использовали для эксплуатации простых людей неравенство во владении скотом. Феодалы наделяли небольшим количеством скота башкир, разорившихся вследствие джута или других причин, «помогали» нуждающимся жителям своего аула. Характеризуя подобные взаимоотношения в башкирском обществе, бригадир М. С. Хрущов, начальник Башкирской комиссии в 1736—1737 гг., заметил, что «...не всякой богат, имеет много лошадей, но больше между ними убогих, которые ждут себе от богатых пропитания»¹. В итоге рядовых башкиры оказывались в различных формах зависимости от феодалов.

Нельзя не учитывать и то, что ответственность старост, старшин, тарханов за уплату в казну ясака, за несение различных повинностей также способствовала усилению реальной власти феодалов над основной массой общинников, расширяла возможности взимания с них ренты.

В основе феодальной эксплуатации в башкирском обществе лежали, таким образом, фактически складывающаяся реальная собственность феодалов на основное средство производства — землю, сосредоточение в их руках основной массы скота, а также наличие административно-судебной власти. Но внешне она в значительной степени была прикрыта старыми, родовыми отношениями. Башкирские феодалы умело приспособляли некоторые родовые традиции и обычаи для угнетения простых людей. Об этом свидетельствуют родовые по форме, феодальные по существу методы эксплуатации, такие как «сауын», «омэ», «аш».

В рассматриваемое время в связи с развитием производительных сил, ростом земледелия и усиления роли товарно-денежных отношений идет дальнейшее углубление феодальных отношений у башкир. Усиливается разорение общинников, растет зависимость их от феодалов. Тарханов, старост и старшин уже не совсем удовлетворяли тра-

¹ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.: Л., 1950. С. 48.

диционные формы эксплуатации населения. Но они не имели юридического права владеть крепостными крестьянами. К тому же законы, исходя из фискальных интересов казны, запрещали закрепощение ясашных башкир. В этой связи в высшей степени интересна подача в 1763 г. башкирскими феодалами Сугун-Кипчакской, Бушман-Кипчакской, Бурзянской, Усерганской и Тамьянской волостей Ногайской дороги, то есть самых юго-восточных волостей, где преобладало полукочевое скотоводство и сравнительно мало развивалось земледелие, на имя Оренбургского губернатора челобитной с просьбой разрешить иметь крепостных крестьян¹. Власти не поддержали требование феодалов.

В этих условиях в башкирском обществе широкое распространение получило закабаление обедневших общинников долговыми обязательствами. Путем оформления заемных, житейских, закладных, наемных и других записей на бедных башкир и трудовую часть пришлого населения башкирские феодалы нашли удобную форму для установления определенной зависимости и эксплуатации простых людей. Об этом убедительно свидетельствуют документы, опубликованные, в частности, в «Материалах по истории Башкирской АССР»².

Взаимоотношения рядовых общинников с феодалами очень неполно отражены в источниках. К тому же, эти немногочисленные материалы неоднократно погибали во время пожаров XVII — первой половины XVIII вв. Но даже случайно дошедшие до нас сведения показывают существование систематического недовольства трудовых масс своим положением, говорят о скрытой и явной борьбе их со своими угнетателями. Простые башкиры прежде всего выражали недовольство привилегиями тарханов в землевладении³. Не менее острое недовольство рядовых общинников вызывали злоупотребления старост и старшин в сборе ясака, их самовольные поборы⁴. Гнев простых людей против феодалов бурно прорывался наружу во время восстаний, когда они разоряли ненавистных феодалов, отбирали их имущество, избивали и расправлялись с ними. В начале июля 1737 г. были разорены феодалы Минской волости Ногайской дороги Умутей Тимербулатов, Юнай Шелтыков и другие, убит «лучший» башкир Енейской во-

---

¹ Материалы... Т. 4. Ч. 2. № 372. С. 44.

² Там же. Т. 3, раздел I.

³ Там же. Ч. 1, раздел I.

⁴ Там же. Т. 3, раздел II.

лости Казанской дороги мулла Апас Тетеев»¹. Эти факты не являлись лишь частными случаями, они были конкретным проявлением общего недовольства. Именно об этом свидетельствует донесение полковника И. Н. Татищева, коменданта Шешминской крепости от 13 июля 1735 г.: «...уже начали чинить смертные убийства тем, кои были из башкирцов в Санк-Петербурге и кои злему обращению не примешиваются и собираются к обозу стацкого советника Кирилова»².

В сентябре 1735 г. восставшие напали на аулы феодалов Каршинской волости Казанской дороги Шарипа Мрякова и Ибака Умирова. Самих феодалов не застали дома, что и спасло их от смерти. В 1737—1738 гг. подверглись разорению восставших многие феодалы Ногайской и Сибирской дорог³. После подавления восстания обстановка не разрядилась. Поток челобитных с жалобой на башкирских феодалов еще более усилился. Имеются сведения о попытке жителей Каршинской волости расправиться с Ш. Мряковым. Все это серьезно встревожило башкирских феодалов. Воспользовавшись приездом начальника Оренбургского края И. И. Неплюева в январе 1743 г. в Уфу, от имени башкирских феодалов Мряков обратился к нему с просьбой, «чтобы они от бездельников охранены были»⁴. В ходе восстания 1755 г. простые башкиры расправились с рядом ненавистных феодалов. Ими были убиты в Ногайской дороге — Абдул Вагап, в Осинской — Абдук Куджагулов. Такая же участь ожидала находившегося вблизи Зилаирской крепости упомянутого выше старшину Шарипа Мрякова. Однако и на этот раз последнему удалось спастись от справедливого возмездия. Он сумел бежать в Кананикольский завод⁵.

Таким образом, заметные хозяйственные успехи в башкирском обществе в первые века после присоединения к России создали основу для экономического и отчасти политического укрепления класса башкирских феодалов. Усиливается эксплуатация феодально-зависимого населения. Правда, царское правительство, препятствуя юридическому оформлению феодальных прав башкирской вер-

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 4. Л. 16—16об; Ч. 2. Л. 116, 120; Ч. 3. Л. 57.

² Там же. Ч. 2. Л. 25.

³ НА БНЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 88, 94, 102; Д. 40. Л. 976—977, 982, 1055.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 231. Л. 35—36; Материалы... Т. 3. № 565.

⁵ Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.: Л., 1940. С. 79, 86.

хушки на землю и крестьян, задерживало завершение этого процесса. Но, в целом, классовые противоречия в башкирском обществе в рассматриваемое время нарастали и углублялись. Но не следует их переоценивать. Тем более сохранявшиеся в первой половине XVIII в. у башкир пережитки родовых отношений и существование тяжелого феодального и национального гнета со стороны русского царизма несколько сглаживали остроту феодально-классовых противоречий в башкирском обществе.

Формирование русского дворянства в Башкирии начинается в конце XVI — начале XVII вв. на базе переселенных из центральных районов дворян и детей боярских, отчасти верхушки мелких служилых людей и казаков.

Первое наделение поместьем в Башкирии переселенных из центральных районов дворян относится к 1591—1594 гг. Несшие службу в Уфе 6 детей боярских в это время были пожалованы поместьями по 50 четвертей пашенной земли каждый. В состав поместья, кроме пашни, входили и сенокосные угодья¹. По мере основания Осы, Мензелинска, Заинска, Соловарного городка и других пунктов дворяне появляются и в них. Так, постепенно шло складывание русского дворянства, росла его численность, укрупнялись поместья. В 1700 г. в Башкирии числилось 162 дворянина, из которых 79 имели поместной пашенной земли от 250 до 480, 83 — от 500 до 1000 четвертей. Указ от 11 февраля 1736 г. открыл новые возможности для дальнейшего роста дворянства, ибо ему было разрешено земли «у башкирцов покупать и за себя крепить».

Почти одновременно с дворянским здесь возникает дворцовое и монастырское землевладение. Наряду с местными монастырями, правительство жаловало земли в Башкирии ряду крупных монастырей центральных районов.

Русское трудовое население состояло из дворцовых, государственных, монастырских и помещичьих крестьян. В отличие от служилых людей крестьяне перебирались в Башкирию самовольно. Состав переселенцев не был однородным. Одну группу составляли не несшие тягло крестьяне черных и дворцовых волостей. Они, хотя и появлялись в Башкирии самовольно, но не были беглыми и вполне легально устраивались на новом месте в качестве дворцовых и черных крестьян. Они в основном селились вбли-

---

¹ Текст «Отводной книги по Уфе (1591)92 — 1629 гг. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 261—276.

зи Уфы и других крепостей. Уфимские власти наделяли их земельными участками за счет башкирских вотчин. По мере надобности часть из них пополняла собой мелких служилых людей крепостей в качестве казаков, стрельцов и солдат. Другая группа состояла из беглых помещичьих, монастырских, черных и дворцовых крестьян, которые направлялись в Башкирию, несмотря на запреты властей. В XVII — начале XVIII вв. эта группа переселенцев по количеству, по-видимому, преобладала. Некоторые из них селились на башкирских землях с согласия владельцев, но большинство самовольно занимало земли, что не могло не отрицательно относиться к коренным жителям. Несмотря на отрицательное отношение правительства к беглому населению, власти, стремясь использовать все русское население для укрепления своих позиций в крае, не всегда преследовали беглых крестьян, уже осевших в Башкирии, и последние постепенно превращались в дворцовых и черных, отчасти в помещичьих и монастырских крестьян, становились тяглыми людьми.

Оказавшиеся в Башкирии те и другие группы русских крестьян в европейской ее части в основном превращались в жителей дворцовых, в Зауральской — черных (государственных) сел. Они часто пользовались башкирскими рыбными ловлями и санными покосами на условиях оброка.

Первые дворцовые села в Башкирии появляются в самом конце XVI — первой половине XVII вв. в районе среднего течения р. Камы в пределах Осинской и Казанской дорог и вблизи г. Уфы. В 90-х гг. XVI в. на Осинской дороге существовали дворцовые поселения Рождественское, Ново-Никольское, превратившееся вскоре в пригород Осу, Николо-Березовка. В начале XVII в. на правом берегу р. Камы на землях башкир Енейской волости возникает Каракулино, несколько позднее — Челны, Пьяный Бор, в центре края, вблизи г. Уфы — села Богородское, Красный Яр, Ст-Енгалыш, Вознесенское (Чесноковка), Дуваней, на р. Бирь — Архангельское. Этот же процесс во второй половине XVII в. происходит в Зауральской Башкирии в связи со строительством здесь острогов и слобод. Легальные переселенцы селились в слободах или вблизи них в качестве казенных крестьян. Многие из них становились беломестными казаками и драгунами в острогах. Беглые крестьяне в первое время селились подальше от слобод и острогов, но через некоторое время их брали на учет, облагали казенными повинностями, что означало легализацию.

Феодальное государство, дворец, дворяне и монасты-

ри эксплуатировали русских крестьян в Башкирии примерно так же, как и в центральных районах. Поэтому нет необходимости специально останавливаться на этом вопросе. Следует только отметить, что русские дворяне Башкирии в отличие от центральных районов имели небольшое количество крепостных крестьян. По переписной книге 1647 г. все уфимские дворяне владели 95 деревнями, где насчитывалось 526 крепостных крестьян; некоторые дворяне вообще не имели крепостных крестьян. В 1682 г. дворяне, не имевшие крепостных крестьян, взамен денежного жалования, были наделены крестьянами за счет дворцовых сел, но не более 3-х дворов¹. Но и после этого большинство дворян владело не более чем 2—9 дворами крестьян. Нуждаясь в рабочих руках, дворяне систематически закабалили трудовые массы русского и нерусского населения при помощи долга, закладной кабалы, прибегали к найму работников. Известно, что лишь по данным «Материалов по истории Башкирской АССР», т. 3, во втором и третьем десятилетиях XVIII в. у 6 уфимских дворян отработывали долг 2 семьи русских и 1 семья татарских крестьян, а также двое башкир; были исполщиками русский крестьянин и удмурт. В 1743 г. русские дворяне и зажиточные люди г. Уфы и уезда имели 91 туснака из башкир и другого нерусского населения края².

Положение меняется с середины XVIII в., когда началась купля за бесценок башкирских земель русскими дворянами, в т. ч. центральных районов. Дворяне стали переводить в Башкирию своих крепостных крестьян из центральных районов, что привело к заметному росту количества крепостных в Башкирии.

Промежуточное положение занимали стрельцы, уфимские казаки, пушкари, воротники, подъячие, беломестные казаки зауральских острогов и слобод, солдаты и драгуны, которые несли военную службу в Уфе и других крепостях за денежное и хлебное жалование или с пашни. Кроме земли, полученной от казны, они брали рыбные ловли, леса и другие угодья у башкир на оброк.

Пришлое нерусское население также не было однородным в классовом отношении. Постепенно феодальная верхушка формируется и в этой среде. Первоначальное ядро ее составили переселенные правительством из Ср. Поволжья в Башкирию в первой половине XVII в. для

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 800.

² Материалы... Т. 3. № 159, 270, 305, 323, 340, 493, 572.

несения военной службы по 100 семей мишарских и татарских феодалов. Служилые мишари были пожалованы поместьем окладом от 100 до 130, татары — по 60 четвертей пашенной земли и соответствующим количеством сенокосов. Кроме того, мишарские и татарские феодалы пользовались башкирскими землями на условиях припуска. В последующее время правительство более не практиковало организованное переселение мишарской и татарской верхушки.

Основная масса пришлого нерусского населения, состоящая из марийцев, татар, чувашей, удмуртов, мишарей, являлась выходцами из Ср. Поволжья. Царское правительство запретило им самовольные переселения, башкирам предписывалось выдавать их властям для возвращения на места выхода. Однако башкиры, проявляя гостеприимство, принимали и укрывали беглых, поселяли их на своих землях, помогали им выжить в самую тяжелую для них пору. Тем самым оказавшиеся среди башкир многие тысячи беглых марийцев, татар, чувашей, удмуртов и мишарей были спасены от верной гибели, получили возможность жить и трудиться. Башкирия превращается в их вторую родину.

Поселившиеся на башкирских землях перечисленные беглые люди стали называться припущенниками. Припущенники состояли из бобылей и тептярей. Первые занимали башкирские земли по устному договору, вторые — заключали с вотчинниками письменный договор. Устные и письменные договоры определяли условия пользования землей. Их можно представить, например, на основе 123 припускных записей, опубликованных в «Материалах по истории Башкирской АССР», т. 3: в 49 случаях пришлые поселялись на равных с самими башкирами условиях уплаты ясака в казну, в 44 — на условиях помощи башкирам в уплате ясака, в 28 — на условиях уплаты оброка башкирам. Другими словами, 77% всех пришлых за пользование землей участвовало в уплате ясака вместе с коренными жителями. Лишь 23% пришлого населения платило оброк за землю самим башкирам. Эту последнюю группу переселенцев условно можно рассматривать как людей, феодально-зависимых от башкир, вернее, от феодальной верхушки башкир. Однако обращает на себя внимание очень небольшой размер оброчных денег: наиболее типичным является оброк от 3—4 до 8—15 копеек с двора¹.

¹ Материалы... Т. 3. № 15, 26, 31, 116, 137, 192, 200, 211, 273, 329, 368, 406 и т. д.

Бобыли и тептяри в основном состояли из крестьян, но были среди них и феодалы. Последние состояли из «лучших» людей из татар, мишарей, чувашей, мари и других, а также мусульманского духовенства. Феодалы — припущенники, найдя общий язык с башкирской верхушкой, селились на льготных условиях. Они также прибирали к рукам повывья разорившихся башкир, оформляя поступные записи. Нередки были случаи прямой купли башкирских земель. Важной вехой на пути складывания и развития феодальной собственности на землю у верхушки пришлого населения, особенно мишарского и татарского, стал указ от 11 февраля 1736 г. На его основе башкирские земли, которыми пользовались служилые мишари, под оброк, были переданы последним «вечно безоброчно» по норме, старшине по 200, есаулам писарю, сотникам — по 100, рядовым — по 50 четвертей». Кроме того, в связи со снятием запрета продажи башкирских земель мишарские феодалы получили возможность расширить свои владения путем покупки. Так идет складывание феодального землевладения в Башкирии пришлого нерусского населения.

Нерусские феодалы эксплуатировали трудовые массы татар, марийцев, чувашей, мишарей, удмуртов, мордвы, а также башкир в основном при помощи долговой кабалы. В одном из документов местной администрации от 30-х гг. XVIII в. в этой связи говорится: «Многие из Казанского и других уездов от отцов дети холостые живет в Башкире ж, якобы за долги, в работе»¹. У мишарского феодала Сибирской дороги М. Аширова были три работника, татарского феодала Казанской дороги У. Баймашева и марийского феодала Осинской дороги К. Актермышева по два работника. По одному работнику держали служилые мишари М. Алтынбаев, М. Тукеев, Б. Мрясев, татарин У. Бурлаков. Многие разорившиеся татары, чуваша, марийцы, удмурты занимали у «своих» феодалов деньги под залог имущества, нередко закладывали детей и жен, работали на условиях испольщины. Другая часть рядовых татар, марийцев, чувашей, мишарей и мордвы попадала в определенную зависимость от башкирских и русских феодалов. Перечисленные категории населения одновременно угнетались феодальным государством путем взимания налога — ренты.

Итак, переселение в Башкирию заметно изменило по-

¹ Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. С. 6.

ложение русских, марийских, татарских, чувашских, удмуртских и мишарских крестьян. Подавляющее их большинство здесь оказывалось на положении государственных и дворцовых крестьян, отчасти мелких служилых людей. Очень немногие из них попали под власть дворян и монастырей. Наличие достаточных земельных угодий, относительная свобода хозяйственной деятельности в соответствии с новым их статусом, богатая башкирская природа, позволяющая им заниматься разнообразной деятельностью, сочувствие и помощь со стороны коренных жителей — все это делало их положение предпочтительным по сравнению с жизнью на старой родине. Правда, и в Башкирии они терпели феодальный гнет и произвол. Тем не менее никто из них не рвался на свою прежнюю родину.

Таким образом, в первые века пребывания в составе России в социально-экономической жизни края происходили серьезные сдвиги. Относительно устойчивая политическая обстановка, прекращение феодальной междоусобицы, переселение в край трудового населения центральных районов, широкое общение башкир-скотоводов с русским и другим земледельческим населением — все это способствовало дальнейшему развитию производительных сил, укреплению феодального строя в крае. Систематические хозяйственные, торговые и культурные связи лежали в основе мирных в целом отношений между коренным и пришлым населением края. Укреплению добрососедских отношений способствовали также совместная сторожевая служба башкирских и русских воинов по охране юго-восточных границ государства и участие башкир в дальних походах русской армии во время войн. Правда, политика «разделяй и властвуй», проводимая царизмом в Башкирии, и религиозные различия несколько осложняли позитивный процесс сближения различных народов.

Глава II

ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА В БАШКИРИИ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVIII вв.

§ 1. Земельная политика

После присоединения Башкирии к Русскому государству верховным собственником башкирских земель стало феодальное государство. Однако оно согласилось признать вотчинное право башкир на землю, сохранить землю в руках самих башкир. Собственником земли выступала не отдельная личность, а целый коллектив — племена и роды. Несмотря на ограниченный характер, вотчинное право должно было давать башкирам возможность по своему усмотрению распоряжаться землями, за исключением продажи, мены, заклада или сдачи в наем на длительный срок. Башкирские общины смотрели на все земли края как на свою фактическую собственность. На самом деле вся территория Башкирии была поделена между ними. В своем изъяснении от 13 января 1735 г. И. К. Кирилов совершенно верно писал: «Вышеописанные башкирцы до российского подданства разделялись по родам, что с начала российского владения названо волости... Земли и угодья между родами все разделены... и тако никакой земли и угодей нет, кои бы свободны лежали»¹. В свою очередь,

¹ Материалы... Т. 3, № 549. С. 493.

в челобитной от 1694 г. башкиры выражали ту же самую мысль: «...у них де в Уфимском уезде диких поль и порозжих земель нет; а в летнее время у них в тех своих вотчинах и угодьях на полянках кочуют с женами и с детьми и с конскими стадами... у них де в тех вотчинах и полянках и около угодьев конские стада ходят и в зимнее время»¹. Эти земельные порядки получили юридическое оформление выдачей башкирским общинам (волостям) жалованных грамот в процессе присоединения или первые годы после присоединения к России. Царское правительство и в последующее время неоднократно официально заверяло башкир о своем признании их вотчинных прав на землю. Об этом говорилось в Соборном Уложении 1649 г., в наказе уфимскому воеводе Сомову в 1664 г., в правительственных грамотах к башкирам от 1682 и 1694 гг., в решении Сената от 1734 г. в ответ на челобитные башкир².

Какова же была реальная земельная политика царизма в крае во второй половине XVI — начале XVIII вв., соответствовала ли она провозглашенной линии?

Вскоре после присоединения Башкирии к России правительство в целях организации управления и укрепления там своих военно-политических позиций, а также усиления обороноспособности края начало строить крепости. В 1574 г. появляется Уфа. Предварительно вопрос об основании города был согласован с коренными жителями, и последние участвовали в его строительстве³. В XVII в. положение меняется. В Башкирии возникает множество крепостей. При их строительстве правительство более не спрашивало согласия башкир. Возникшая в 1591 г. в северной Башкирии на месте башкирского поселения Осинская слобода в начале XVII в. превращается в укрепленный городок. Неизвестно время появления Мензелинска. В царской грамоте от 1645 г. он назван острогом. В конце 40-х—начале 60-х гг. основывается Соловарный городок на р. Белой, в 80—90 верстах южнее Уфы⁴. Во второй половине века темп строительства крепостей еще более усиливается. Они воздвигались как на окраинах, так и в

¹ Материалы... Ч. 1. № 13. С. 82—83.

² ПСЗ-1. Т. 1. № 1; Т. 9. № 6571; РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 19, 93 об; Кн. 821. Л. 400—401; Материалы... Ч. 1. № 13; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 106—107.

³ Башкирские шежере. С. 79; Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884. С. 477; История города Уфы. Уфа, 1981. С. 22.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 209, 955, 1200; Пермская летопись. Первый период. Пермь, 1881, С. 117; Новиков В. А. Указ. соч. С. 13.

центре Башкирии. В 1651—1656 гг. на западной границе осуществляется строительство Закамской укрепленной линии, состоящей из крепостей Белый Яр, Ерыклинск, Тининск, Билярск, Новошешминск, Кичуевск, Заинск и Мензелинск. Последние 4 из них оказались основанными непосредственно на землях башкир Казанской дороги. В конце 60-х—начале 70-х гг. дворцовое село Архангельское на р. Бирь было преобразовано в Бирскую крепость. В самом начале XVIII в. на р. Самаре возникает крепость Алексеевск, на р. Сок — Сергиевск. Множество укрепленных пунктов во второй половине XVII в. основываются в Зауралье. Здесь в это время появляются Исетский, Китайский, Мехонский, Красногорский, Масленский и Колчеданский остроги. Почти одновременно с ними строятся слободы Шадринская, Терсютская, Арамильская, Крутихинская на р. Исеть, Усть-Миасская, Окуневская, Чумлякская — на р. Багаряк, Барневская, Пешанская — на р. Барневка¹.

Итак, в описываемое время в западной и северной Башкирии появились 11, в восточной — 17, в центральной — 3, всего 31 укрепленный пункт.

Правительство заселяло названные крепости различными разрядами служилых людей. В 90-х гг. XVI в. гарнизон Уфы состоял из 6 детей боярских, 9 пушкарей, воротников, сторожей, кузнецов, толмачей, 150 стрельцов, 10 новокрещенных и слободских татар. В течение XVII в. население гарнизона увеличивается. В 80-х гг. оно состояло из 157 дворян и детей боярских, 17 человек полоцкой шляхты, 87 служилых новокрещенных и иноземцев, не считая пушкарей, приказных людей, стрельцов и казаков. В 20-х гг. XVIII в. в Уфимском гарнизоне числилось 208 дворян, 28 служилых иноземцев, 300 казаков, 598 солдат, 32 артиллерийских служителя, всего около 1166 военных людей². В Соловарном городке и Бирском городке во второй половине XVII в. имелось по 200 стрельцов в каждом³. Количество служилых людей в Осе неизвестно. Гарнизоны закамских крепостей состояли вначале из бело-

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 569, 612; Материалы... Ч. 1. № 15; Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 109, 112, 158—176; Перетяткович Г. Указ. соч. С. 140—165; Дмитриев А. Указ. соч. С. 42—46.

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 1029; Ф. 452. Оп. 1. Д. 4. Л. 6—8; НА БНЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 108. Л. 75—81; Текст «Отводной книги по Уфе. 1591/92 — 1629 гг. С. 261—267.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 612, 1093.

пашенных казаков и стрельцов, переведенных сюда из городов Казанского уезда или взятых на казацкую службу окрестных крестьян, примерно по 100—150 в каждом лунке линии, всего 800 человек. В 1655 г. они были пополнены за счет 482 человек смоленской шляхты и казаков, в 1668—532 человек полоцкой шляхты. В Алексеевске стояли 100 казаков, в Сергиевске — 315¹. Таким образом, в городах и крепостях европейской Башкирии в начале XVIII в. насчитывалось по неполным данным около 3800 дворян, стрельцов, солдат и других служилых людей.

В острогах и слободах Зауралья гарнизонную службу несли беломестные казаки и драгуны, набранные из самовольно переселившихся в этот край русских крестьян. Состояние источников не позволяет определить их общее количество. Материалы есть лишь по некоторым из них. Например, известно, что в Катайском и Колчеданском острогах, Арамилской, Окуневской, Белоярской, Чумлякской, Камышевской и Новопешанской слободах в 1696 г. было 4615 беломестных казаков и крестьян².

Все названные разряды служилого населения наделялись землей за счет башкирских вотчин. Уфимские дети боярские и дворяне получили поместную землю еще в конце XVI в. Правда, их поместья были тогда небольшие по размерам: не более 150 четвертей пашни.

В середине 70-х гг. XVII в. были наделены поместьями смоленская и полоцкая шляхта, несшая службу в закамских крепостях. В момент наделения каждый служилый получил от 60 до 150 четвертей пашенной земли. Во второй половине 70-х—начале 80-х гг. были переведены полностью на службу из земли стрельцы и казаки Уфы, Соловарного городка и Бирска³. Что касается беломестных казаков зауральских острогов и слобод, то они, не получая от государства жалованья, с самого начала имели пашенные земли и угодья.

Отдельные группы служилых людей правительство селило в сельских местностях края. Так оно поступило с набранными на службу татарскими и мишарскими феодалами Ср. Поволжья. В середине XVII в. их здесь было по 100 семей. В первое время мишари и татары за службу получали денежное жалованье 4—7 руб. в год. В конце

¹ НА БНЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 116. Л. 54—66; Новиков В. А. Указ. соч. С. 24, 210—214; Перегяткович Г. Указ. соч. С. 140, 165, 258—264.

² Материалы... Ч. 1. № 15.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 656, 696, 1093; НА БНЦ УрО РАН Ф. 3. Оп. 12. Д. 115. Л. 547—548.

50-х—начале 60-х гг. их наделили поместьями. Мишарские феодалы получили поместный оклад от 100 до 130 четвертей. А служилым татарам дали по 60 четвертей пашенной земли. Мишарей и татар разместили на территории Осинской и северо-восточных волостей Казанской дорог¹.

В конце XVI — начале XVII вв. в Башкирии появляются христианские монастыри. Первые монастыри основывались на западной окраине, на землях Осинской и Казанской дорог. В конце XVI на левом берегу р. Камы вблизи села Никольского появляется Преображенский, около Осинской слободы — Спасо-Преображенский монастыри. В царствование Михаила Федоровича возникают вблизи села Челны Богородицкий Челнаковский, в Уфе — Успенский мужской и Христорожественский женский монастыри. После строительства Соловарного городка вблизи него основывается Вознесенский монастырь². Существовали монастыри и на восточной окраине. В 1644 г. на среднем течении р. Исеть был построен Долматовский монастырь³.

Все перечисленные выше монастыри имели земельные владения. Царское правительство жаловало им башкирские вотчины.

Земельные владения в Башкирии имели и крупные монастыри центральных районов и Ср. Поволжья. В их числе можно назвать Звенигородский Саввино-Сторожевский, Московский Донско-Богородицкий, Костромско-Богоявленский, Казанские Седмиозерный и Преображенский, Елабужский Троицкий, Свияжский Рождественский и Соликамский Вознесенский монастыри, которые здесь заводили хозяйство, имели феодально-зависимое население⁴. Владели землями и крестьянами в Башкирии и крупные церковные иерархии. В 70-х гг. XVII в. на р. Кирмень, на левом притоке Камы, появилась вотчина Казанского митрополита. Тобольский митрополит имел земли в среднем течении р. Миасс, владел крупным селом Воскресенское, где в середине XVIII в. было 1116 человек м. п.⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 468, 548, 838, 1119, 1374; Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 93—156, 183—191; Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940. С. 11.

² Игнатьев Р. Г. Краткое известие о бывших монастырях в Уфимской губернии. // Справ. кн. Уф. губернии. Уфа, 1883. С. 356—366.

³ Дмитриев А. Указ. соч. С. 103—112.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 142—145; Пермская летопись. Четвертый период. С. 27.

⁵ Перетялкович Г. Указ. соч. С. 273; Кондрашенков Г. Русская колонизация Зауралья в XVII—XVIII вв. // Курган. гос. пед. ин-т. Ученые записки. Вып. VI. Курган, 1964. С. 47.

На рубеже XVII—XVIII вв. началось изъятие башкирских земель под заводы. В это время на территории Салжиутской волости Сибирской дороги были основаны казной Каменский и Уктусский заводы. Каждый из них занял земли и леса на 20—30 верст кругом¹. Кроме того, правительство практиковало отдачу рыбных ловель, бортовых лесов, перевозов, мельничных мест, пашенных земель на откуп и оброк. В роли откупщиков и оброчников выступали купцы, в т. ч. центральных и поволжских городов, монастыри, мелкие служилые люди, отчасти богатые крестьяне. Источники свидетельствуют, что во второй половине XVII—начале XVIII вв. откупщиками и оброчниками являлись известные московские купцы И. Симоновский, Т. Гурьев, А. Яковлев, В. Тимофеев, звенигородский Саввино-Сторожевский, Костромский Богоявленский монастыри, а также представители местного христианского духовенства, уфимские и бирские стрельцы, конные казаки, посадские люди, подъячие, крестьяне дворцовых сел².

Дворяне, мелкие служилые люди, монастыри и купцы не довольствовались отведенными землями и самовольно расширяли свои владения. «Законные» и «незаконные» захваты земель вызвали массу челобитных башкир. Рассмотрим эти материалы по «дорогам». В 1624 г. жители Байлярской волости Казанской дороги жаловались на то, что в их вотчины «на Каме реке сенные покосы, рыбные ловли, вступаются служилый человек ялышевец Батлаев». В 1631 г. башкиры Гирейской волости писали в своей челобитной, что в их ясашные земли приезжают служилые люди Вятки и Перми. В 1651 г. они повторили свою жалобу на тех же людей. В 1632 г. другая группа башкир той волости жаловалась на уфимских дворян, детей боярских, подъячих, что они на их вотчину «пущают посторонних людей пермяков, березовцев и вятчан... и пустошат вотчину». Они просили защиты³. В 1645 г. жители Киргизской волости обратились к уфимскому воеводе с жалобой, что их вотчинные угодья на устье р. Белой приезжающие туда на заставу уфимские дворяне и дети боярские «отдают для своей корысти в оброк». Уфимский воевода дал челобитчикам оберегательную память. В 1653 г. те же башкиры подали аналогичную жалобу. В 1640 г.

¹ Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948. С. 56.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 48—49, 68, 142—145; Разряд. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 107, Ф. 1173. Д. 137, 1324.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 299, 1324, 326; Ф. 238. Кн. 132. Л. 67.

ясашные люди Енейской волости Янбахты Кудабактин «с товарищи» просили оберегать их вотчины от приезжих из Казани русских, чувашей и мари. Им была дана требуемая грамота. В 1645 г. Кудабактин «с товарищи» вновь жаловались на насилия в вотчине со стороны тех же людей. В ответ челобитчики получили новую грамоту. В 1646 г. те же енейцы подали челобитную, в которой писали, что служилые люди Уфы, Вятки и Сарапула в их вотчинах «рыбу ловят, борти дерут, сено косят, во всем им налогу чинят, им де государева ясака взять стало негде». Они вновь получили оберегательную грамоту¹. В 1666 г. жители этой волости А. Бисаргин «с товарищи» просили, чтобы в их ясашных землях «рыбы насильством не ловили и зверей не побивали, никакого насильства не чинили русские люди и бусурмане». Воевода велел дать им оберегательную память². Как видно, башкиры прежде всего проявляли недовольство земельными захватами служилых людей. Они пытались отстаивать свои земли путем получения оберегательных грамот.

Серьезное беспокойство жителей Казанской дороги вызвало изъятие земель в пользу монастырей, действия последних по расширению своих владений. Особенно в этом отношении беззащитно поступали Саввино-Сторожевский и Костромский Богоявленский монастыри. В 1653 г. обширные рыбные ловли по р. Кама от устья р. Белой почти до Сарапула, которые принадлежали башкирам нескольких волостей, были отданы Саввино-Сторожевскому монастырю в откуп на 5 лет. Через 2 года эта территория была пожалована монастырю в вотчину. Подобная щедрость правительства вызвала возмущение башкир. В 1656 г. жители Енейской, Гирейской, Иланской, Елдякской, Байлярской, Киргизской, Шемшадинской, Тышкы-Иланской волостей подали челобитную, в которой писали, что монастыри захватили их рыбные ловли, озера, речки и не дают ловить рыбу, завладели деревней³. В 1662 г. башкиры Енейской волости вновь жаловались на насилия того же монастыря: «...как поселились на Усть Белой реки Савы Сторожевского монастыря старцы, их де в той их вотчине изобижают, рыб и зверя ловить не дают, бьют и всякие налоги чинят»⁴. Башкирам, по-видимому, уда-

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 47—47об. 53—55; Ф. 1173. Д. 441.

² Там же. Ф. 248. Л. 43—45.

³ Там же. Ф. 1173. Д. 137.

⁴ Там же. Ф. 248. Кн. 132. Л. 51.

лось отстоять часть своих вотчин от притязаний монастыря. В коллективной челобитной жителей Шемшадинской, Елдякской, Иланской, Гирейской, Киргизской, Енейской и Байлярской волостей от 1671 г. говорится, что в 1668 г. привезли из Москвы царскую грамоту, по которой «Изо-сим старец с устья Белой Воложки сослан» и они сами пользовались этими ловлями. Но через год названные рыбные ловли были вновь отобраны у башкир и отданы на откуп уфимцу Ивану Киржацкому «с товарищи»¹. Спор начался снова. Не менее острый характер носила земельная тяжба жителей Байлярской волости с Костромским Богоявленским монастырем. В середине 50-х г. XVII в. часть земли волости по р. Ик была отдана казной на откуп этому монастырю. Последний стал расширять свои владения за счет башкирских земель и чинить жителям всякие насилия. В челобитной байлярцев от 1682 г. говорится следующее: «...сверх тех откупных вод он, архимандрит, с братьею владеет по Каме реке их рыбными ловлями... многие годы, а ныне он... на их ясашной старинной вотчинной земле поселил многих боярских крестьян, которые им обиды и налоги чинят, сено косят и животину всякую большую и мелкую к себе в деревню загоняют и конские стада отгоняют... и в вотчине их бортные деревья рубят и пчелы дерут и рой обирают... и бобровые гоны и лисиц и куниц и всякий зверь из вотчины их отгнали... ясаку им стало иметь негде». Челобитная осталась без ответа. Тогда башкиры повторили ее в 1685 и 1692 гг. После этого власти проводили размежевание спорных земель. Воевода Елабуги спорные земли отвел монастырю, при этом грабил и запугивал башкир. Но последние в 1696 г. вновь подали челобитную. Лишь после этого Приказ Казанского дворца принимает решение в пользу башкир².

Сильное недовольство жителей Казанской дороги вызвали земельные захваты и насилия откупщиков московских купцов Симоновского, Гурьева и др. В челобитной башкира Енейской волости Сананова говорится, что «...ныне гостиной сотни Иван Симоновский теми ево вышеописанными озерами и островами с песком по ложному затайному челобитью завладел насильством своим тому ныне другой год, те ево вышеописанные озера и острова и песок будто оброчные, а те де озера и острова и песок истари их ясашные». Жители Гирейской волости в 1700 г.

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 614.

² Там же. Ф. 248. Кн. 132. Л. 3—10, 114—116.

жаловались, что купец Симоновский «...хочет у них тое вотчину отнять и присылает к ним башкирцам из Уфы приставов, и их башкир тоскает и убытчит». А в следующем году они уже пишут, что той вотчиной владеет купец. На земельные захваты последнего жаловались также жители Шемшадинской волости. Однако эти челобитные не помогли им. Купец в свою очередь подал несколько жалоб, в которых обвинял башкир в том, что они не дают ему пользоваться откупными рыбными ловлями и участками. Приказ Казанского дворца в январе 1702 г. предписал уфимскому воеводе удовлетворить все претензии Симоновского¹.

В документах иногда встречаются недовольства башкир этой «дороги» земельными изъятиями в пользу дворцовых сел. В середине 90-х гг. XVII в. жители Каршинской волости жаловались, что «в их вотчине русские люди поселились 4 деревни, их разоряют, тою их старинною вотчиною владеть не дают». В ходе расследования крестьяне с. Дуваней и деревень сказали, что они поселились на спорной земле «по отводу на диком поле»².

Таким образом, башкиры Казанской дороги, отстаивая свои земли, подавали немало челобитных. Но они помогали не всегда.

Та же самая картина наблюдается в пределах Ногайской дороги. В 1640 г. ясашные башкиры Минской волости Ч. Кочаков и М. Коштелкеев «с товарищи», проявляя недовольство земельными захватами уфимских служилых людей, писали в челобитной, что «...их старинная вотчина около города блиско и в тех в вотчинах ходят уфинцы русские люди, насильством збирают борти, пчелы дерут, всякие угодыя пустошат». Далее они продолжали, что уфимские дворяне братья Каловские, братья Волковы и другие захватили их рыбные ловли — 3 озера. Челобитчики просили вернуть эти озера³. Из материалов спора между группой ясашных башкир Минской волости и дворянином Каловским хорошо прослеживается, как уфимские служилые люди округляли свои владения, как башкирам трудно было отстаивать свои земли. В 1616 г. в счет поместного оклада одному из представителей рода Каловских был отдан участок песка на р. Белой в пределах Минской волости. Несмотря на противодействие жителей волости, Каловский постепенно расширял свои

¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 41—41 об, 93—94; Ф. 1173. Д. 1324, 1362.

² Там же. Ф. 1173. Д. 1242.

³ Там же. Д. 347.

земли. В конце 70-х гг. в распоряжении этой семьи оказалось 15 участков песка, 4 реки, 3 истока. Несколько жалоб башкир остались безрезультатными. Наконец, их представитель Тлеш Бегенешев в 1686 г. повез челобитную в Москву. По приказу из Москвы в 1688 г. уфимские власти провели расследование, и Приказ Казанского дворца решил дело в пользу челобитчиков. В 1690 г. судья Казанского приказа князь Б. А. Голицын велел дать им оберегательную грамоту¹. Уфимские дворяне часто захватывали башкирские земли под видом пустых, якобы никому не принадлежащих. Проведение подобных операций облегчалось тем, что коренные жители владели землей «по старине», и те или иные группы населения не имели официальных документов на свои владения. Вотчина Тимербулата Якшиванова «с товарищи» находилась по р. Белой в районе деревни Красный Яр. В начале 90-х гг. XVII в. уфимские дворяне А. Барсуков и Ю. Гладышев подали челобитную, чтобы эту «пустую» землю отдали им в поместье. Воевода удовлетворил их просьбу и каждый из них получил по 60 четвертей земли. Узнав об этом, возмущенные башкиры обратились с челобитной в Москву. В 1700 г. дело было решено в пользу башкир. Но в том же году часть этой земли захватили дворяне братья Сокуровы и конный стрелец Янзигитов. Башкиры вновь подали жалобу². В 50—60-х гг. XVII в. уфимские дворяне М. Приклонский, 4 брата Артемьевых, И. Кирилов и М. Гладышев под видом «пустых» завладели вотчинными землями ясашных башкир Минской волости А. Атнагулова, Б. Корсаева «с товарищи». Местная администрация официально оформила земли за ними. Но башкиры не примирились этими действиями. В 1699 г. они обратились с челобитной в Москву. Расследование показало незаконность захватов, и ясашные люди получили грамоту на владение своей землей. Однако дворяне не согласились с этим решением. В 1701 г. они подали челобитную, доказывая свое право на захваченную землю³. Чем дело завершилось, неизвестно. В 80-х гг. XVII в. жители Минской волости Е. Маметкулов «с товарищи» жаловались на уфимца служилого иноземца Т. Ружовишникова, который «...поселился насильством» в их вотчине, вверх по р. Деме, и «всякое насильство чинит тому ныне третий год»⁴.

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 56—63 об.

² Там же. Ф. 248. Кн. 132. Л. 17—19 об.

³ Там же. Ф. 1173. Д. 1306, 1320.

⁴ Там же. Ф. 1173. Д. 26.

Волну недовольства вызывали и действия жителей Соловарного городка. В 1673 г. башкиры одной из Табынских волостей Илсен Шугуров «с товарищи» писали в челобитной, что в 50-х гг. строитель Соловарного городка старец, назвав «порозжим», забрал себе на оброк их вотчинное озеро Аккуль. После восстания 1662—1664 гг. башкиры восстановили свое право на озеро. Но они сейчас опасались, как бы жители городка вновь не захватили озеро и просили оберегательную грамоту¹. В 1692 г. башкиры Табынской волости И. Илчегулов и его товарищи обвиняли жителей городка в том, что они «выезжают в старинные их вотчины, пашни пашут, сено косят, бортные деревья рубят, пчелы дерут... всякие насилия и разворения чинят». Чтобы оправдать свои действия, они говорят, что якобы взяли землю башкир на оброк. Челобитчики утверждали, что это их ясашная земля, никому они ее на оброк не давали, и просили оградить от посягательства посторонних людей².

Вся вторая половина XVII — начало XVIII вв. полны жалоб жителей Минской, Табынской, Курпеч-Табынской волостей на насилия Уфимского Успенского монастыря. В 1650 г. минцы А. Токаев «с товарищи» подали челобитную, в которой говорится, что их ясашными землями на р. Дема завладел игумен монастыря Кирилл с братьями. В 1680 г. табынцы Мурзашев «с товарищи» и минцы Утешев «с товарищи» жаловались, что в их вотчину «насиленно наезжают» крестьяне Успенского монастыря. Жалоба подтвердилась и власти дали башкирам оберегательную грамоту. Но в 1690 г. от этих башкир поступила новая жалоба. В 1695 г. жители Курпеч-Табынской волости обвинили этот же монастырь в незаконном владении в течение многих лет озерами Аккуль и Кукукуль. После расследования было велено владеть озерами башкирам³. Успенский монастырь также незаконно владел озером Юванкуль, которое являлось общим владением Минской и Табынской волостей. В 1694 г. жители последних обратились по этому поводу к воеводе. Но он оставил озеро в руках монастыря, ссылаясь на то, что башкиры не представили никаких крепостей⁴.

В ряде случаев коренные жители проявляли недовольство и отводами земель дворянским селам, земельны-

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 638.

² Там же. Ф. 248. Кн. 132, Л. 24—25 об.

³ Там же. Ф. 1173. Д. 411, 914, 1047, 1200.

⁴ Там же. Д. 914.

ми захватами дворцовых крестьян. Еще в 1640 г. группа ясашных башкир жаловалась, что в их «вотчину насильством ходят Богородского села крестьяне»¹.

В Зауралье башкиры главным образом жаловались на изъятие их вотчин под остроги и слободы, на захваты земель служилыми людьми и крестьянами. В челобитной жителей Катайской волости К. Игиликова «с товарищи» от середины 80-х гг. XVII в. говорится, что «...приезжают де к ним в вотчину из Сибири русские люди... рыбу ловят, бобров побивают... сено косят, зимовья рубят и их и с тех вотчин выбивают вон»². В конце 80-х гг. К. Гильгильдин «с товарищи» из Сынрянской волости подали жалобу о насильственном поселении в их землях служилых людей и крестьян. В результате расследования дела выяснилось, что инициаторами поселения оказались драгуны И. Кузнец и П. Жданов. Последние в 1687 г. подали челобитную в Тобольск с просьбой разрешить им основать новую слободу якобы на «порозжей» земле. Власти, поверив служилым людям Катайского и Колчеданского острогов, что та земля пустая, никем не занята, дали разрешение на основание слободы, притом Кузнец и Жданов были освобождены от драгунской службы. Те, прибрав из Катайска и других острогов и слобод желающих переселиться на новую землю крестьян, основали поселение, ставшее Багарякской слободой³. Сынрянцы так и не сумели отстоять свои земли. В 1687 г. аналогичная челобитная поступила от жителей Кара-Табынской волости К. Девлешева «с товарищи», которые писали, что «...ныне тому лет с 5 поселились в их вотчинах на реке Миассе и на Чумляке русские люди дворов с 27 и больше..., те люди тое их вотчиною и бобровыми гоны и рыбными ловлями завладели насильством своим, их в ту вотчину не пускают, бобров и рыбу ловить не дают»⁴. В 1696 г. жаловались на земельные захваты и насилия «разных городов всяких русских людей» башкиры Сызгинской волости И. Бикбаев «с товарищи»⁵.

По этим челобитным уфимские власти проводили расследование, давали башкирам оберегательные грамоты. Но подобные мерошрятия недостаточно оправдали башкирские интересы. Сибирские служилые люди и другое население продолжали самовольный захват земель. Не-

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 347.

² Там же. Д. 969.

³ Там же. Д. 1082.

⁴ Там же. Ф. 1173. Д. 973.

⁵ Там же. Ф. 1173. Д. 1237.

довольные таким развитием событий, башкиры стали подавать челобитные. В составе царской грамоты от 1695 г. дошла до нас одна из жалоб жителей всей Сибирской дороги. В ней вновь поднимается вопрос о строительстве острогов и слобод на башкирских вотчинах по рр. Ревда, Исеть, Теча, Миасс, Багаряк, о захвате земель жителями этих пунктов, о том, что служилые люди отнимают у них скот, «...в дома их приезжают и грабят и бьют до смерти». Далее в тексте говорится, что у них много «челобитень» и «изветов» обо всем этом, но судом они, башкиры, ведомы в Уфе, а пришлые люди — в Тобольске, что еще затрудняет им возможность добиться справедливости. К тому же, приказчики Катайска, Арамилска и других острогов и слобод «им, пришлым людям, чинят поноровку и с ними сопча их, башкирцов, разоряют безостатку»¹. Как видно из документа, сибирские башкиры нарисовали яркую картину захвата их старинных вотчин. Они теряли обжитые земли, скот, дома, инвентарь и жизнь. Все это вызывало острое недовольство. Приказ Казанского дворца организовал расследование по челобитной. Посланные для этой цели в Катайский острог два стольника братья Г. и Я. Тухачевские должны были проверить ее на месте, в том числе выяснить, на чьих землях построены остроги и слободы. В случае подтверждения башкирской жалобы, стольников обязали взять в свои руки управление острогами и слободами, поставленными на среднем и верхнем течении р. Исеть, а также на рр. Теча и Миасс, а нынешних управителей выслать в Тобольск, «о убытках и о разоренье и о смертном убийстве против башкирского челобития розыскать о всем подлинно», башкирские земли «с теми слободами и деревнями розвесть и розмежевать»². Прибыв на место, стольники известили Москву, что жалобы башкир справедливы, что они в соответствии с инструкцией берут в свои руки управление этим районом. Однако воевода Тобольска не подчинился повелению приказа Казанского дворца, ссылаясь на то, что он исполняет лишь распоряжение Сибирского приказа. Стольники Казанского дворца были высланы из сибирских острогов и слобод. Против передачи этой территории в ведение Казанского приказа выступил и Сибирский приказ. Судья этого приказа вместе с тобольским воеводой организовал встречную челобитную служилых людей и крестьян названных

¹ Архив АН СССР. Ф. 21, Оп. 4, Д. 13, Л. 93—99.

² Там же. Л. 100—100 об.

острогов и слобод. В их челобитной говорится, чтобы в Москве не верили «ложной» челобитной башкир, что остроги и слободы основаны на государевых «порозжих» землях, а не на башкирских, что якобы последние совсем недавно, после построения этих острогов и слобод переселились сюда из уфимской стороны Урала, поэтому повелеть бы зауральскими землями «...владеть нам холопом и сиротам вечно, а их, башкирцов, с тех земель и угодий перевести на Уфинскую сторону Камени на прежние их жилища в Уфинской уезде»¹. Правительство всерьез приняло челобитную сибирских жителей, началось выяснение, действительно ли башкиры недавно переселились в Зауралье. Конечно, эту заведомую ложь нельзя было доказать. Но зато решение Казанского приказа об изменении управления зауральскими острогами и слободами осталось на бумаге. Не было принято также никакого решения относительно башкирских жалоб на самовольные захваты и другие насилия сибирских жителей.

Таким образом, не помогло и обращение в Москву от имени всей Сибирской дороги. В Зауралье все осталось по-прежнему. Жители острогов и слобод, опираясь на поддержку местных властей, захватывали земли башкир, а последние жаловались. В 1700 г. в челобитной башкир Мекетинской волости говорится, что жители Арамилской и иных слобод и деревень владеют и разоряют их вотчины².

Не было спокойно и в пределах Осинской дороги. В течение всего XVII в. на башкирские земли наступали знаменитые Строгановы. В конце XVI—начале XVII вв. земли многочисленной и сильной Гайнинской волости доходили до рр. Н. и В. Муллы, левых притоков Камы. Это — значительно севернее г. Осы. Башкиры-муллинцы платили ясак в г. Чердынь. В начале XVII в. их начали теснить люди Строгановых. Тогда башкиры Култай «с товарищи» с устья р. Н. Муллы перешли жить на верховья этой реки, где и основали новую деревню Култаево. Но и здесь им не было покоя от Строгановых. Тогда сын Култая Шигир Култаев в царствование Михаила Федоровича ездил в Москву и привез оттуда оберегательную грамоту. В ней сказано, что земли по рр. Н. и В. Муллы, Юг, Нытва и Очер принадлежат жителям Гайнинской волости Шигрю «с товарищи»,

¹ Архив РАН, ф. 21. Л. 101—103 об.

² Там же. Ф. 21. Оп. 4. Д. 13. Л. 125—125 об.

людям Строгановых не велено владеть этой территорией. После некоторого перерыва Строгановы вновь начали теснить башкир, и последние вынуждены были, оставив бассейны указанных речек, поселяться еще южнее. Здесь появилась их деревня Қояново. В конце XVII в. люди Строгановых нашли их и здесь. В челобитной внука Шигиря Тасима Маметова от 1700 г. говорится, что крестьяне Строганова, «приезжая к ним в деревни, и пашни их и усадебные земли пашут, городьбы ломают, разоряют, сено косят, к себе свозят, конские стада отгоняют. И прикащики их Пронка Алексеев «с товарищи» и со крестьяне приезжали к ним в деревню нарядным делом с ружьем и всех раззорили и пограбили, мельницу отняли, снасти увезли»¹. В 1701 г. Приказ Казанского дворца велел дать башкирам новую оберегательную грамоту с подтверждением их прав на земли. Однако Строгановы подали челобитную в Посольский Приказ, обвиняя башкир в ложной жалобе, а уфимского воеводу им в потворстве. В дело вмешался Посольский Приказ, по настоянию которого размежевание спорных земель на основе решения приказа Казанского дворца было приостановлено. Чем дело кончилось, неизвестно². С запада земли гайнинцев захватывали жители Осинского городка, что видно из жалобы башкир Я. Маметкулова «с товарищи» от 1690 г. В начале XVIII в. жители Ирехтинской волости Р. Савельев «с товарищи», Уранской волости М. Истеков «с товарищи» подали челобитные о том, что «сарapulьского уезду русские люди их старинными вотчинами владеют насильно»².

Земельные изъятия усиливались с каждым десятилетием. Лишним подтверждением этого является вовлечение в спор все более крупных коллективов. Если в первой половине XVII в. недовольство проявляли группы башкир или отдельные волости, то во второй половине века, наряду с ними, стали подаваться челобитные от имени группы волостей и целой «дороги». Наконец, в последней четверти XVII — начале XVIII вв. башкиры пытались отстоять свои земли путем подачи челобитных от имени всех 4-х «дорог». Челобитная жителей 4-х «дорог», поданная в Москву в 90-х гг. XVII в., как бы синтезирует недовольство башкир земельной политикой царизма и господствующего класса и всесторонне характеризует обстановку в крае в связи с этим. Ее содержание

¹ Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. III. С. 79—87.

² РГАДА, Ф. 1173. Д. 13; Ф. 248. Д. 821, Л. 256, 260.

сохранилось в составе грамоты Приказа Казанского дворца от 1694 г. уфимскому воеводе. В ней говорится: «Били челом государем Уфимского уезда Осинской, Казанские, Сибирские и Ногайские дороги башкирцы, тарханы и ясашные... вотчины за ними в Уфимском уезде... на те их старинные вотчины у прадедов, и дедов, и отцов их письменных крепостей нет, кроме ясашной книги... И в недавних годах на тех их старинных вотчинах... поселились пришлые русские люди и татары и чуваша, пришед из Казанского, из Тобольского и из Кунгурского уездов и из Соловарного городка. А ныне де тако ж приходят многие люди и в вотчинах их и во всех угожьях в последних их местах селятся и их теснят и разоряют, а им, кроме тех сторонних вотчин нашего, великих государей ясаку промыслить и самим прокормиться нечем. А у них же в Уфимском уезде диких поль и порозжих земель нет». Челобитчики просили правительство, чтобы их земли не отдавали пришлому населению «...в оброки, в тягло и в службу»¹. Здесь важно подчеркивание башкирами систематического характера захватов и многообразия способов, применяемых дворянами и мелкими служилыми людьми, монастырями и другим пришлым населением для приобретения земли, и содействия последним в этом со стороны центральных и местных органов власти. Заслуживает внимания и то, что башкиры опровергают мнение об избытке у них земли.

Как видно, правительство в крае проводило противоречивую земельную политику. С одной стороны, оно официально провозглашало политику сохранения земель в руках коренных жителей. С другой стороны, власти постепенно захватывали башкирские земли, о чем говорит строительство крепостей, слобод, заводов, раздача земель дворянам, монастырям, мелким служилым людям, частично — крестьянам. Следствием этой политики было уменьшение пастбищ, ограничение нормального развития полукочевого скотоводства — основной отрасли хозяйства башкир. Поэтому изъятие земель вызывало массовое их недовольство.

§ 2. Налоги и шовинности населения

Важным аспектом политики царизма в крае являлись налоги и повинности. После вхождения Башкирии в состав Российского государства, башкиры, за исключением тарханов, были обложены ясаком. Но ясак не являлся

¹ Материалы... Ч. 1. № 13.

единственным налогом с них. Рассмотрим сохранившиеся материалы по «дорогам». По сведениям 1624 и 1625 гг. башкиры Байлярской волости Казанской дороги ежегодно платили в казну 114 куниц и 21 батман меда. В этих сведениях показаны не все подати. В челобитной жителей той же волости от 1682 г. говорится, что они в Уфу платят 114 куниц и 21 батман меда, а в Казань — деньги в сумме 17 руб. 27 алтын 2 денег. Челобитчики жаловались на произвол казанских сборщиков налога и просили разрешения платить указанные деньги, как и «куничного и медвяного ясака» в Уфе. Группа башкир той же волости в своей челобитной от 1685 г. утверждала, что они платят «в Уфе окладной ясак 16 куниц да в Казань 4 батмана меду да денег 17 алтын и 5 денег»¹. Как видно, жители Байлярской волости вносили в пользу государства в виде налога, кроме куницы и меда, деньги. Правда, из приведенных документов неясно, за что башкиры платили деньги. Но из царской грамоты от 1691 г. видно, что указанные деньги являлись оброком с рыбных ловель. Там сказано, что сверх куниц и меда, байлярцам платить «с тех вод в Казани на рыбный двор старого откупу и новой наддачи по 20 руб. на год»². Группа башкир Гирейской волости в 1632 г. несла в пользу казны 17 куниц и 5,5 батмана меда, все жители волости в 1700 г. платили 106 куниц и 25 батманов меда³. Ежегодный ясак башкир Енейской волости в 1621—1654 гг. составлял по 113 куниц. Кроме того, они вносили мед и деньги. Например, группа жителей в 1646 г. платила 16 куниц и 6,5 батмана меда. В 1665 г. 2 башкира платили в казну 4 батмана меда и 1 гривну денег. В 1673 г. в челобитной жителей одной деревни, состоящей из 10 дворов, говорится, что они платят «на Уфу кунного ясаку по 10 куниц да медвяного по 2 батмана меда, по 3 ансыря на год»⁴. В 60—70-х гг. XVII в. башкиры Елдяжской волости платили казне ежегодно по 112 куниц и 40 батманов меда. В начале 80-х гг. группа жителей Иланской волости несла в пользу казны по 25 куниц и 20,5 батмана меда. Один башкир с братом и сыном в 1681 г. платил 4 куницы и 2 батмана меда. По

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 17, 299, 797, 1106; Батман — мера веса, казанский батман равнялся 10 фунтам, бухарский и оренбургский — 8 пудам. В Башкирии употреблялся, по-видимому, казанский батман.

² Материалы... Ч. 1. № 25.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 326; Ф. 248. Кн. 132. Л. 68—68 об.

⁴ Там же. Д. 1236. Л. III; Ф. 248. Кн. 132. Л. 47—47 об, 51—52.

сведениям 80-х гг. XVII в. и начала XVIII вв. жители Каршинской и Шемшадинской волостей в виде налога платили казне и куницы и мед¹.

Переходим к материалам Ногайской дороги. В своей челобитной от 1640 г. ясашные башкиры Минской волости Кочаков и Кошкелтеев писали, что они «ясак кунный и медвяной большой и за каменную соль медом дают»². Здесь четко выделяется основной поземельный ясак — ясак кунный и особая плата с выгодных угодий — ясак медвяной. В данном случае платили мед не только за бортные угодья, но и за залежи каменной соли. Как известно, солью с илецких месторождений пользовались все башкиры. Следовательно, за эти угодья они платили казне дополнительный налог. В источниках сохранились также сведения о размерах податей башкир-минцев. В ясашной приходной книге 1695 г. говорится, что «Минской волости... на всей волости 180 куниц да 2 бобра. Да на них же казанский ясак 32 куницы»³. В этом случае величина казанского ясака, т. е. оброка с рыбных ловель, дается в куницах. В 1695 г. одна группа башкир этой волости платила казне в виде ясака 8 куниц и 0,5 батмана меда, другая — 14 куниц и 1 батман меда. В 1666 г. ясак жителей Юрматынской волости равнялся 146 куницам. Из челобитной жителей Табынской волости от 1673 г. выясняется, что они платили казне 168 куниц. Кроме того, с них за озеро Аккуль, т. е. за рыбные ловли, полагалось еще 3 куницы. Примерно в эти же годы ясак группы башкир-табынцев состоял из 15 куниц и 3 батманов меда⁴.

По Осинской и Сибирской дорогам сведений мало. В грамоте от 1676 г. о назначении уфимского дворянина Дерюшкина сборщиком ясака на Осинскую дорогу говорится «О куничном, денежном и медвяном ясаках». В течение 1621—1623 гг. жители Уранской волости несли ясак в размере 86 куниц и 20 батманов меда ежегодно. В своей челобитной башкиры Гайнинской волости извещали, что в первое время после вхождения в состав Российского государства они платили ясак по 1 кунице с семьи или юрты, а всего с волости по 276 куниц в год.

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 711, 1938, 794, 1056, 1242.

² Там же. Д. 347.

³ Там же. Д. 1195.

⁴ Там же. Д. 1320, 559, 27, 638, 905.

В начале XVIII в. группа жителей Ирехтинской волости несла ясак по 3 куницы и 5 алтын денег в год¹.

В конце XVII — начале XVIII вв. ясак башкир Кара-Табинской волости Сибирской дороги состоял из 300 лисиц, Кудейской волости — «381 куницы да за мед деньгами по 17 руб. 29 алтын». В челобитной башкир всех 4-х дорог от начала 90-х г. XVII в. четко называются несколько видов налога. Они утверждают, что несут в казну... «куничный и лисий ясак и медвяной оброк»².

По материалам прослеживается и наличие особой подати с бобровых гонов. В своей жалобе на земельные захваты Уфимского Успенского монастыря жители Минской волости писали, что с тех земель они платят в казну «кунной и бобровый ясаки на Уфу и в Казани»³. Об уплате ясашными башкирами Казанской и Осинской дорог налога с бобровых гонов свидетельствует память воеводы Казани Кудрявцева в Уфу. Он пишет, что «...по приходным казанским книгам довелось взять в Казань в казну на нынешний 1701 г. с бобровых гонов оброку с Уфимского уезду на башкирцах дер. Бозяни на Ю. Утикове 7 алт. 4 ден., дер. Сикияз на Т. Камыеве 2 р. 12 алт. с полуденьгою, дер. Шоран на Т. Тенеев и на С. Тохтагулове 3 р. 7 алт. 4 ден., дер. Сагралей на Ч. Ембетове рубль 10 алт. 2 ден., на У. Ишкильдине рубль 10 денег, всего 8 р. 7 алт. полтрети деньги. Для збору того окладу посыланы ис Казани зборщики... и те де башкирцы вышеписанных оброчных денег им не платили, учинились сильны». Уфимский воевода, получив это известие, послал к тем башкирам подъячего Лузгина. При разборе дела башкиры не отрицали сам факт платежа ими налога с бобровых гонов⁴.

В грамотах уфимских воевод башкирские подати также отчетливо подразделяются на несколько видов. Воевода повелел дворянину Черникову «...быть ясашного денежного и медвяного и конного зборов по Сибирской дороге на 187 год». Уфимец Кишкин был назначен «для ясашного кунного и денежного и медвяного збору впредь с Семена дни» на территорию Казанской дороги, Лоп-

---

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 980, 285; Труды Пермской Ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 79.

² Там же. Д. 115; Материалы... Ч. 1. № 11.

³ Там же. Д. 411.

⁴ Там же. Д. 1361.

тин — на Ногайскую дорогу «для всякого ясашого збору»¹.

Сохранились прямые высказывания представителей местной администрации по этому вопросу. В 1736 г. Румянцев и Кирилов писали, что «ясашные башкиры платят ясак... по исчислению инья лисиц, иные куниц... да за бобровые гоны бобры, за бортные угодыя — мед»². В представлении переводчика Уфимской канцелярии К. Уракова императрице Елизавете Петровне говорится: «А дымной оклад положено на каждый двор по кунице деньгами по той же цене, а на вторую статью на каждый двор положено по лисице... и от бобровой ловли бобров по рассмотрению, от бортных угожьев меду по батману по 2, по 5 и по 20 на волость»³.

Итак, материалы свидетельствуют, что в XVII — начале XVIII вв. башкирские общинники платили казне 2 вида поземельной подати: первый основной — собственно ясак, который являлся налогом со всех земельных угодий, находящихся в их распоряжении; второй — это дополнительный налог (вернее оброк) с выгодных угодий — с бортных лесов, с бобровых гонов, с рыбных ловель. Причем оброк вносился лишь в случае наличия названных угодий.

Во второй половине XVI — первой половине XVII вв. перечисленные налоги вносились главным образом натурой. В течение XVII в. идет процесс постепенного перевода их на деньги. Были определены цены на названные продукты. Шкурка куницы оценивалась в 40 к., лисицы — 75 к., бобра — 1 р. 50 к., 1 батман меда — 1 р.⁴ Во второй половине XVII в. — начале XVIII вв. и ясак, и оброк вносились и натурой, и деньгами. За рыбные ловли в это время платили деньгами. С 30-х гг. XVIII в., по словам И. К. Кирилова, все названные подати носили денежный характер⁵.

Время от времени правительство увеличивало эти налоги. На повышение ясака в Башкирии в 1634/35 г. впервые обратил внимание Н. В. Устюгов. В начале 30-х гг. была проведена перепись трудового населения. Она привела к более полному учету и обложению ясаш-

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 727, 793, 796.

² Там же. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 482.

³ Материалы... Т. 3. № 577.

⁴ Там же. Т. 4. Ч. 2. № 487.

⁵ Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Истор. записки, 1961. Т. 68. С. 216.

ных людей. Кроме того, власти ввели новый ясашный оклад, который был выше прежнего. Следовательно, произошло заметное увеличение ясака. Сказанное подтверждается и тем, что башкиры отказались платить ясак по новому окладу, заявив сборщикам, что «...им де и по старому окладу... государева ясаку добыть стало негде, не токмо что по Савиным книгам Аристова». В виде протеста некоторые башкиры покидали пределы края. Например, во владения сибирского царевича Аблая бежало 63 двора башкир. В начале 60-х гг. XVII в. в улу-се калмыцкого тайши Мунчака обнаружилось 30 башкирских семей. Последние свое пребывание у калмыков объяснили тем, что «...с Уфы де они бежали, не стерпя налоги от ясачного збору»¹. Новое увеличение податей относится к началу XVIII в. В 1704 г. прибыльщики² обложили башкир рядом новых налогов. Рыбные ловли и бортные угодья подлежали переоброчке, т. е. дополнительный налог, который платился раньше башкирами с названных угодий, был увеличен. Население обязали также нести оброк с кожи каждой битой или погибшей лошади, с домовых ульев, с бани, с мельницы, с дуг, с хомутов, с печей, с вальков, с мостов, с прорубей, с ворот, с окон, с погребов, с калыма, отданного родителям невесты, с каждого посещения мечети³. Увеличен собираемый и раньше оброк со свадьбы. Известен размер некоторых видов новых налогов. Например, с кожи лошади налагался оброк в 10 денег, с домовых ульев 8 денег или фунт меда, со свадьбы 11 алтын, с повторной свадьбы — в 2 раза больше, т. е. 22 алтына; с третьей свадьбы — в 3 раза больше⁴. Эти новые налоги и другие требования прибыльщиков послужили непосредственной причиной башкирского восстания 1704—1711 гг. и правительство было вынуждено отказаться от большинства названных поборов. Правда, оброки со свадьбы и калыма не были сняты. Очередное урегулирование башкирских податей произошло в 1734 г., когда ясаком были обложены те, которые до этого не несли тягла. Их оказалось 1096 дворов. Дело здесь заключалось не только в увеличении численности налогоплательщиков, но и в повышении

¹ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 34—35, 36.

² Так назывались чиновники, присланные из Москвы во все уезды государства для обложения населения новыми налогами.

³ ЦГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—4; Материалы... Ч. 1. № 21.

⁴ ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 6. № 118.

среднего рамера ясака с плательщика — с 25 до 50 копеек¹.

Большой интерес представляет выяснение среднего размера поземельных налогов. Как сказано выше, последние платились со всего комплекса земельных владений. Обычно в источниках говорится, что башкиры платят ясак в казну со своих земель или вотчин. Такая формулировка объясняется особенностями землевладения и пользования в башкирском обществе — существованием общинной собственности на землю. Но поскольку члены общины, ведя индивидуальное хозяйство, пользовались частью общей вотчины, то ясак платился с этого участка. Поэтому внутри общины должна была существовать определенная земельная единица, служившая основанием для распределения ясака между общинниками. В самом деле, в индивидуальных челобитных башкиры часто пишут, что они платят ясак в казну с своего «жеребья». В 1675 г. спорили за землю башкиры Енейской волости Казанской дороги. Во время расследования этого дела выяснилось, что башкиры «те земли делят по ясакам, кто больше ясаку платит, те де землю больше владеют»². Данный материал лишний раз подтверждает существование определенного соответствия между размерами используемой земли и объемом ясака. Самим башкирам хорошо было известно, с какого количества земли они платят то или иное количество ясака. Нарушение данного соответствия приводило к спорам между общинниками. Когда в 1678 г. жители Иланской волости Сарман «с товарищи», ссылаясь на бедность, передали часть своего ясака в объеме 5 куниц и 6 батманов меда жителям той же волости Токадо «с товарищи», то последние стали претендовать на часть земли, которой до этого пользовались первые³. Однако состояние источников не позволяет установить конкретный размер поземельной единицы обложения. Возможно, что размер поземельной единицы обложения не был одинаковым для всех волостей.

Когда речь идет об определении среднего размера башкирского ясака, мы говорим, сколько вносил в казну в среднем тот или иной общинник. При этом конкретно пока не можем указать, с какого количества земли он это платит. В XVII — первой трети XVIII вв. каждый

¹ Материалы... Т. 4. Ч. 2. № 487.

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 110, 111.

³ Там же. Д. 423.

плательщик вносил в казну ясак в среднем по 25 коп. Обложенные в 1734 г. вновь ясаком башкиры платили по 50 коп. Они вносили в казну еще подъемные деньги по 4 копейки с плательщика¹.

На первый взгляд эти цифры свидетельствуют о легкости башкирского ясака. Однако в условиях господства натурального хозяйства подать в 25—50 коп. являлась тяжелой повинностью для рядовых общинников. При оценке тяжести налога необходимо учесть, сколько же его фактически собирали с населения. Дело в том, что сборщики ясака допускали очень большие злоупотребления. На это место назначались уфимские дворяне и другие служилые люди за их заслуги перед феодальным государством, т. е. должность сборщика ясака являлась как бы жалованием за службу. Среди местного дворянства нередко были случаи перекупки этой должности². Следовательно, сборщики собирали ясак больше, чем полагалось по ясашным книгам. Еще хуже было то, что описанный произвол был официально санкционирован.

Как происходил сбор ясака, это хорошо видно из челобитной башкир Верхне-Уфимской волости Верхотурского уезда от начала 30-х гг. XVII в. В ней говорится, что зимой к ним из Верхотурья для сбора ясака направляют стрельцов, которые «живут у них, переменяясь, во всю зиму безпереводно; а как они живут на промыслах для ясаку, и те де стрельцы без них жен и детей их бьют и позорят, и деньги у них вымучивают, и куницы у них себе емлют и ясак на них правят для своей корысти слишком, не против книг, и тем де лишним ясаком те служилые люди сами с воеводы корыстуютца и всякое насильство им чинят». Когда же башкиры сами привозили ясак в Верхотурье, то «...им де воеводы ясачных книг не кажут, а емлют де ясак с лишком, что у кого какой мяжкой рухляди найдут, те де у них и возьмут и тем сами корыстуютца». В ответ на эту челобитную приказ Казанского дворца повелед воеводе, чтобы он посылал для сбора ясака «...служилых людей добрых, непомногу, летом... чтобы они... ясачным людям насильства не чинили и лишних ясаков с них сверх окладу ничево не имали и самим служилым людям без отпуску для своей корысти в ясачные волости ездити не велети». Этот документ еще полнее раскрывает картину произвола со

¹ Материалы... Т. 4. Ч. 2. № 487, 577.

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 664, 727, 793, 796; Ф. 248. Кн. 750. Л. 374.

стороны сборщиков. Оказывается, были случаи самовольного сбора ясака со стороны служилых людей. Повеление центрального приказа не изменило положение. В конце 30-х гг. те же башкиры жаловались на те же злоупотребления¹. Таким образом, сборщики не только требовали лишний ясак, но и творили всевозможные насилия над населением.

На этом фоне понятны систематические жалобы башкир на тяжесть поземельной подати и произвол сборщиков в течение XVII — начала XVIII вв. В 70-х гг. XVII в. отказывались платить окладной ясак, подъемные и свадебные деньги жители Табынской волости Ногайской дороги, оброк за бортные угодья — Тышкы-Иланской волости, оброк за бобровые гоны — жители ряда сел Осинской и Казанской дорог². В 1687 г. уфимский воевода доносил в Москву, что «башкиры против окладу не платят, чинятся ослушны... ясаку и мед збирается против прежнего малое число». На произвол сборщиков налогов жаловались в 80-х гг. XVII в. жители Байлярской, в 90-х гг. — Енейской волостей Казанской дороги³. Просили уменьшить ясак в 60—70-х гг. XVII в. башкиры Юрматынской, Табынской и Минской волостей Ногайской дороги, в 90-х гг. — Уранской волости Осинской дороги⁴. О массовом возмущении башкир в связи с обложением их новыми налогами прибыльщиками в 1704 г. выше уже говорилось. Часто башкиры жаловались на то, что с них требуют ясак за земли, которыми они уже не владели⁵.

Ясак и другие платежи с земель были тяжелыми и не всегда посылными для рядовых общинников.

Наряду с поземельными податями, башкиры платили косвенные налоги — таможенные, с конской продажи, табачные и другие пошлины. Особенностью их сбора в крае являлось то, что в башкирских волостях не было постоянных таможен, а целовальники собирали пошлины, разъезжая по аулам. Это создавало большие возможности для произвола местной администрации. Башкиры неоднократно жаловались на «кочующих» целовальников. В своей челобитной от 1722 г. они, в частности, писали: «...ездят в их волости таможенные целовальники и табашные промышленники и конские площади зборщики

¹ Материалы... Ч. 1. № 1, 2, 3.

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 21, 1361; Акты исторические. Т. 5. № 19.

³ Там же. Д. 1005, 1236, 797.

⁴ Там же. Д. 559, 980, 638, 1195.

⁵ Материалы... Ч. 1. № 22.

и берут у них подводы по 5 и 6... хлебом де их целовальников... кормят и берут они, целовальники, насильством своим у них, иноверцев, гусей и баранов и утят и курят и мед и яйца и иной всякой запас... целовальники для своих прихотей в Уфинском уезде жавут... их разоряют... покупают себе всякие товары... пошлины в ящик не кладут». Челобитчики просили отменить институт «кочующих» целовальников¹. Но власти не вняли просьбам населения. В челобитной башкир от 1728 г. говорится, что целовальники по-прежнему к ним ездят, берут у них подводы и пищу, что «ежели мы продадим товару лисиц, куниц, волков, лошадей и прочей скотины, то оные целовальники, хотя и знают, хто какова товару продал, в той своей поеске оные целовальники пошлины не спрашивают, а как приедут вторично, того человека штрафуют, якобы он утаил, пошлины берут рублей по 10 и 20-ти, такими несносными налогами нас разоряют»². Примерно также характеризовали деятельность таможенных целовальников в Башкирии представители администрации — В. Н. Татищев, И. К. Кирилов, К. Ураков³. Итак, «кочующие» целовальники были для населения настоящим бичом.

Кроме прямых и косвенных налогов, башкиры выполняли в пользу государства ряд повинностей. Самой тяжелой повинностью являлась военная служба. Ее несли и феодалы, и рядовые общинники. До середины XVIII в. Башкирия представляла собой пограничную территорию, и на башкир была возложена сторожевая служба. Источники сохранили о ней мало сведений. Но известно, что она заключалась в содержании караулов и охране юго-западных, южных и юго-восточных пределов края от вторжений соседних кочевников. Если учесть нежелание ногайцев и во второй половине XVI в. примириться с фактом вхождения Башкирии в состав Российского государства и пребывания с конца XVI — начала XVII вв. на юго-восточной и южной окраине Башкирии казахов и калмыков, претендовавших на эту территорию, то станет понятным, каких сил и средств стоила башкирам сторожевая служба. Некоторый конкретный материал о ней относится к первой половине XVIII в. Например, население Казанской и отчасти Ногайской дорог

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 33—34.

² Материаль... Ч. 1. № 22.

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 176; Кн. 750. Л. 346; Материаль... Т. 3. № 577.

на юго-западе края содержало 4 постоянных караула по рекам Самара, Кинель, по верховьям Ийя, Темеряк, Ик, Чермасан. Служба эта была достаточно эффективной. В 1733 г. башкиры Сибирской дороги разбили, например, 10-тысячный отряд казахов Среднего Жуза, а вскоре после этого — другой подобный отряд¹. Характеризуя эту службу башкир, переводчик Уфимской канцелярии Ураков писал в 1745 г.: «Ныне называемая Оренбургская линия от Яицкого городка до Сибири содержана была ими, башкирцами, и до разорения внутрь соседних неприятелей киргизов, калмык не допускали»². Башкирские конники входили в состав Экспедиции подполковника Бухгольца в Сибирь в 1714 г.³.

Все это показывает, что сторожевая служба была обременительной повинностью, особенно для жителей пограничных волостей Ногайской, Сибирской и Казанской дорог.

Наряду с пограничной службой, башкирские отряды привлекались для участия в войнах. Они участвовали в Ливонской войне 1558—1583 гг., в борьбе с польско-литовской интервенцией в начале XVII в., в войне с Турцией в 1676—1681 г., в Крымских и Азовских походах конца XVII в., в Северной войне со Швецией в первой четверти XVIII в.

Военно-сторожевую службу башкиры несли полностью за свой счет. Они обеспечивали себя несколькими боевыми лошадьми, оружием, одеждой и питанием. Лишь за участие в дальних походах им от казны давали денежное и хлебное жалованье. Рядовые общинники часто жаловались на тяжесть военной службы. Они иногда отказывались от участия в походах⁴.

Башкиры выполняли также подводную повинность. Они возили на своих лошадях сборщиков ясака, целовальников, приставов и других представителей местной администрации и отвечали за состояние дорог. Подводная повинность являлась нелегким делом, особенно для жителей волостей, живших вдоль дорог, связывающих г. Уфу с центральными районами через Казань и Самару и пригородами (Бирск, Оса, Соловарный городок, закамские крепости). В выполнении этой повинности башкирам частично помогали припущенники.

¹ Демидова Н. Ф. Управление Башкирией... С. 229.

² Материалы... Т. 3. № 577.

³ ПСЗ — 1. Т. 6. № 2818.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 66—70.

Несение этой обязанности также сопровождалось злоупотреблениями. В 1705 г. комиссар Сергеев, направленный с несколькими полками из Казани в Уфу для подавления восстания, требовал от башкир, по их словам, «по 1000 и больше подвод в каждой яме и от той скорой ево езды лошади многие померли, многие люди озябли»¹. В 1738 г. башкиры в своей челобитной писали: «В бытность статского советника Шемякина и прежде ездили за своими нуждами офицеры и брали подводы по 40—50, сам оный Шемякин брал по 100 и больше подвод и в том проезде многие подводы померли и в том нам чинилось немалое разорение»².

Итак, башкирские массы несли в пользу феодального государства прямые и косвенные налоги, выполняли несколько повинностей. Невозможно точно определить размер каждого из них и общую их сумму на отдельного плательщика в денежном выражении. Но несомненно одно: в течение второй половины XVI — начале XVIII вв. налоги и повинности с башкир имели явную тенденцию к росту. Правда, они росли несколько медленнее, чем хотелось бы властям. Систематические вооруженные выступления башкир в какой-то мере сдерживали последних. Опасаясь нового восстания, тем более в обстановке начавшегося брожения среди башкир в 1721—1724 гг., правительство, например, в 1724 г. не пошло на обложение их подушной податью³. Серьезная попытка ее распространения на башкир была сделана во второй половине 30-х гг. Для этой цели в 1739 г. приступили к переписи населения. Начавшееся восстание сорвало эти планы. Но и без них налоги и повинности, которые несли рядовые башкиры, были очень тяжелы. В сочетании с произволом при их взимании они превращались в непосильное бремя и вызывали постоянное недовольство масс.

Переходим к выяснению повинностей пришлого населения. Независимо от своего отношения к народной колонизации, правительство всегда добивалось, чтобы трудовое население, появившееся в крае, как можно полнее было учтено и обложено налогами и повинностями.

Русские крестьяне в Башкирии несли в пользу казны такие же налоги и повинности, что и крестьяне центральных районов. Их положение, правда, несколько облегчалось тем, что не все крестьяне на новом месте сразу

¹ РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об, 6.

² Материалы... Ч. 1. № 30.

³ Там же. Ч. 1. № 132, 133; ПСЗ-1. Т. 7. № 4533.

становились тяглыми людьми из-за неполноты учета, особенно в XVII в. Это было известно и их соседям-башкирам. В 1696 г. во время спора из-за земли с Костромско-Богоявленским монастырем жители Байлярской волости Казанской дороги писали в своей челобитной, что из живущих на спорной земле 165 крестьянских дворов стрелецкий хлеб платят 15 дворов¹. Основной повинностью крестьян Зауральской Башкирии являлось выполнение десятинной пашни. В течение XVII в. размеры последней постепенно росли. В начале XVIII в. на 1 крестьянский двор приходилось около 1—1,5 десятины этой пашни. Кроме того, крестьяне выполняли «изделье» (переработка государева хлеба, содержание мельниц), поставку холста, пеньки, смолы и ямскую гоньбу. Десятинная пашня и остальные повинности 1 крестьянского двора в денежном выражении составляли по минимальному расчету 2 р. 65 коп. Здесь не учтены мирские расходы. Крестьяне страдали и от произвола приказчиков слобод². В 1724 г. русское трудовое население Башкирии, как и центральных районов, было обложено подушной податью.

Недовольные крестьяне по-разному протестовали против ухудшения своего положения: подавали челобитные, отказывались выполнять налоги и другие повинности, уходили дальше на восток.

Основной повинностью пришлого нерусского населения, т. е. бобылей и тептярей, являлся ясак, который платился с двора. По материалам 1 ревизии (1718 г.) из всех 3347 дворов бобылей 823 (24,5%) двора платили в казну по 2 куницы (т. е. в денежном выражении 80 коп.), 1399 (41%) — по 1 кунице (40 коп.). А 1125 (33%) дворов не платили в казну ничего. Из 183 тептярских дворов 153 (83%) вносили по 1 кунице с двора³. Таким образом, в XVII — начале XVIII вв. ясак в размере 40 коп. с двора являлся наиболее распространенной податью тептяро-бобыльского населения. Это несколько больше по сравнению с башкирским ясаком. Но если иметь в виду, что выше одной трети бобыльских дворов не платили в пользу казны ничего и они скорее всего помогали ясашным бобылям в уплате этой подати, то фактический размер бобыльско-тептярского ясака при-

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 56.

² Шунков В. И. Указ. соч. С. 174—205; Устюгов Н. В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

³ Демидова Н. Ф. Управление Башкирией... С. 219.

мерно соответствовал башкирскому ясаку. Притом, безьясашных бобылей и тептярей в XVII — начале XVIII вв. было больше указанной выше цифры.

Платящие ясак бобыли и тептяри давали в казну еще по 4 коп. подымных и 5 коп. ямских денег с двора¹. Бобыли и тептяри, как и башкиры, платили косвенные налоги. С конца XVII в. бобыли и тептяри стали привлекаться к выполнению некоторых трудовых повинностей. В челобитной от 1700 г. бобыли и тептяри Осинской и Сибирской дорог жаловались, что они работали на Камышинке «на слезном деле» в течение 3-х лет, поставляли бревна на казенные постройки в Уфе; весной и осенью «починывали Уршакскую, Шугуровскую и иные казенные мельницы, выполняли» всякие изделия «в Соловарном городке»². Несмотря на эпизодический характер этих повинностей и к их выполнению привлекались, по видимому, не все бобыли и тептяри, они представляли обременительную повинность и вызывали недовольство. При общей оценке положения бобылей и тептярей необходимо также учесть, что они платили башкирам оброк за землю. Величина оброка, правда, была невелика — по 10 коп. с двора или несколько куниц с деревни³.

С каждым десятилетием власти полнее учитывали бобыльско-тептярское население и все большее их количество привлекали к несению податей и повинностей. Бобыли и тептяри, как и другие категории населения, страдали от произвола и злоупотреблений сборщиков ясака и других должностных лиц уфимской администрации. Все это вызывало недовольство трудовых масс бобылей и тептярей. В 1717 г. жаловались бобыли и тептяри разных деревень Ногайской и Сибирской дорог на то что, несмотря на обещание освободить от трудовой повинности за то, что они «в прошлом 1708 году к башкирской шатости не приставали, поимали башкирских языков», они по-прежнему выполняют названные повинности⁴. Однако власти, невзирая на недовольство масс, проводили линию на увеличение податей. При очередном пересмотре ясашного оклада в Башкирии в 1734 г. несколько увеличился ясак с бобылей и тептярей. Теперь они платили в среднем с двора по 85 коп.⁵

Таким образом, феодальное государство взимало с

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 821. Л. 331.

² Там же. Кн. 132. Л. 22—22 об.

³ Васильев С. М. Указ. соч. С. 133, 134.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 23—23 об.

⁵ Материалы... Т. 3. № 482.

трудового населения края различные подати, заставляло их нести множество повинностей. Ясак с башкир, тептярей, бобылей, подати с русских крестьян имели характер налога — ренты. Государство в отношении названных категорий населения выступало феодальным собственником и эксплуататором. В течение второй половины XVI — начале XVIII вв. неуклонно росла тяжесть податей и повинностей. Это происходило как по линии роста размеров податей, так и увеличения численности плательщиков за счет более полного их учета. Особенно интенсивный рост податей и повинностей приходится на первую половину XVIII в. Их тяжесть усугублялась систематическими злоупотреблениями представителей местной администрации. Всевозрастающие подати и повинности были очень обременительны, часто — непосильны, вызывали постоянное недовольство рядовых башкир, русских, татарских, чувашских, марийских и других крестьян, различные формы их протеста — от подачи челобитных до вооруженных восстаний.

§ 3. Политика правительства в области религии

Общеизвестна роль религии в средние века как одной из форм феодальной эксплуатации народных масс. В условиях многонациональной России христианство использовалось как орудие усиления национального гнета над нерусскими народами.

При вхождении башкир в состав Российского государства правительство дало обещание не преследовать их религию и обычаи. Во второй половине XVI — начале XVII в. оно на самом деле придерживалось этой линии. Во всяком случае нет сведений о насильственной христианизации башкир и другого мусульманского населения края. Правда, возникновение в конце XVI в. при поддержке властей первых монастырей настораживало мусульман. По примеру деятельности монастырей в соседнем Ср. Поволжье они представляли их роль в распространении христианства. Сохранились челобитные башкир, в которых они протестовали против строительства монастырей¹. Наличие в конце XVI — начале XVII в. в Уфе служилых людей из новокрещенных говорит о том,

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 137.

что были отдельные случаи крещения мусульман¹. Возможно, здесь мы встречаемся с добровольным принятием христианства.

С середины XVII в. власти стали принимать некоторые шаги для распространения христианства среди местного населения. Прежде всего они решили организационно укрепить христианскую церковь в Башкирии. Об этом свидетельствует постановление церковного Собора об определении в Уфу викарного епископа². Но оно по неизвестным причинам не было реализовано. Созванный по инициативе правительства в ноябре 1681 г., церковный Собор обосновал необходимость усиления борьбы в масштабах всей страны с «инаковерующими» и распространения христианства³. Практическое проведение этой линии началось раньше. В 1680 и 1681 гг. правительство с рядом указов обратилось к мусульманскому населению страны с призывом перейти в христианство. Воеводы на местах должны были «мура и татар и других иноверцев к крещению призывать» и регулярно извещать центр о ходе кампании. Указ от 16 мая 1681 г. открыто провозгласил принцип насильственной христианизации: за отказ креститься нерусские феодалы теряли свои земли, а рядовые массы превращались в крепостных⁴. Вслед за Средним Поволжьем власти начали готовиться к реализации положений указа и в Башкирии. 27 ноября 1681 г. принимается решение о создании в Уфе самостоятельной епархии во главе с епископом⁵.

Курс правительства на христианизацию мусульманского населения стал известен башкирам. К ним приходили и вести о насильственном крещении населения Ср. Поволжья, о волнениях среди него в связи с этим. В своих йыйынах (съездах) в первой половине 1681 г. башкиры говорили, что у них «вести недобрые и худые... воруют горная сторона, новокрещены неволю де крещены». Башкиры послали своего человека «в город на Уфу проводить»⁶. Убедившись в основательности своих опасений, башкиры взяли в руки оружие. Так началось движение 1681—1684 гг. в Башкирии. В обстановке восста-

¹ Текст «Отводной книги по Уфе» (1591) 92—1629 гг. / С. 263, 266.

² Златоверховников И. Уфимская епархия. Уфа, 1899. С. 44.

³ Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842, № 75. С. 109.

⁴ ПСЗ-1. Т. 2. № 823; Дополнения к Актам Историческим. Т. 8. № 89. С. 310.

⁵ ЛОИИ. Ф. 28. Карт. 29. № 7; ПСЗ-1. Т. 2. № 898.

⁶ ЛОИИ. Ф. 28. Карт. 29. № 7.

ния правительство вынуждено было на время отказаться от своих намерений относительно христианизации башкир и другого мусульманского населения края.

В начале XVIII в. царизм вновь взялся за старое. Но, видя, что открытое требование перейти в христианство вызывает сопротивление, правительство решило действовать обходными путями. В 1704 г. оно потребовало от башкир строить мечети по образцу христианских церквей, а религиозные обряды приблизить к христианским. При совершении богослужения наряду с муллой должен был присутствовать христианский священник. Наложение налогов на верующих за каждое посещение мечети, обложение податью мусульманских служителей культа и мечетей — все это свидетельствовало о стремлении властей сдвинуть с точки планы христианизации населения края¹. Но этот маневр царизма был разгадан массами, которые категорически отказались принять предлагаемые религиозные новшества. Вскоре началось восстание, власти и на этот раз оставили планы активной христианизации башкир.

Таким образом, царское правительство не всегда соблюдало условия о невмешательстве в религиозные дела местного населения. Начиная с середины XVII в. оно неоднократно намеревалось христианизировать местное население, применяя то мирные, то насильственные средства. Однако реальные итоги христианизации мусульманского населения Башкирии были более скромными по сравнению с соседним Ср. Поволжьем, что объясняется относительной слабостью здесь позиций царизма, а также частыми восстаниями башкир. Тем не менее намерения правительства в этом направлении настораживали башкир и другие нерусские народы, вызывали их недовольство и служили одним из источников обострения общей обстановки в крае.

§ 4. Формы и методы управления Башкирией

Добровольное присоединение Башкирии к Российскому государству в известной мере влияло на формы и методы управления. В первой главе нами приведен материал, свидетельствующий о том, что во второй половине XVI — начале XVIII вв. у башкир существовало известное внутреннее самоуправление, в это время местная царская ад-

¹ РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Материалы... Ч. 1. № 2.

министрация слабо вмешивалась во внутреннюю жизнь волостей, власть там принадлежала башкирским феодалам в лице старост, князей, тарханов, вообще «лучших» людей. Следует к этому добавить, что башкиры имели право обращаться с челобитной о своих нуждах непосредственно к главе государства — царю, и в описываемый период они не раз реализовывали свое право. Притом, обращения были небезрезультатными. Но, с другой стороны, не следует преувеличивать роль и значение самоуправления башкир. Оно носило относительный характер. Вся реальная власть над краем находилась в руках царских воевод, которые являлись и администраторами, и судьями, и военачальниками. Основные вопросы управления Башкирией решались правительством и уфимскими властями без всякого согласования с коренными жителями. Их даже не ставили в известность тогда, когда в крае основывали крепости, города, заводы, «испомещали» дворян и других служилых людей. Подобные методы управления вызвали недовольство, часто неповиновение и сопротивление. В 1704 г. выборные представители башкир, узнав от прибыльчиков Жихарева и Дохова о наложении на них новых налогов, о переходе части их рыбных ловель в ведение казны, о переписи населения, усомнились в подлинности прочитанной им грамоты и отказались выполнять эти требования. Тогда казанские и уфимские власти вместо разъяснения положений царской грамоты ввели в Мензелинск и другие закамские крепости дополнительные войска и потребовали от башкир подтвердить свою покорность отдачей заложников в Казань от всех 4-х «дорог». Получив отказ, власти направили в центр Башкирии состоящую из 6 полков карательную экспедицию во главе с комиссаром, А. Сергеевым. Последний, желая запугать башкир, начал жестокую расправу с ними. В ответ башкирские массы взялись за оружие. Описанный случай не являлся отдельным исключением в деятельности местной администрации. Подобная картина по существу повторилась позднее в 1735 г. Несколько сот башкир, обеспокоенных приездом И. К. Кирилова со значительным войском в Уфу, собрались и направили своих выборных людей к уфимским властям за разъяснениями. Эти действия башкир были сочтены последними за неповиновение и бунт, и послов жестоко наказали. После этого вооруженное выступление масс стало неизбежным. Так местные власти своим нетактичным поведением ускорили взрыв массового недовольства и начало нескольких восстаний — движений 1704—1711 и 1735—1740 гг.

Основной опорой царских воевод по управлению Башкирией были уфимские дворяне, дети боярские и гарнизоны крепостей. Как видно, в течение XVII — начале XVIII вв. постепенно и неуклонно укреплялось русское дворянство в крае, увеличивалось количество крепостей и острогов, численность их гарнизонов. Кроме них, в необходимых случаях власти в этом смысле использовали монастыри, заводы, дворцовые села и деревни, слободы, расположенные в Башкирии. Названные поселения по существу были укрепленными пунктами, имели значительное вооружение.

Власти широко использовали такие формы и методы управления, как «разделяй и властвуй», натравливание одного народа на другой. Эта форма систематически применялась во время подавления восстаний. Например, в 1708 г. правительство обратилось со специальной грамотой к русскому населению края, чтобы оно, организовав отряды «вольницы», выступило против повстанцев, разрешая за это захват имущества, скота и пленных как добычу. На башкир оно натравило и калмыков, обещая, кроме имущества восставших, особое царское жалование¹. В еще больших масштабах принцип «разделяй и властвуй» применялся царизмом позднее.

Серьезное недовольство у местного населения вызывало существование института заложников (аманатство). Обеспечить спокойствие в крае власти пытались и тем, что от каждой «дороги» брали определенное количество жителей, преимущественно из богатых и влиятельных семей, в качестве заложников (аманатов) и держали в аманатских дворах, которые были по существу тюрьмами. Известно, что во второй половине XVII — начале XVIII вв. башкирские аманаты содержались в Уфе, Казани, Мензелинске, Бирске, Каракулино и других крепостях². Точная численность аманатов неизвестна. Так, после восстания 1662—1664 гг. башкиры вынуждены были дать по 12 человек с каждой «дороги», 2 аманатов — с Ицких (Тамьянской и Кипчакской) волостей. В 1708 г. в Уфе и Бирске было 50 аманатов из башкир и других нерусских народов³. Условия содержания аманатов были тяжелые: их плохо кормили, заставляли работать на воевод и приказных людей. Некоторые из них умирали от голода, болезней и же-

¹ РГАДА. Ф. 119. Карт. 28. Д. 1 Л. 1; Булавинское восстание. М., 1955. № 199.

² Демидова Н. Ф. Управление Башкирией... С. 232—233; РГАДА Ф. 248. Кн. 1131. Л. 103; ЛОИИ. Ф. 75, Т. 3, № 44.

³ Материалы... Ч. 1. № 60. С. 192; ПСЗ-1. Т. 8. № 5334.

стокого обращения. Если начиналось восстание, то власти иногда расправлялись с аманатами. Например, в 1662 г. башкирских аманатов «...на Уфе и на дороге перевешали»¹. Все это делало аманатство тяжелой повинностью, и башкиры неоднократно добивались его отмены². Но правительство не вняло просьбам, и аманатство просуществовало до середины XVIII в.

Особо следует сказать о злоупотреблениях воевод и приказной администрации в управлении и суде, что вызывало постоянные жалобы населения. При изложении налоговой политики правительства приведено множество фактов произвола и насилий со стороны администрации и служилых людей. Их можно дополнить. Так, в своей челобитной от 1706 г. башкиры жаловались на насилия и вымогательства комиссара Сергеева, его помощников-казанских дворян братьев С. и Л. Аристовых, Пальчикова и других. В 1721—1722 гг. по этому делу было расследование, которое раскрыло вопиющее нарушение законов и факты прямого насилия. Следствие тянулось долго. Но сведений о завершении дела обнаружить не удалось. Известно только, что А. Сергеев в 1726 г. находился в тюрьме³.

Имевшие место нередкие случаи досрочного смещения с постов уфимских воевод также подтверждают вывод о том, что произвол и насилие были постоянными спутниками в деятельности царских властей в Башкирии. Так, правительство вынуждено было снять с воеводских постов в 1664 г. князя А. М. Волконского, в 1682 г. — князя А. Коркодинова, в 1708 г. — казанского дворянина Л. Аристова.

Башкирские челобитные и отдельные мероприятия центральной власти по обузданию зарвавшихся представителей Уфимской администрации в XVII в. мало меняли положение. Произвол, насилие, взяточничество процветали в Башкирии и в начале XVIII в. Население по-прежнему жаловалось на злодеяния своих правителей. Так, в 1728 г. башкиры жаловались на воеводу князя Шаховского и его помощников ассессоров Тюменева и Лихачева. Когда недовольные пытались по поводу этих беспорядков обратиться с жалобой в Москву, то воевода запретил им ехать туда. Ни к каким результатам не привели попытки баш-

¹ Материалы... Ч. 1. № 48.

² Там же. Ч. 1. № 45, 46, 23; РГАДА. Ф. 1173. Д. 774.

³ Там же. № 21. АВПР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 4. Л. 5—13; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 82. Л. 30—32. Кн. 84. Д. 91.

жир найти управу на Лихачева и уфимского фискала Ершова и казанского губернатора Зотова¹.

Данная характеристика беспорядков в управлении Башкирией подтверждается и высказываниями видных представителей царской администрации. Волокита и взяточничество уфимских властей удивили даже выдавшего виды обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, приехавшего в 1734 г. в край во главе Оренбургской экспедиции. Познакомившись с порядками в Уфе, он доносил в Кабинет: «Суд застал по здешнему народу весьма обидной»². Кирилову вторит уфимский вице-губернатор П. Д. Аксаков, который в своем «Кратком известии о народе башкирском», характеризуюя формы и методы управления краем, писал: «В город Уфу просить же приезжали (речь идет о башкирах — И. А.), по которым прошениями странности безчеловечные бывали лихоимствоенные с великим им отягощением, вина правых для одного только достатку ево, что есть с ково взять. А порядок приказной тогда бывшей и по самый приезд покойного стацкого советника Кирилова такой был, что нигде такова безпутства найти невозможно, крайне о том только тщались, чтоб наживать, а что до правосудия им и удовольствия б в пользу казенную касалось, того никогда думано не бывало»³.

Вряд ли можно дать более убийственную оценку деятельности уфимских властей.

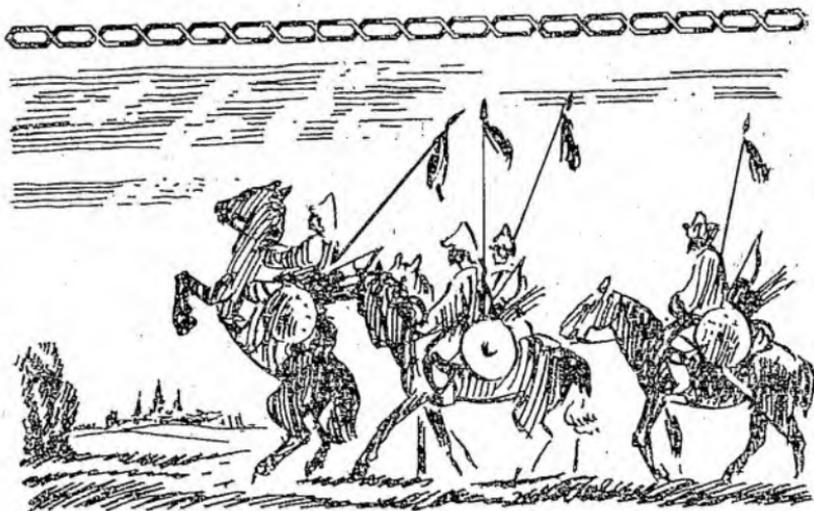
Итак, недовольство населения вызвало не только содержание политики царизма, но и формы ее проведения в жизнь. Произвол и насилие, взяточничество и вымогательства, допускаемые местными царскими властями, были не менее важной причиной недовольства трудового населения феодальным государством.

Таким образом, государство в изучаемое время проводило в Башкирии двойственную политику. С одной стороны, оно официально придерживалось основных условий присоединения. С другой стороны, оно с 30-х гг. XVII в. в своей политике стало допускать серьезные отклонения от провозглашенной линии. Захват земель, рост налогов, ограничения мусульманской религии, злоупотребления воевод Уфы — все это вызывало недовольство башкир и толкало их к восстаниям.

¹ Материалы... Ч. 1, № 22.

² Там же. Т. 3, № 548.

³ Там же. № 568.

Глава III

БОРЬБА БАШКИР ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ГНЕТА В XVII в.

§ 1. Начало вооруженной борьбы. Восстание 1662 — 1664 гг. — первое всебашкирское движение

В борьбе против усиления гнета башкиры использовали самые различные средства. Прежде всего они подавали челобитные. Достаточный материал об этом приведен выше. Башкиры жаловались на нарушение их земельных прав, на тяжесть налогов и повинностей, на произвол и насилия местной воеводской администрации.

Челобитные помогали не всегда. Поэтому часть населения переходила к более решительным формам борьбы. Западные и северо-западные башкиры, которые раньше других жителей края испытывали на себе наступление царизма, начали поддерживать движения соседних народов, направленные против властей. В 1572 и 1581 гг. они вместе с манси, мари и удмуртами участвовали в борьбе против экспансии купцов Строгановых, которые при поддержке русского правительства наступали на земли нерусских народов, в т. ч. башкир, на среднем течении р. Камы¹. Известно также участие башкир в восстании казанских та-

¹ Пермская летопись. Первый период. Пермь, 1881. С. 98; Чулошников А. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. С. 24.

тар, чуваш, мари и удмуртов в 1616 г. Повстанцы напали и осадили Казань и недавно построенные царские крепости на Каме — Сарапуль и Осу¹.

Более активной была роль башкир в движении под Мензелинском в 1645 г. На этот раз они оказались и инициаторами, и основной действующей силой. Это не случайно, ибо к этому времени изъятия башкирских земель под крепости и для раздачи дворянам и служилым людям стали заметным фактом. Кроме того, начиная с 30-х гг. феодальное государство повело более жесткую фискальную политику. В данной ситуации основание Мензелинска, нового военного пункта в крае, переполнило чашу терпения, и башкиры взялись за оружие. Сохранившийся материал позволяет лишь в самом общем плане обрисовать ход восстания. Повстанцы пытались уничтожить крепость, однако их атака была отражена. Организаторов выступления казнили².

Значительный материал об усилении захвата башкирских земель приведен в предыдущей главе. С конца 40-х гг. XVII в. земельный вопрос приобрел особую остроту в связи с еще одним обстоятельством. Вышедшие из Джунгарии массы кочевников-калмыков в конце XVI — начале XVII вв. достигли пределов России и расположились в Западной Сибири. Они затем постепенно продвинулись на юго-запад, и с 20-х гг. XVII в. стали серьезно претендовать на башкирские земли по рекам Яик, Орь, Илек, Киил, Сакмара, верховья Тобола³.

В борьбе за кочевья башкиры использовали различные средства. Прежде всего, они нападали на калмыков, изгоняли их со своих земель. Те не оставались в долгу. Эти столкновения за землю, за кочевья сопровождались взятием пленных и скота. Кроме того, башкиры обращались за помощью к властям, прося у них защиты от калмыков.

В возникшем споре царское правительство до конца 40-х гг. поддерживало башкир. Оно неоднократно запрещало калмыкам занимать «государевы» земли, башкирские вотчины в частности, добиваясь их оточевки обратно за Иртыш или в другие страны. Иногда организовывались совместные походы русских отрядов с башкирскими конниками против калмыков, как это было в 1643—1644 гг.

¹ Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882, с. 68, 69.

²Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С. 12; Новиков В. А. Указ. соч. С. 13.

³Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 49; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 81, 105.

Позже царизм занял колеблющуюся позицию. В 1648 г. он пошел навстречу калмыцким тайшам. Уфимский воевода объявил башкирам, чтобы они не нападали на калмыков, которые кочуют по Яику, Ори, Қиилу, Сакмаре и другим рекам. За нарушение этого запрета башкирам грозила смертная казнь. Выполнение данного распоряжения означало бы признание перехода значительной территории юго-восточной Башкирии в руки калмыков. Башкиры поэтому продолжали отстаивать свои земли вооруженной рукой. В этой обстановке правительство в 1649 г. вновь заявило калмыкам, чтобы они оставили пределы юго-восточной Башкирии¹.

В конце 50-х гг. XVII в. завершилось вхождение калмыков в состав России. Основной территорией, где кочевали калмыки, стали степи между Яицким городком и Волгой, а также правобережье Волги и Царицына до Астрахани. В левобережье Волги они также кочевали в степях южнее г. Самары и р. Самары. Последнее означало, что царское правительство санкционировало переход части башкирских земель в ведение калмыков. Подобная позиция царизма вызвала сильное недовольство у башкир, особенно у жителей Ногайской дороги.

Столкновения башкир с калмыками продолжались и после вхождения последних в состав России. Обе стороны по-прежнему жаловались друг на друга в угоне скота, захвате пленных.

Царскому правительству было важно закрепить новых подданных в составе государства. Кроме того, оно нуждалось в калмыцкой коннице в борьбе с Крымским ханством и его вассалами. Поэтому в начале 60-х гг. в спорах башкир с калмыками власти круто взяли сторону последних. Башкирам категорически запрещалось нападать на калмыков. Другими словами, их лишили права отстаивать свои кочевья. Вдобавок правительство решило удовлетворить претензии калмыцких тайшей в спорах с башкирами. Новый уфимский воевода Ф. И. Сомов получил специальное задание «про башкирцов сыскать всякими сыски накрепко», «башкирцов, пущих воров, велено казнить смертью, а иным учинить торговая казнь». Это решение было проведено в жизнь².

Итак, позиция царизма в споре башкир с калмыками

---

¹ Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 50; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 107.

² Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С.55.

способствовала среди них росту недоверия к политике правительства.

Усиленное изъятие башкирских земель под крепости, остроги, слободы и для раздачи дворянам и другим служилым людям, монастырям, купцам и остальным категориям населения, а также содействие царского правительства калмыцким феодалам в захвате кочевий в юго-западной Башкирии привели к массовому недовольству башкир и стали одной из важнейших причин нового вооруженного выступления. Земельный вопрос лежал в основе недовольства коренных жителей накануне восстания 1662—1664 гг. В переговорах с представителями местной администрации в ходе этого движения повстанцы жаловались на то, что служилые люди «...вотчинами их владели», что у них «...сердце болит о вотчинах»¹. В царских грамотах, обращенных к ним в ходе восстания, содержалось обещание, что «...в вотчинах их, в бортных угодьях и в лесах, и в водах никто владеть не станет, что всего от того уняты всяких чинов люди будут»².

Другую причину движения следует искать в росте фискального гнета в Башкирии, а также в произволе и насилиях царской администрации на местах. В обстановке своеобразного финансово-экономического кризиса, переживаемого Российским государством в конце 50-х—начале 60-х гг., и затяжной войны с Речью Посполитой и Крымским ханством, правительство усилило фискальный нажим на трудовое население страны. Правда, прямых данных об увеличении податей с башкир за эти годы не сохранилось. Но известно общее недовольство бременем налогов ясачного населения соседних с Башкирией районов, ропот и брожение в связи с этим среди манси, хантов, вятских, кунгурских татар и мари. Недовольны были тяжестью податей и башкиры. Некоторые из них в знак протеста бежали на окраины. Так, группа башкир, состоящая из 30 семей, ушла к калмыкам. Объясняя свое поведение, они говорили: «...с Уфы де они бежали, не стерпя налоги от ясачного збору»³. Обычным явлением были злоупотребления властью и прямые насилия со стороны воевод и их помощников. Неоднократно башкиры жаловались на произвол сборщиков ясака, подъячих, толмачей и служилых людей. Представители повстанцев осенью 1663 г.

¹ Материалы... Ч. 1. № 48. С. 171, 172.

² Там же. Ч. 1. № 60. С. 190.

³ Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 58, 59, 60.

обращали внимание на насилия уфимских служилых людей Н. Аничкова, И. Павлова, И. Кулакова, А. Приклонского, В. Киржацкого и других: «А будет де и впредь учнут жить на Уфе уфинские грацкие люди Микита Юрьев сын Аничков, Иван Павлов, Иван Кулаков и им де и впредь у них жить будет немочно». Конкретизируя свои претензии, башкиры говорили, что Аничков «...к ним во всяких делах привязывался», Павлов и Кулаков «...давали им в долги и насильством отнимали у них добрые кони, и иноходцы, и бобры; и всякую рухлядь и имали себе, и жен их и детей грабили». Большие злоупотребления в отношении башкир в начале 60-х гг. были допущены местной администрацией при изъятии калмыцких пленных и скота. При этом потерпевшие особенно жаловались на действия служилого человека А. Приклонского и толмача В. Киржацкого, по прозвищу Алабаца¹.

Недовольные башкиры использовали различные формы борьбы. Прежде всего они подавали челобитные. Однако по этим жалобам власти зачастую не предпринимали никаких мер. Так, после начала восстания 1662—1664 гг. выборные башкиры укоряли уфимского воеводу: «...били де челом государю они на многих людей, а не на одних на Андрея Приклонского и на Ваську Алабаша, и то де зделалось от бояр, челобитные их, которые их братья подавали на Москве, и те де их челобитные до великого государя те бояр не доносили, и им де по тем челобитным указу не учинено»².

Были случаи бегства на окраины, на кочевья соседних народов. Недовольные башкиры оставляли свои земли и пытались найти лучшую долю у соседних кочевников. Так, выше приведен факт о бегстве группы башкирских семей к калмыкам. Зауральские жители уходили во владения сибирских царевичей. В середине 30-х гг. XVII в. 59 семей оказались у царевича Аблая. Однако отъезд из Башкирии не улучшил положение беглых, ибо калмыцкие тайши и сибирские царевичи видели в них лишь объект грабежа и эксплуатации. Наученные горьким опытом, башкиры говорили, что если «...им отъехать в степь к калмыцким людям и их де калмыки всех похолопят и учнут держать в неволе»³. Не случайно уходившие к калмыкам и сибир-

¹ Материалы... Ч. 1. № 48. С. 171; Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 61.

² Материалы... Ч. 1. № 48. С. 171.

³ Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 64; Материалы... Ч. 1. № 41. С. 160.

ским царевичам долго там не задерживались и возвращались к себе в Башкирию. Многие из них вернулись туда во время восстания, и башкирские выходцы, как их называют русские источники, приняли самое активное участие в движении 1662—1664 гг.

Итак, в начале 60-х гг. оснований для недовольства коренных жителей было более чем достаточно. Линия царизма на систематическое изъятие земель, на безжалостное выколачивание ясака и других податей, произвол и насилие уфимских воевод и служилых людей вызвали возмущение башкирских масс. Жалобы, подаваемые ими, оставались без ответа. Тогда недовольное население вынуждено было обратиться к крайнему средству — вооруженной борьбе.

Восстание началось в пределах Зауральской Башкирии. Еще в декабре 1661 г. приказчик Катайского острога получил известие о том, что башкиры, убежавшие к сибирским царевичам и вновь вернувшиеся в пределы Башкирии, во главе с «лучшим» человеком Сары Мергенем «...хвалятца итти войной на Катайский острог и на Долматову пустыню во штистах»¹.

Военные действия начались во второй половине июля 1662 г. Отряд, состоящий из 600 человек башкир, мари и татар во главе с сыном Сары Мергеня, напал на Катайский острог и Долматов монастырь. Восставшие окружили их и сделали несколько приступов, но взять не сумели. Разорив окрестные деревни, повстанцы вернулись к озеру Иртяш, где оставались их семьи. К этому времени туда же прибыл Сары Мергеня и непосредственно возглавил восстание².

В первых числах августа восставшие вновь напали на сибирские остроги и слободы. Об их действиях приказчик Чубаровской слободы доносил в Туринск следующее: «В нынешнем во 170 году августа в розных числах на Исте реке воинские люди изменники башкирцы и черемиса и выезжия татары... Павлову пустыню и на Утке реке слободы и Катайский острог и Далматъев монастырь и на Пышме новую Ощепкову крепость и Невьянского монастыря на Пышме реке воевали, людей побили и скот отогнали и дворы выжгли... по смете тех воинских людей 2 тысячи человек. И во всех слободах ныне люди стонены, ожидают с часу на час приходу воинских людей». Приказ-

¹ Материалы... Ч. 1. № 40.

² Там же. № 42.

чик Ощепковой слободы также писал в Тюмень о том, что повстанцев: «...по смете тысячи з 2»¹.

Итак, в августе заметно расширился район борьбы. Она, кроме среднего течения р. Исеть, охватила и бассейны рр. Чусовой и Пышмы. Движение стало массовым.

11 августа восставшие заняли Мурзинскую слободу, «церковь божию и государевы анбары совсем сожгли, а крестьян на полях всех побили, а иных в полон взяли, деревни выжгли и скот отогнали».

Интересные показания дали на допросе пленные повстанцы Васька Илтюков и Ахматай: «...воевали де Мурзинскую слободу аятские вогуличи и башкирцы... башкирцы де и аятские вогуличи и пышминские и епачинского ясаку татары и верхотурского ясаку вогуличи все великим государем изменили, а хотят де после войною на Нейву и на Арамашеву и на все слободы, а повоевав де хотят отойти в поле к Сары Мергеню»².

Как и ожидалось, в сентябре движение не ослабло. В середине месяца восставшие напали на Белослудскую и Усть-Ирбитскую слободы и заняли их. 23 сентября они подошли к Ирбитской слободе. Но в это время против них выступил отряд, состоящий из 150 солдат и «охочих» людей. Воевода Туринска послал еще 150 человек. Под напором этих сил восставшие отошли³. В конце сентября наступило затишье.

Другим регионом борьбы стали южные районы и центр Кунгурского уезда. Во второй половине июля значительные силы восставших напали на крепости, монастыри и села. В конце месяца они осадили и приступом овладели г. Кунгуром. Восставшие заняли и разорили также Степановский острог, Воздвиженскую и Рождественскую пустыни, монастырские села и деревни на р. Сылва. Из крупных пунктов этого района уцелел только Спасский монастырь, где и укрылось окрестное население⁴.

В описанных событиях в Кунгурском уезде, наряду с башкирами Сибирской и Осинской дорог и кунгурскими та-

¹ Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884. С. 85, 691. Цифра 170 означает 7170 по старому летоисчислению от сотворения мира. До указа от 20 декабря 1699 г. о введении нового календаря все официальные документы писались по старому летоисчислению. Чтобы перевести документы со старого на новое летоисчисление, от старой даты следует вычесть 5508. В нашем случае: 7170—5508=1662 год.

² Там же. С. 687—689.

³ Там же. С. 695—699.

⁴ Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884. С. 679, 683, 688; Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 73.

тарами, участвовало «литовских людей человек с 50». Источники говорят об использовании в этом районе повстанцами пушек. Последние обслуживались, скорее, «литовскими людьми»¹.

Между повстанцами названных районов были, по-видимому, определенные связи. Еще до начала восстания люди Сары Мергеня побывали в северной Башкирии, призывая население подняться на борьбу. Кроме того, вряд ли было случайным, что движение в Зауральской Башкирии и Кунгурском уезде началось почти одновременно.

Какие же мероприятия были приняты властями для подавления восстания? Первыми в сражение с повстанцами вступили гарнизоны сибирских острогов и слобод. К осажденным острогам, слободам и монастырям спешили на помощь отряды из более крупных центров. Из Тюмени в район восстания были направлены ратные люди во главе с сыном воеводы Павловым и стрелецким головой Блудовым и рейтары под командой майора Сниттера. Но они не обнаружили повстанцев, ибо последние до их подхода ушли в глубь башкирских волостей. Другой отряд во главе с приказчиком Ницинской слободы в конце августа имел столкновение с восставшими в верховьях р. Ирбит². Осенью 1662 г. из Тобольска в поход выступила команда полковника Полуэктова, состоящая из 1 пехотного и 1 драгунского полков. Услышав о ее приближении, основная масса восставших оставила район сибирских слобод и отступила к Уральским горам. Но все же Полуэктов около озера Иртяш напал на часть повстанцев. В ходе боя двух повстанцев взяли в плен, «а иных изменников многих побили». Кроме того, каратели разорили окрестные башкирские деревни. После этого Полуэктов вернулся в сибирские слободы³.

Однако поход команды Полуэктова не привел к прекращению восстания. Правда, среди повстанцев наметился раскол. Часть из них во главе с Сары Мергенем стояла за продолжение борьбы. В частности, Сары Мергеня обратилась за помощью к калмыцкому тайше Тайчину. Но калмыки не поддержали зауральских башкир⁴. Некоторые же повстанцы во главе с Урасланбеком Бакиным стали склоняться к переговорам с властями. Узнав об этом, тобольский воевода направил к ним своих послов. Несколь-

¹ Пермская летопись. Третий период. С. 629—693.

² Там же. С. 693.

³ Материалы... Ч. 1. № 41, 42. С. 160, 162.

⁴ Там же. № 42. С. 163.

ко «лучших» башкир в свою очередь побывали в Тобольске. Переговоры шли до марта 1663 г., но реальных результатов они не дали. Дело не дошло до принесения повинной. Большинство жителей Зауралья вновь взяли за оружие.

Что касается кунгурских властей, то они вообще не сумели противостоять повстанцам. Поэтому подавлением восстания в северной Башкирии занялось само правительство. Один из казанских воевод стольник А. М. Языков во главе ратных сил был направлен в район восстания. Воевод ближних городов обязали срочно выделить военных людей в команду Языкова. Так, пермский воевода должен был направить туда 1104 даточных человека¹. Но как действовали эти силы, об этом нет данных. По-видимому, осенью 1662 г движение и здесь не было подавлено.

О ходе восстания в 1662 г. в пределах Казанской и Ногайской дорог сохранились лишь самые общие сведения. В грамоте уфимского воеводы стольника А. М. Волконского, обращенной к жителям Ицких волостей, так характеризуется это движение: «...в прошлом де во 170-м году от вас ото всех дорог башкирцов учинились измена и всякое воровство, Уфимской и Казанской уезды повоевали, церковь божии обругали и пожгли, и села, и деревни, и хлеб, и сена пожгли, и людей побили и в полон поймали». В другой своей грамоте воевода обвиняет башкир, что они «...к городу к Уфе приходили, многих людей в уездах и под городом побили и в полон поймали»². Известно также, что в это время восставшие заняли и разорили дворцовое село Архангельское на р. Бирь. После восстания на этом месте поставили новую крепость Бирск³. Но часть башкирских феодалов была против восстания. В нем, например, не участвовали тарханы Ногайской дороги братья Давлетбаевы, Казанской дороги — Карабаш Утеев с «товарыщи». Они помогали властям в борьбе с повстанцами.

Скучны материалы о предводителях восставших этих «дорог». По косвенным данным можно прийти к заключению, что во главе повстанцев, по-видимому, стояли Гаур Акбулатов и Улекей, по прозвищу Кривой, которые были выданы властям осенью 1662 г. названными выше

¹ Пермская летопись. Третий период. С. 702; ЛОИИ. Колл. 122. Соликамские акты. Т. 3. № 38.

² Материалы... Ч. I. № 51, 56. С. 175, 184.

³ НА БНЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 112, л. 96.

феодалами и казнены. Восставших ближних к Уфе волостей Сибирской дороги возглавил Азнагул Урускулов и Бекзян Туктамышев¹. Социальное положение всех этих предводителей неизвестно.

Для подавления восстания в распоряжении уфимских властей не было достаточных сил. Поэтому воевода Сомов в основном занимался уговором восставших. Но эти призывы не дали положительных результатов. Тогда правительство общее руководство борьбой с восстанием возложило на князя Ф. Ф. Волконского, одного из казанских воевод. Одновременно сменили уфимского воеводу. Им стал помощник Ф. Ф. Волконского стольник А. М. Волконский.

Командиры с войсками прибыли в Мензелинск, а затем направились в Уфу. Кроме этой военной демонстрации, они распространяли грамоты, в которых призывали восставших принести повинную. Первыми к командирам приехали те башкирские феодалы, которые хотя и не участвовали в борьбе, но решили еще раз выразить свою верность властям. Так поступил один из крупнейших феодалов Ногайской дороги тархан Ишмухамет Давлетбаев, который по призыву Ф. Ф. Волконского приехал в Мензелинск и сопровождал последнего в Уфу. Во время этого похода к князю пришла с повинной и часть повстанцев Казанской и Ногайской дорог. В Уфе первым делом воеводы казнили предводителей восстаний «Гоурка да Улейка Кривога с товарищи»².

Но не все повстанцы европейской Башкирии принесли повинную. Поэтому Волконские начали готовиться к карательной экспедиции. Поздней осенью 1662 г. они совершили поход из Уфы в западные волости Сибирской дороги и разорили кыр-кудейских, айских, балыкчинских башкир. Но поход не достиг цели: жители этих мест не пришли с повинной. Кроме того, князь Ф. Ф. Волконский потребовал с башкир аманатов. Последние вынуждены были дать властям в заложники 40 человек «добрых людей»³.

К борьбе с движением правительство вовлекло и воеводу Астрахани князя Г. С. Черкасского. Он в сентябре 1662 г. направил в Башкирию войско во главе с думным дворянином З. Ф. Левонтьевым. Одновременно от него к повстанцам отправились 2 астраханских татарина с при-

¹ Материалы... Ч. 1. № 44, 55, 57. С. 164—165, 184, 186.

² Там же. Ч. 1. № 44.

³ Там же. № 56, 60. С. 184—185.

звон принести повинную. В ноябре они добрались до Уфы и созвали 300 представителей волостей для переговоров. В итоге собравшиеся решили прекратить борьбу и составили челобитную на имя царя. В ней они говорили о причинах своего недовольства и восстания. В этой обстановке Черкасский отменил поход Левонтьева в Башкирию¹.

Итогом всех этих мероприятий властей в европейской Башкирии было то, что здесь несколько разрядилась обстановка. Одни повстанцы начали переговоры с властями и обратились к правительству с челобитной о своих нуждах. Но полного успокоения еще не было. Часть повстанцев отказывалась принести повинную и намеревалась продолжать движение.

Итак, мы рассмотрели ход восстания 1662 г. Оно охватило территорию всех 4-х «дорог». Начавшись летом, движение продолжалось до глубокой осени. Особенно интенсивно действовали восставшие в Зауральской, северной и северо-западной Башкирии. Это объясняется тем, что именно в этих районах с середины XVII в. шел усиленный процесс захвата башкирских земель, строились царские крепости, остроги, монастыри, слободы. Восставшие свой главный удар направили против названных опорных пунктов царизма и господствующих классов; в этом отношении они добились известных успехов.

Завершая характеристику хода восстания, необходимо особо сказать о формах и методах борьбы. Ознакомление с приведенным выше материалом может создать у читателей не совсем верное представление о том, что повстанцы расправлялись со всем русским населением подряд, уничтожая села, крепости и т. д. Этому способствуют в какой-то мере характер и направленность сохранившихся источников. О действиях восставших мы судим исключительно по документам, вышедшим из-под пера царских воевод, приказчиков, командиров карательных отрядов. Названные должностные лица не только организовывали подавление восстания, но в донесениях в вышестоящие органы власти односторонне освещали события, рисовали повстанцев исключительно в черных красках, объявляли их грабителями и убийцами всех русских людей. Они так характеризовали их между прочим и потому, что, представляя повстанцев врагами всех русских, снимали с себя долю ответственности перед центром за возникновение недовольства среди нерусских масс края

¹ Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 85—87.

за собственный произвол и насилия, которые сыграли определенную роль в возникновении восстаний. Читая приведенные выдержки из донесений властей, надо помнить эту особенность сохранившихся материалов.

На самом деле, восставшие свой главный удар направляли против крепостей и острогов, сражались с правительственными командами, в первую очередь расправлялись с дворянами и представителями местной администрации. Конечно, нельзя полностью отрицать разорение повстанцами и простых русских людей. Такие факты были, они объясняются целым рядом причин объективного и субъективного характера: политикой царизма «разделяй и властвуй», агитацией мусульманского и христианского духовенства, низким еще пока классовым сознанием как восставших, так и русских крестьян. Часть последних иногда служила орудием в руках властей против повстанцев. Однако, признавая некоторое осложнение отношений между трудовыми массами нерусского и русского населения края, факты взаимных разорений, нужно подчеркнуть, что подобных случаев на деле было гораздо меньше, чем это представляют каратели в своих донесениях. Сказанное следует учесть при ознакомлении с материалами и последующих восстаний.

Инициаторами и основной движущей силой восстания являлись широкие башкирские массы. Наряду с ними, некоторое участие в борьбе приняли трудящиеся мари, татары и манси (вогулы). Этот факт еще раз говорит о том, что народы Южного и Среднего Урала поднялись на восстание не по наущению своих феодалов, также не потому, что они, будучи мусульманами, не хотели терпеть власти христианских правителей, как об этом писали некоторые дворянские и буржуазные авторы, а потому, что объективно совокупность политики царизма и дворянства вызывала недовольство главным образом трудовых масс, независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

Борьбу масс поддержала часть «лучших» людей из башкир и другого населения. Некоторые же из них были в союзе с властями, помогали им в подавлении восстания.

Восстание 1662 г. возникло и развивалось как самостоятельное движение общинников башкир и других угнетенных масс края. Участие в нем сибирских царевичей и калмыцких тайшей на данном этапе по материалам не прослеживается.

Местных ратных сил оказалось недостаточно для по-

давления движения. Правительство вынуждено было принять целую серию мероприятий. Однако и эти усилия не привели к полному успокоению недовольных.

В 1663 г. восстание продолжается. Поведение жителей Сибирской и Осинской дорог в этой связи понятно: они не принесли повинную. Что касается башкир Казанской и Ногайской дорог, часть которых осенью 1662 г. принесла повинную, то их решение возобновить борьбу объясняется рядом обстоятельств. Они были сильно недовольны суровым подавлением восстания и казнью предводителей. Кроме того, обещания, данные властями, не были выполнены. Челобитная повстанцев, поданная после принесения повинной, осталась нерассмотренной. По-прежнему продолжались произвол и насилия уфимских властей и служилых людей¹.

Решая продолжить дело, восставшие старались найти союзников. Башкиры Сибирской дороги укрепляли прежние связи с нерусскими народами Зауралья. Кроме того, они установили контакт с царевичем Кучуком, правнуком Кучума. В описываемое время Башкирия на юго-востоке граничила с землями, где обитали потомки сибирского хана Кучума. Претендуя на земли бывшего Сибирского ханства, Кучумовичи искали только случая, чтобы организовать антирусские выступления. Следовательно, восстание в Башкирии с их точки зрения было как нельзя кстати. В движении 1662 г. они не приняли участия. Но, начиная с зимы 1662/63 г. один из них — царевич Кучук — находится среди башкир Сибирской дороги. Кучук появился в стане повстанцев после смерти их главного предводителя Сары Мергеня в начале 1663 г.².

Известно, что сибирские царевичи, в т. ч. и Кучук, не представляли серьезную силу в военном отношении. Зачем же тогда он был нужен повстанцам? Повстанцы пытались, по-видимому, использовать царевича как фигуру, вокруг которой можно было объединить нерусские массы Зауралья. Не случайно они параллельно вели переговоры с калмыками, чтобы получить более существенную помощь.

Искали союзников и жители Казанской и Ногайской дорог. Они установили связи с калмыцкими тайшами Дайчином и Аюкой³.

¹ Материалы... Ч. 1. № 44, 46, 48.

² Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 82.

³ Материалы... Ч. 1. № 56, 43.

Активные действия возобновились весной 1663 г. Вновь первыми выступили жители Сибирской и Осинской дорог. Последние, действуя вместе, нападали на крепости, села и деревни Уфимского и Соликамского уездов. К ним присоединились манси, жившие по р. Чусовая и группа русских людей из Верхотурья. Верхотурский стрелец Иван Громыхалов привозил повстанцам «зелье и свинец» из города, «покупая из рядов». Другие русские люди Иван Аникиев «с товарищи», по словам кунгурского воеводы, участвовали в подготовке восстания¹.

Восставших европейской части Сибирской дороги возглавляли айские башкиры Азнагул Урускулов и Бекзян Токтамышев, зауральских волостей — Урасланбек Баккин.

Летом 1663 г. борьба развернулась на широких просторах Зауралья. Во второй половине июня восставшие заняли ряд сел и деревень по р. Режь, затем напали на Арамашевскую слободу. Здесь повстанцев, по свидетельству очевидцев, было «с тысячу и больше». Против них выступила команда рейтар и солдат во главе с майором Сниттером, капитаном Галасейкиным, а также пашенные крестьяне, возглавляемые строителем Невьянского монастыря. Но в 3-х верстах от слободы они были окружены восставшими. 3 июля повстанцы напали на Невьянский острог. В этой обстановке в район восстания тобольские власти направили сильную команду полковника Полуэктова. Узнав о приближении этой команды, восставшие сняли осаду с острога и отряда Сниттера и отступили в степь².

Местные власти были серьезно встревожены размахом восстания. Они опасались нападения повстанцев на центры уездов. В середине июля тобольский воевода в помощь к действующим карательным отрядам направил новые силы «государевых ратных людей, рейтар, солдат и служилых татар... с полуполковником с Василием Бланком»³.

Осенью основной ареной восстания стали окрестности озера Ирбит и бассейн р. Ирбит. Восставшие в начале октября напали на Киргинскую, Ирбитскую и Усть-Ирбитскую слободы, на окрестные села и деревни. На выручку этих слобод выступила команда Полуэктова. Но восставшие нанесли ей серьезное поражение. В состоя-

¹ Пермская летопись. Третий период. С. 699, 700, 701.

² Там же.

³ Там же. С. 702.

щемся сражении полковник Полуэктов, другие начальные люди, рейтары и солдаты многие были ранены, а «человек с 30 и больши рейтар и солдат убиты»¹. После этого боя восставшие продолжали действовать в данном районе.

Борьбой с выступлениями жителей западных волостей Сибирской дороги занимался уфимский воевода. В конце октября 1663 г. он обратился к ним с призывом прекратить борьбу. Обращение оказалось безрезультатным. Тогда из Уфы в те районы была направлена военная команда. Каратели, по словам воеводы, «разорили и побили многих до сущих младенцев и на Уфу иной полон многой привезли»².

Видя, что восстание не прекращается, тобольский воевода решил организовать карательную экспедицию в башкирские волости ранней весной. Крупное войско под командой полковника Полуэктова с середины марта до середины мая 1664 г. громило башкирские аулы, расправлялось с жителями, уничтожало их скот и имущество. Около озера Чарги, в частности, каратели разгромили аул Урусланбека Баккина, одного из предводителей восстания, убили его самого и членов его семьи. Ничего не сделали для организации отпора сибирские царевичи. Царевич Кучук в это время имел под рукой отряд из 300 человек. Рядом кочевали его братья Чучалей и Асан со своими людьми. Услышав о походе Полуэктова, они вместо сопротивления бежали в верховья р. Яик³.

Эта карательная экспедиция оказалась серьезным ударом по повстанцам. Тем не менее она не достигла своих целей. Восставшие не покорились, и движение в 1664 г. возобновилось. Правда, оно началось летом, несколько позже, чем в предыдущие годы.

В июне начались нападения небольших групп повстанцев на села и деревни сибирских слобод. В июле восставшие башкиры, манси и сибирские татары действовали в бассейне р. Нейвы. Они разорили Невьянскую крепость, взяли Невьянский монастырь. Есть также сведения об их нападении на Краснопольскую и Мурзинскую слободы. В этих акциях прослеживается участие царевича Асана со своими людьми. Попытка рейтар и солдат под командой полковника Бланка отразить восставших не увенчалась успехом. В середине сентября

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 6. № 443. Л. 204 об.

² Материалы... Ч. 1. № 56.

³ Устюгов В. Н. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 105.

повстанческие отряды появились на среднем течении р. Исеть. Они напали на Беляковскую крепость, заняли окрестные села и деревни. Затем они окружили Мехонский острог и сделали несколько приступов. В помощь осажденным спешила команда Полуэктова. Восставшие отступили за р. Исеть¹.

Этим завершаются активные действия восставших в Зауральской Башкирии. В октябре 1664 г. здесь наступило спокойствие.

О том, что происходило далее в стане повстанцев, нет определенных материалов. По косвенным данным можно заключить, что между башкирами и царевичем, по-видимому, произошел разрыв. Последний с своими немногочисленными людьми оставил пределы Башкирии. Повстанцы же приняли предложение тобольского воеводы о переговорах. Зимой или весной 1665 г. их люди побывали в Тобольске, что означало прекращение борьбы².

О ходе восстания в европейской Башкирии сохранились только общие материалы. Известно, что оно началось весной 1663 г. К нему примкнули и те башкирские феодалы во главе с тарханом Ишмухаметом Давлетбаевым, которые в 1662 г. были на стороне властей. Кроме того, восставших башкир поддержали калмыки.

Одним из районов борьбы являлись окрестности Мензелинска и закамских крепостей. Движение развернулось и в центре Башкирии, вблизи Уфы. Очевидец событий рассказал об этом следующее: «...а на айские де люди и башкирцы с Ишмаметом Давлетбаевым с товарищи, собрався с калмыцкими людьми Мунчака тайши пошли под Уфой». Источники свидетельствуют о том, что временами повстанцы Казанской и Ногайской дорог действовали вместе. Так, осенью 1663 г. часть восставших Казанской дороги находилась в Ногайской дороге.

Иногда восставшие шли еще дальше, пытаясь организовать совместные операции всех 4-х «дорог». На осень 1663 г. было задумано подобное выступление. Повстанцы Зауралья во главе с Кучуком в первой половине ноября должны были приехать в район среднего течения р. Белой, вблизи болота Кочевань и соединиться с башкирами Ногайской и Казанской дорог. Отсюда восставшие намеревались направиться под г. Уфу. Они задумали предъявить уфимскому воеводе своеобразный

¹ Материалы... Ч. 1. № 61; Пермская летопись. Третий период. С. 781.

² Там же. № 64, 65.

ультиматум. В случае непринятия их требований повстанцы хотели начать действия по захвату города. Однако по неизвестным причинам зауральские башкиры в условленное место не приехали и тем самым сорвали задуманное. Прождав их несколько дней, повстанцы Ногайской дороги решили начать переговоры с воеводой, тем более, что как раз в это время к ним приехали представители последнего. Уфимский воевода обещал прощение за участие в восстании и различные уступки.

Переговоры продолжались около месяца. В итоге ногайские башкиры прекратили борьбу и обратились в Москву с челобитной о прощении. Челобитную туда повезли в сопровождении людей воеводы выборные башкиры Динмухамет Юлаев и Актай Досмухаметов¹.

Согласие восставших Ногайской дороги на переговоры было серьезным успехом властей. Оно стало возможным из-за ряда причин. Прежде всего на руку властям сыграл срыв Кучуком объединенного похода на г. Уфу. Не могла не сказаться также склонность верхушки повстанцев во главе с тарханами братьями Давлетбаевыми к компромиссу с властями. Не случайно уфимский воевода старался вести переговоры именно через них. 1 марта 1664 г. он обратился к Ишмухамету специально с похвальной грамотой. Наконец, определенную роль могли сыграть противоречия ногайских башкир с калмыками. Правда, последние в 1663 г. стали союзниками повстанцев. Но и в этих условиях не прекращались ссоры между ними, имели место столкновения. Повстанцы Ногайской дороги довольно быстро разочаровались в калмыках как в союзниках.

В Москве башкирские послы были приняты царем Алексеем Михайловичем. В конце февраля 1664 г. они с царской жалованной грамотой вернулись в Башкирию².

Итак, на территории Ногайской дороги наступило спокойствие.

В Казанской же дороге восстание продолжалось. В конце октября — начале ноября 1663 г. крупные силы повстанцев находились в 4-х днях езды от Мензелинска. Наряду с башкирами, здесь были и калмыки. Во второй половине ноября восставшие вели активные операции в этом районе. Уфимский воевода в своем обращении к повстанцам Казанской дороги так характеризовал ход борьбы: «...ваша братья молодые люди воруют, под Мен-

---

¹ Материалы... Ч. 1. № 46, 44, 45.

² Там же. № 55.

зелинск и в Казанский же уезд и иные места изгоном приходят, и людей побивают, и в полон емлют, и всякое воровство делают». Здесь для нас важно подчеркивание активности именно рядовых башкир («молодые люди»). Из предводителей можно назвать Атыгеша Токалова, Килея Таникеева, Менена Сартова, которые представляли различные волости Казанской дороги¹. Об их социальном положении нет определенных сведений.

Власти опасались перенесения восстания на западную сторону р. Камы. 22 ноября казанский воевода князь Куракин направил дворянина Аристова с отрядом на Каму с задачей: «...стоять против изменников башкирцов и калмыцких и ногайских воинских людей... и воинских людей через Каму реку в Казанский уезд не перепустить»².

Власти неоднократно обращались к повстанцам Казанской дороги с призывами прекратить восстание и начать переговоры. Но эти призывы пока оставались безрезультатными.

Нет сведений о том, когда жители этого района прекратили борьбу и начали переговоры. Во всяком случае весной 1664 г. они еще не прислали своих представителей в Уфу. Возможно, это произошло во второй половине 1664 г.

Восставшие добились от правительства удовлетворения ряда своих требований. В ходе переговоров повстанцы неоднократно жаловались на насилия уфимского воеводы, и царское правительство сняло с поста уфимского воеводу А. М. Волконского. Воеводой стал стольник Ф. И. Сомов. Еще более существенной была уступка по земельному вопросу. Правительство официально подтвердило вотчинное право башкир на их земли. Новый воевода должен был, кроме того, рассмотреть конкретные жалобы башкир по этому вопросу и удовлетворить их претензии. Правительство также обещало покончить с злоупотреблениями при сборе ясака³.

С некоторыми перерывами восстание продолжалось с 1662 по 1664 г. Кстати, дата окончания борьбы несколько условна, ибо, хотя активные действия восставших завершились осенью 1664 г., переговоры и окончательное

¹ Пермская летопись. Третий период. С. 770; Материалы... Ч. 1. № 51.

² Пермская летопись. Третий период, С. 770.

³ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 105—107.

успокоение повстанцев, по-видимому, приходится на первую половину 1665 г.

Восстание охватило всю Башкирию и развернулось на обширной территории от среднего течения р. Исеть до р. Камы, от верховьев Яика до бассейна рр. Ирбит и Чусовая. Основные действия повстанцев происходили на территории восточной, северной и северо-западной Башкирии, именно там, где шел массовый захват земель, строились крепости, остроги, монастыри, дворцовые слободы. Главную силу восстания составили башкирские массы. В борьбе также участвовали рядовые мари, татары, манси. В отдельные периоды повстанцев поддерживали русские и «литовские люди». Среди башкирских феодалов произошел раскол. Одни из них участвовали в восстании, другие оказались на стороне властей. Состояние источников не позволяет определенно говорить о социальном положении предводителей борьбы. Большинство из них было, по-видимому, из башкирских феодалов или феодализирующейся верхушки общинников. Некоторое участие в восстании приняли калмыки и сибирские царевичи. Если последние в известной мере использовались для объединения повстанцев, то первые несколько помогли башкирам вести боевые операции. Однако и те и другие не играли особо заметной роли в восстании, и соответственно их участие не привело к изменению характера движения. Материалов, свидетельствующих об отказе башкирских повстанцев от Российского подданства и принятия подданства калмыцких тайшей или сибирских царевичей, нет.

Правда, выше приведены факты о связях башкир со своими соседями-калмыками и кучумовичами до и во время восстания. В течение первой половины XVII в. башкиры часто сражались с калмыками, отстаивая свои земли. Эти осложнения перемежались с мирными отношениями. Примерно такие же отношения установились у башкир с сибирскими татарами. В ходе восстания башкиры, нуждаясь в помощи, искали союзников и обратились к калмыкам и кучумовичам. Башкиры начали восстание сами и действовали в 1662 г. самостоятельно. Калмыки и кучумовичи, недовольные Русским государством, поддержали их лишь в 1663 г. и эпизодически — в 1664 г. Исходя из этих данных, Н. В. Устюгов в своем исследовании «Башкирское восстание 1662—1664 гг.» писал, что башкиры «отказались от московского подданства и нашли себе новых союзников: калмыцких тайшей и сибирских царевичей-Кучумовичей» (с. 108); а в «Очер-

ках по истории Башкирской АССР» счел возможным утверждать, что башкирские феодалы имели программу отрыва башкир от Русского государства и подчинения их калмыцким тайшам или царевичам-Кучумовичам (с. 116). По нашему мнению, имеющиеся материалы не являются основанием для подобных категорических выводов. На деле налицо, по-видимому, временное совпадение интересов случайных союзников.

Основным содержанием борьбы было нападение и уничтожение крепостей, острогов, слобод, монастырей, опорных пунктов государства и господствующих классов в крае, сражения с царскими командами, расправа с представителями администрации и господствующих классов. Но восставшие не всегда различали истинных врагов от возможных союзников, и от их действий иногда страдали и простые русские люди. Не оправдывая эти неверные шаги повстанцев, необходимо сказать, что они объясняются историческими условиями, в которых боролись башкирские массы.

Царское правительство при подавлении восстания использовало и мирные, и военные средства, но осуществить военный разгром движения оно не сумело. Массовый характер борьбы, упорство повстанцев, недостаточно прочные позиции правительства в Башкирии — все это объясняет решение правительства пойти на существенные уступки восставшему народу.

Восстание не было направлено против русского народа, не являлось выступлением за отрыв Башкирии от России, а представляло собой вооруженный протест против угнетательской политики русского государства и дворянства, местной царской администрации.

Восстание 1662—1664 гг. в основе своей было широким движением рядовых общинников башкир с участием части их феодалов, направленным против усиления феодального гнета, следовательно, социальным и национальным движением угнетенных масс.

§ 2. Восстание 1681—1684 гг.

Как показано выше, в ходе борьбы с движением 1662—1664 гг. власти обещали повстанцам серьезные уступки. Однако после прекращения восстания обещания выполнялись непоследовательно, что не способствовало окончательному успокоению масс. Примерно с середины 70-х гг. власти повели здесь по существу прежнюю по-

литику. Поэтому наиболее непримиримые повстанцы так и не принесли повинную. Они отступили в недоступные для правительственных команд районы. Иногда они объединялись с враждебными Российскому государству силами. Летом 1667 г. значительный отряд татар, калмыков и башкир, появился в окрестностях г. Тюмени. В том же году другой отряд башкир действовал на юго-западной окраине Башкирии, в районе рек Илек и Кондурча. В 1668 г. уфимскому воеводе пришлось направить туда команду уфимских дворян и казаков¹.

Примерно с середины 70-х гг. XVII в. брожение охватило более значительные массы населения. Источники сообщают нам о состоявшихся в ряде мест сборах и совещаниях башкир. В 1675 г. кунгурский воевода получил сведения о том, что осенью 1674 г. «у башкир верх Аю реки был скоп, чтоб Кунгур воровать». В 1675 г. приказчики нескольких слобод доносили в Кунгур о частых приездах башкир к манси Чусовской слободы и опасались, как бы те не напали на слободы. В мае 1676 г. из Заинска сообщили в Казань о том, что в Кинеле видели «...многих воинских людей, и идут де к Закамской черте». В декабре 1678 г. приказчик Аятской слободы, побывавший в одной из татарских деревень Кунгурского уезда, слышал речи приезжих башкир, которые говорили, что «...летом будут воевать Кунгур и сибирские слободы... татары и башкиры все лошади кормят, луки и стрелы делают»².

Итак, в конце 60—70-х гг. XVII в. обстановка в Башкирии была достаточно напряженной. Кстати, не без некоторого основания дореволюционные авторы писали о волнениях и восстаниях в крае в это время³. В этих условиях любая нежелательная акция со стороны царизма могла стать поводом для развертывания массовой борьбы.

В начале 80-х гг. правительство приняло ряд мероприятий с целью ускорения христианизации мусульманского населения Ср. Поволжья и Приуралья. Соответствующий материал приведен во второй главе книги. В ответ башкиры вновь взяли за оружие.

¹ ДАИ, Т. 5. СПб., 1853. № 49; Новиков В. А. Указ. соч. С. 198.

² ЛОИИ, Ф. 75. Т. 3. № 46; Пермская летопись. Третий период. С. 1080—1081; АИ, ТБ. № 40.

³ Попов Н. Указ. соч. С. 163—164; Новиков В. А. Указ. соч. с. 57—59; Фирсов Н. А. Положение инородцев в Московском государстве // Ученые записки импер. Казан. ун-та. 1866. Т. 11. Казань, 1866. С. 259—260; Дмитриев А. Указ. соч. С. 80—83.

Состояние источников позволяет лишь в самых общих чертах обрисовать начало восстания. Примерно с мая 1681 г. в ряде мест Башкирии прослеживаются йыйыны (советы), где, по-видимому, обсуждались различные вопросы начавшегося движения. Жители волостей объединились в отряды, повстанцы различных «дорог» устанавливали между собой связи. В этом плане сохранились конкретные факты относительно Ногайской и Сибирской дорог. В конце июня — начале июля башкиры Сибирской дороги направились в пределы Ногайской дороги, чему предшествовал приезд в Зауралье гонцов ногайских башкир. Повстанцы этих «дорог» объединились и в конце июля — начале августа 1681 г. начали свое выступление в европейской Башкирии¹.

Массовая борьба началась ранней весной 1682 г. В начале апреля отряды восставших обрушились на закамские крепости. Сохранились донесения местных властей в Москву от апреля, в которых говорится: «...про приходу изменников башкирцев на Закамскому черту и в иные уфинские места». В середине мая повстанцы начали свои действия в центре края. Их отряды появились в окрестностях Уфы. Принадлежавшие уфимским дворянам села и деревни вокруг города, в т. ч. Кр. Яр, Ловашное и др., были заняты восставшими².

Смело действовали повстанцы-подговорщики, которые проникали в еще не охваченные движением районы и поднимали население к борьбе. Многие из них попадали в руки властей и умирали от жестоких пыток. В частности, около дворцового села Каракулино был пойман и отправлен в Уфу на расправу «...подговорщик абыз Илметайка, который был от вора Сеит Сафирка подговаривать казанского и уфимского уезду всех свою братью к измене»³.

Бои развернулись по всей территории Башкирии. Уфа оказалась в осаде и подверглась неоднократным приступам повстанцев. Побывавшие в конце июня 1682 г. крестьяне Чусовской слободы привезли такие вести: «...Уфинской город в осаде от мордвы, черемис и башкирцов и многое время к Уфе приступают, а тех де воинских людей 30 тысяч, а казанские пригороды повоевали 7 пригородов. Да на Каме стоит тех же башкир,

¹ ЛОИИ. Ф. 28. № 14.

² ЛОИИ. Колл. 122. Т. 5. № 4; НА БНЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 74.

³ Там же. Д. 112. Л. 152.

а сколько их, того не ведают... куют башкирцы копыа и железницы во всяком улусе по 4 и 5 тысяч... шатость будет великая и война будет большая»¹. Необходимо критически отнестись к этим сведениям. Например, цифры о численности повстанцев под Уфой, по-видимому, заметно преувеличены. Но ценность их заключается в том, что они верно передают общую картину событий, в частности, массовый характер движения в крае.

Севернее закамских крепостей восставшие подошли к самой р. Каме. Запылали монастыри и церкви, помещичьи и дворцовые села, основанные на башкирских землях. Они заняли село Пьяный Бор, сожгли церковь и увезли с собой церковные принадлежности (утварь, евангелие, кресты, колокола). Борьба шла также за Камой, в пределах Енейской волости. Восставшие напали на дворцовое село Каракулино и осадили его².

Районом интенсивного движения являлась Осинская дорога. Основной удар был направлен на Кунгур. В источниках так рисуется положение: «Кунгур де город в осаде от мордвы, и от башкирцев и татар. Кунгурские де крестьяне все в городе, а у Строгановых на Сылве Кишерский острожек в осаде же, и на Чусовой прикащики со всем крестьяны в острожках живут, из деревни все выехали в острожки, в волостях острожки ставят накрепко да берегутся на Кунгуре»³.

Было беспокойно и на западной окраине. Восставшие напали на г. Самару. Это видно из донесения воеводы в Москву: «...в нынешнем государь, в 190 году в мае месяце приходили под город Самару уфинские башкирцы и многие стада отогнали и людей в полон побрали»⁴.

Начавшееся восстание взволновало также нерусские массы соседних с Башкирией уездов. Они ожидали появления башкир в своих краях и присоединялись к ним. В ряде мест население, услышав о восстании, выходило из подчинения местным властям и двигалось навстречу повстанцам. Кунгурский воевода в начале июня 1682 г. сообщил, что «...Верхотурского уезду Верх-бисертские та-

¹ ЛОИИ, ф. 28. Карт. 29. № 9.

² НА БФАН СССР. Ф. 3. Оп. 12. Д. 112. Л. 152; *Лекарский П. П.* Известия об уфимских дворянах Пекарских // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 301.

³ Материалы... Ч. 1, № 73.

⁴ *Лобов Н. Г.* Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1911. С. 5; *Очерки по истории Башкирской АССР.* Т. 1. Ч. 1. С. 119.

тары и черемиса вся в полк к уфинским башкирцам отъехали з женами и детьми»¹.

Итак, восстание очень быстро охватило весь край. В мае повстанцы действовали во всей европейской Башкирии. В июне оно распространилось на соседние — Казанский, Кунгурский и Верхотурский уезды. Стремительный темп движения лишний раз свидетельствовал о том, что политикой царизма были недовольны трудовые массы всех народов обширного района.

Как и в предыдущих восстаниях, повстанцы применяли различные средства борьбы. Сражения с царскими отрядами, осада г. Уфы и других крепостей, взятие и уничтожение церквей и монастырей — рассадников христианизации, разорение сел и деревень, возникших на насильно захваченных землях, угон скота и захват пленных — вот основные методы борьбы повстанцев.

Инициаторами и главной движущей силой восстания выступили башкирские общинники. Их поддержали другие нерусские народы — мари, мордва, татары, мишари. Скупы источники относительно предводителей движения. Известен лишь главный вождь восстания, вернее его имя — Сеит. Точных фактов о его классовом положении не сохранилось. Но на основе некоторых косвенных материалов можно предположить, что Сеит был духовным лицом и феодалом².

Размах восстания встревожил местные власти. Воеводы Уфы и Казани обратились в Москву за помощью. Царское правительство приняло срочные меры. В середине мая 1682 г. было решено направить против повстанцев крупное войско, состоящее из московских и городских дворян, конных и пеших полков нового строя, с пушками. Во главе этих сил должен был встать казанский воевода П. В. Шереметьев (Меньшой), а его товарищами назначены посланные из Москвы окольный князь Д. А. Барятинский и стольник князь П. И. Барятинский. Для поднятия духа карателей власти использовали религиозные средства. 11 июня 1682 г. «...государь и царевна Софья провожали в Казань образы и знамена пресвятой Богородицы»³. Правительство намеревалось потопить в крови восстание в Башкирии.

В конце мая Д. А. и П. И. Барятинские выехали из

¹ ЛОИИ. Ф. 28. Карт. № 10.

² Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 1. С. 88; Фахретдинов Г. История башкир. Казань. 1925. С. 57.

³ ЛОИИ. Ф. 122. Т. 5. № 4; НА ВЦ УРО РАН Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 29.

Москвы в Казань. Но выделенные ратные силы собирались медленно. Тем более, как известно, в это время в Москве произошло восстание. Стрельцы и солдаты вышли из повиновения. Реализация намеченных планов оказалась под угрозой.

Восстание же ширилось с каждым днем. В этой обстановке уфимский воевода стольник князь Коркодинов выступил, не дожидаясь прихода помощи из Москвы. Значительный отряд, состоящий из уфимских дворян, стрельцов, казаков и других служилых людей, 28 мая вышел из Уфы и направился против повстанцев. В начале июня в районе между закамскими крепостями и р. Ик состоялся ожесточенный бой. Предводитель восстания Сеит был ранен. Общий исход сражения не совсем ясен. Правда, Коркодинов пишет, что «...на том де бою они, изменники, говорили, чтоб больши того не битися и с ним переговорить»¹. Но последующие события говорят, что уфимский воевода не сумел разгромить восставших. В лучшем случае, карателям, видимо, удалось заставить повстанцев отступить. Обе стороны понесли потери.

Сеит и его помощники не пали духом. Они продолжали борьбу. Источники сохранили сведения об их деятельности по пополнению повстанческих отрядов. Например, мишари Қайбыс Узеев и Аюкай Кемеев ездили по Сибирской дороге и призывали «...башкир и всяких иноверцев на воровство, чтобы они шли к вору Сеитку воевать вместе»².

Стало очевидным, что нельзя рассчитывать на быстрое военное подавление восстания. Тогда власти решили уговорами, обещая уступки, успокоить недовольных. Попытки местных воевод в этом плане не имели успеха. Повстанцы им не верили. Пришлось за дело взяться центральной власти. 8 июля 1682 г. правительство от имени новых царей Ивана и Петра, Алексеевичей обратилось к башкирам с грамотой. В ней выражается сожаление, что «...башкирцы и чюваши и черемиса молотчие люди...», забыв милость царей и свои шерти «...по ...прелести неведома какова вора» поддались ложным слухам, «...будто вас басурманов велено в городах крестить в православную веру в неволю и бунтовали». Затем правительство призывает повстанцев прекратить восстание и обещает за это прощение и царскую милость. В заключение правительство вновь возвращается к политике хри-

¹ Материалы... Ч. 1. № 74.

² Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 32. С. 29.

стианизации и объявляет, что слухи о насильственном крещении являются ложными, такого указа нет и впредь не будет: «...а что вменяют воры вам всем башкирцам и чуваше и черемисе ложно, что будто было бусурманов велено крестить неволею и тем вас приводить на всякие злые дела, а вам всем чинят великое оскорбление и смут. И вы бы все ведали и своей братье сказывали всем, что такого нашего великих государей указу о крещении, что крестить неволею, не бывало и ныне нет и вам бы о том ни о чем не сумневатца»¹.

Итак, правительство, объявив, что указа о насильственной христианизации не было и ныне нет, официально отказалось от провозглашенной линии. Это было важной победой восставших, которые вооруженным выступлением вынудили царизм отказаться от планов насильственной христианизации населения края.

Мирные призывы от имени царей и серьезная уступка— официальный отказ от крещения внесли определенный раскол в ряды повстанцев. Часть из них прекратила борьбу и обратилась к правительству с челобитной. Она была составлена от имени жителей 4-х «дорог», и выборные башкиры Кучук Юлаев «с товарищи» повезли ее в Москву. Об общем содержании челобитной можно судить, исходя из царской грамоты от 17 августа 1682 г. Повстанцы просили прощение за участие в восстании, обещали впредь служить верно. Кроме того, в грамоте отмечается, что башкиры обещали поймать Сеита и выдать властям².

Другая группа восставших во главе с Сеитом не шла на соглашение с властями и продолжала борьбу.

О численном соотношении и социальном составе тех и других нет определенных сведений. Кстати, нет никаких материалов относительно Юлаева, возглавившего сторонников примирения с властями, о его участии и роли в движении в предыдущий период. Если иметь в виду, что отказом от насильственной христианизации правительство свело на нет один из главных пунктов недовольства прежде всего башкирских феодалов, то можно предположить, что к компромиссу с властями в первую очередь склонились верхи башкирского общества.

Новые крупные акции повстанцев падают на вторую половину июля, и связаны были они с появлением в Башкирии калмыков. Как сказано выше, на определенных эта-

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 37—38 об.

Материалы... Ч. 1. № 74; РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 80—81 об.

пах движения 1662—1664 гг. последние оказали некоторую поддержку башкирским повстанцам. Сейчас башкиры вновь обратились к ним за помощью.

В начале июля калмыцкие отряды появились в районе р. Ик и Сунь Казанской дороги. Еще в июне казанские власти получили сведения о том, что Аюка тайша во главе 4-х тысячного войска пошел «...под казайские и уфимские уезды войною по присылке воровских башкирцев и казанских татар». Башкирские повстанцы вместе с калмыками возобновили нападения на закамские крепости. 27 июля, например, они подошли к Мензелинску и осадили его. В боях в этом районе восставшие «...многие люди и стада конские и животинные отогнали, многих мензелинских казаков и иноземцев побили и поранили»¹.

Другим важным районом борьбы была Осинская дорога. В источниках говорится, что в Уранской и других волостях «...калмыки, нагайцы, горные черемиси и с ними изменники башкирцы воюют, многие деревни разорили». Восставшие дошли до Камы и заняли дворцовое село Н. Березовку. В августе активные действия развернулись в пределах Ногайской дороги. Восставшие вновь подошли к Уфе. Вместе с башкирами здесь были калмыки под предводительством тайши Замсы².

Новый подъем восстания в европейской Башкирии повлиял и на жителей Зауралья. Здесь среди башкир началось брожение. До слобод и острогов доходили слухи о скоплении башкир поблизости, об их намерениях начать военные действия. Приказчики слобод и острогов засыпали воевод Верхотурья и Тобольска просьбами о помощи³.

Однако необходимо отметить, что среди башкир в это время были и противники восстания. Так, стоял в стороне от борьбы феодал Ногайской дороги тархан Ишмухамет Давлетбаев. Его разногласия с повстанцами еще более углубились после появления калмыков в стане восставших. Когда калмыки ехали на соединение с повстанцами, то Давлетбаев со своими сторонниками отогнал у них лошадей. Затем Давлетбаев имел ряд столкновений с ними под Уфой. В это время тархан безуспешно пытался заручиться поддержкой со стороны уфимского воеводы⁴.

Итак, после короткого перерыва движение вновь уси-

¹ ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. № 25. С. 69—70; Архив РАН Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 32. Л. 29; АИ. Т. 5. № 87. С. 138.

² ДАИ. Т. 10. № 25. С. 69—70.

³ ЛОИИ. Ф. 28. Карт. 28. № 34; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 38, 40, 42.

⁴ ДАИ. Т. 10. № 25. С. 70; ЛОИИ. Ф. 29. Карт. 29. № 9.

лилось, и вся европейская Башкирия оказалась охваченной борьбой. Несмотря на отрицательную позицию некоторых башкирских феодалов, восстание было массовым. Сейчас в нем, кроме башкирских общинников, участвовали ясашные мари, татары, мишари и чуваша. Существенной для усиления движения была поддержка калмыков.

На каких же условиях последние согласились поддержать башкир? Возможно, что у калмыков были свои причины недовольства царизмом. Кроме того, калмыцкие тайши давно тщетно добивались подчинения башкир своему влиянию. Авторы «Очерков истории Калмыцкой АССР» также высказывают предположение, что Аюка пытался подчинить башкир своей власти. Вышеупомянутый калмык Асанов на допросе говорил: «...пришел к ним, башкирцам, Аюка с калмыки, нагайцы, едисанцы... и к нему де Аюке отъехало ицких и бельских башкирцов и чуваш половина с женами и детьми»¹. Из этого можно сделать вывод о том, что повстанцы, нуждаясь в помощи, из тактических соображений могли заявить о своем подчинении калмыцкому тайше. Однако этот факт можно толковать и по-другому — именно как совместное кочевание союзников.

Продолжение массового восстания, появление в Башкирии калмыцких отрядов серьезно осложнило борьбу с повстанцами. Уфимский воевода не имел достаточных сил, чтобы перейти к наступлению против объединенных отрядов башкир и калмыков. Войска же, выделенные правительством, и в конце июля не были готовы для боевых операций. Имеющихся в Казани в это время 5478 дворян и детей боярских, рейтар и солдат главный воевода Шереметев считал недостаточным для похода в Башкирию и просил правительство выделить дополнительные силы. Эта просьба не могла быть удовлетворена, ибо московские стрелецкие полки отказались выполнить приказ о походе в Башкирию. Кроме того, неустойчивое положение центральной власти из-за московского восстания 1682 г. как-то, по-видимому, сковывало действия царских воевод во главе с Шереметьевым, делало их нерешительными. В итоге в 1682 г. власти так и не сумели организовать крупные операции против восставших.

Правительство решило расстроить союз башкир с калмыками и поодиночке расправиться с ними.

---

¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 142—143; ДАИ. Т. 10. № 25. С. 70.

На калмыков натравливали донских и яицких казаков. Но эта затея провалилась. Тогда астраханский воевода завязал переговоры с калмыцкими тайшами во главе с Аюкой. Подарками и обещаниями в начале 1683 г. ему удалось добиться от калмыков отказа от дальнейшей поддержки восстания башкир¹.

Повстанцев же пытались успокоить обещанием уступок и прощения. Казанские и уфимские воеводы не раз обращались к башкирам с подобными предложениями. Но восставшие не поддавались уговорам. Даже отъезд основных сил калмыков в сентябре 1682 г. за р. Яик не приостановил борьбу. В сентябре — октябре 1682 г. в европейской Башкирии движение продолжалось. 21 октября, в частности, около самого города Уфы состоялось сражение восставших с отрядом воеводы².

В конце лета существенно расширился район восстания; вооруженная борьба охватила Зауралье. Необходимо сказать, что восстание здесь началось вопреки сопротивлению части местных «лучших» башкир. Последние были представлены «добрыми» башкирами Катайской волости во главе с Аллагулом, которые, кстати, в июле установили связи со своими единомышленниками из Ногайской дороги — с группой тархана Ишмухамета Давлетбаева. Когда Аллагул «с товарыщи» не сумели помешать выступлению зауральских башкир, то они поехали в Колчеданский острог для переговоров с приказчиком. Аллагул намеревался объединиться с ним для борьбы с повстанцами. Но власти не доверяли даже верным башкирским феодалам, и намерения последних не были осуществлены³.

Начавшееся в августе 1682 г. движение в Зауралье развернулось на обширной территории от Чусовой до среднего течения р. Исеть. 5 августа приказчики сибирских слобод получили известие, что «...едут башкирцы в сибирские слободы». Первыми подверглись нападению Уткинская и Чусовская слободы. Вскоре повстанцы овладели Уткинской слободой. 10 августа приказчик Беляковской слободы доносил в Верхотурье об этом следующее: «...Уткинскую слободу ...башкирцы высекли де и разорили де до конца и государеву казну взяли... вскоре де они башкирцы будут и под иные слободы воевать, воинские де люди

¹ ПСЗ-1. Т. 2. № 990.

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 1021; Акты Археографической экспедиции. Т. 4. СПб., 1836. № 262, С. 375.

³ ЛОИИ. Ф. 28. Карт. 29. № 9; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 36.

у них де бесчисленные». В середине месяца крупный отряд восставших находился на р. Серьга, притоке Уфы. Приказчики Аятской, Арамилской, Мурзинской и других слобод с тревогой ожидали их удара. Другой отряд с верховьев р. Ай стал двигаться в сторону р. Исеть. Вскоре повстанцы напали на остроги и слободы, расположенные на ней. Сильному приступу подвергся Колчеданский острог и был занят восставшими. После этого башкиры обложили Катайский острог. Приказчик Краснопольской слободы сообщил об этом в Верхотурье: «Колчеданская слобода на Исете вывоевана и разорена и крестьяне порублены, а Катайский острожек обсадили и деревни повоеваны»¹.

В этой обстановке власти приняли экстренные меры. Из Тобольска в район восстания были направлены 2 тыс. ратных людей во главе с дворянином Федором Волковым. В конце августа — начале сентября на верховьях р. Яик состоялось крупное сражение. Об этом приказчики острогов получили следующее сообщение: «Был де большой бой з башкирцы и с иными иноверцы»². Из этого кратко известия трудно судить об исходе битвы. Обычно незначительный успех царских отрядов власти превозносили как важную победу. Следовательно, в данном случае Волкову не удалось разгромить повстанцев.

На этом сведения как о ходе восстания, так и о мероприятиях властей обрываются. В Зауралье, по-видимому, наступило затишье. В центре Башкирии, как уже говорилось, движение продолжалось до конца октября. Лишь наступление холодов приостановило борьбу.

Видя, что восставшие не собираются принести повинную, правительство в октябре 1682 г. вынуждено было еще раз вернуться к рассмотрению башкирского вопроса и пойти на серьезные уступки восставшему народу. В принятом указе оно официально осудило захват башкирских земель и заверило коренных жителей в том, что будет положен конец этому явлению. Далее, был снят с поста уфимского воеводы стольник князь Коркодинов. На его место поставили московского дворянина окольного князя Д. А. Барятинского, товарища князя П. В. Шереметьева, командира карательных сил³. Это были существенные уступки царизма восставшим народным массам. Власти обещали устранить все, что вызывало их недовольство.

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 29; ЛОИИ. Ф. 28. Карт. 29. № 9, 30.

² ЛОИИ. Ф. 28. Карт. 29. № 9.

³ РГАДА. Ф. 240. Кн. 132. Л. 19, 93; Пекарский П. П. Указ. соч. С. 301.

Весной 1683 г. движение тем не менее возобновилось. Как видно, уступки, о которых шла речь, не сразу возымели свое действие. Это объясняется, по-видимому, тем, что башкиры не верили властям, их обещаниям. Еще были в памяти те милости, которые были им обещаны в 1664 г. от царского имени, и по существу забыты в 70-х гг.

Выступления восставших начались в мае 1683 г. на территории Ногайской дороги. Повстанцы напали на Солловарный городок, расположенный на среднем течении р. Белой. Вначале был взят и сожжен Вознесенский монастырь, находящийся рядом. Затем башкиры начали приступать к самому городку. Но в это время сюда подошел отряд из Уфы. После нескольких сражений повстанцы ушли в степь¹.

В это время восстание шло и на Казанской дороге. Восставшие напали на закамские крепости. Особенно упорные бои были за Билярск. Слобода была сожжена, но крепость устояла. В этих сражениях башкир Казанской дороги поддержали отдельные калмыцкие отряды. Но основные силы калмыков во главе с Аюкой в движении 1683 г. уже не участвовали².

Правительство на этот раз не было застигнуто врасплох. Еще в марте 1683 г. оно приняло решение направить в Башкирию значительные ратные силы. Во главе последних был поставлен новый казанский воевода боярин князь Ю. С. Урусов, а его товарищами назначены окольничий князь Ф. Ф. Волконский и думный дворянин Н. И. Акинфов. Назначенные срочно выехали из Москвы в Казань, оттуда — в Мензелинск, в место сбора ратных сил. Воеводам ряда городов было приказано направить туда рейтар и солдат³. В середине июня в районе Мензелинска были сосредоточены значительные силы. По приказу правительства сюда подошли и яицкие казаки. В конце июня каратели перешли в наступление. В ряде сражений около Мензелинска и других крепостей они нанесли повстанцам поражение⁴. Эта неудача оказалась серьезным ударом для восстания. После нее летом и осенью 1683 г. в европейской Башкирии уже не было заметных действий повстанцев.

Правда, восставшие пытались продолжать дело в За-

¹ Модестов Н. Н. Село Табынское и Вознесенская пустынь. // Труды Орен. учен. арх. комиссии. Вып. 31. Оренбург. 1914. С. 55.

² ДАИ. Т. 10. № 80. С. 362.

³ Там же.

⁴ НА БНЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 74; Лобов Н. Г. Указ. соч. С. 5.

уралье. Обстановка здесь обострилась в конце лета. Появились слухи о предстоящем нападении повстанцев на остроги и слободы. В конце августа калмыцкие отряды, предводительствуемые сибирским царевичем Асаном, находились в районе озера Чебаркуль. Но своеобразно реагировали башкиры на появление калмыков и царевича: они оставляли свои места жительства и скрывались с семьями в лесах и горах¹. А фактов о действиях повстанцев в это время в Зауралье нет. Что же случилось?

Состояние источников не позволяет определенно ответить на этот вопрос. Можно лишь предположить, что в силу каких-то причин ухудшились отношения башкирских повстанцев с калмыками, что отрицательно сказалось на ходе готовившейся борьбы. В итоге движение 1683 г. в Зауралье заглохло, не успев перейти в открытую борьбу.

Но и эти осложнения не означали полного прекращения восстания. В 1684 г. оно возобновилось. Башкирские повстанцы пытались напасть на Уфу. Им дорогу преградил царский отряд под предводительством уфимского дворянина В. И. Лопатина. Решающее сражение состоялось у брода через р. Уфимку, у села Богородского. Конкретных данных о ходе битвы не сохранилось. Известно только, что восставшие не сумели переправиться через реку.

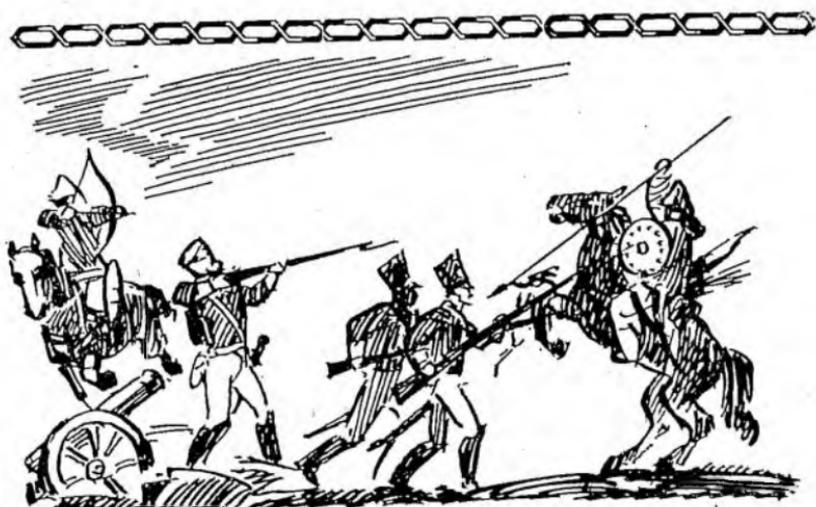
Сведений о дальнейших действиях повстанцев в источниках обнаружить не удалось. По-видимому, это означало прекращение восстания в Башкирии.

Сражение 1684 г. является логическим продолжением действий повстанцев в предыдущих годах. Следовательно, принятая в исторической литературе хронология данного восстания — 1681—1683 гг. — не охватывает все его этапы. Она нуждается в уточнении. Более правильным было бы датировать движение 1681—1684 годами.

Итак, в ходе восстания повстанцы успешно сражались с царскими войсками, заняли ряд крепостей, слобод и сел. В движение башкир затем включилась часть пришлого нерусского населения. Важной была поддержка борьбы со стороны соседних калмыков. Но решающую силу восстания составили башкиры. Правительство не сумело осуществить чисто военное подавление восстания. Поэтому оно широко использовало мирные средства, шло на серьезные уступки восставшему народу.

---

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 52, 53, 55.

Глава IV

ВОССТАНИЕ 1704 — 1711 гг.

Начало XVIII в. характеризуется резким усилением феодально-крепостнического гнета в России. Это было связано с развитием крепостничества вглубь и вширь и ростом государственных налогов и повинностей как следствие разорительных и длительных войн, реформ в области государственного управления, армии и флота, строительства крепостей, городов, мануфактур, каналов и т. д.

Повсеместное сопротивление, принявшее самые различные формы, начиная от подачи челобитных и побегов до вооруженной борьбы, как, например, восстания в Астрахани и на Дону, являлось ответом крестьян, посадских и работных людей, казаков и нерусских народов на рост феодальной эксплуатации.

Башкирия не составляла исключения в этом отношении, и здесь было налицо усиление феодального и национального гнета. Приведенные выше материалы о политике царизма в крае в конце XVII — начале XVIII в. подтверждают это. Особенно ярко проявилось усиление угнетения в деятельности прибыльщиков в Башкирии, которая послужила непосредственной причиной восстания 1704—1711 гг.

§ 1. Начало и первый этап борьбы (1704—1706 гг.)

Первая партия прибыльщиков, которая должна была обложить население новыми налогами, выехала из Москвы в конце июля 1704 г. и направилась в Казань, Уфу и в «иные дальние города»¹. В августе прибыльщики А. Жихарев и М. Дохов, сопровождаемые подъячими, переводчиками и солдатами, приехали в Уфу и разослали гонцов во все волости с наказом послать выборных людей в Уфу, чтобы слушать указ царя. 5 октября за р. Белой около Уфы они читали собравшимся выборным башкирам указ о переходе в казну башкирских рыбных ловель, о введении множества новых налогов, о проведении переписи населения и о ряде мер, затрагивающих религиозные убеждения нерусских жителей края².

Итак, новый указ задевал прежде всего земельные права башкир: в ведение казны переходили наиболее крупные рыбные ловли с прилегающей территорией. Резко возросли налоги. Кроме прежних, башкиры должны были платить налог с домовых ульев, с бань, со свадеб, с калыма, уплачиваемого родителям невесты, с лошадиной и жеребьей кож, с дуг, с хомутов, с печей, с валков, с мельниц, с прорубей, с ворот, с окон, с погребов, с каждого приехавшего в город на базар, с каждого молящегося в мечети, с абзюв, с мечетей. Подлежали переоброчке бортные леса. Прибыльщики в своем рвении придумывать новые статьи налога докатились до нелепых вещей: они обязали башкир платить налоги с глаз³.

Активизировалась и политика христианизации. Для начала предлагались обходные пути, но башкиры сразу разгадали цель этих требований. Они говорили князю Уракову, посланному из Казани в Башкирию в начале 1705 г. для выяснения обстановки в крае, что «их мечети велели им они переписчики огораживать, и в той де городьбе у мечетей мертвых их класть, а по их де вере мертвых около мечетей не кладут, и по тому знатно, что ведут их ко крещению»⁴.

Все это, естественно, вызывало резкое недовольство собравшихся башкир. Они стали говорить о непосильности этих требований. Башкиры наивно думали, что это делается без ведома царя: «И они де спорили и тех прибыль-

¹ ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 2. № 213.

² РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—11.

³ Материалы... Ч. 1. № 21. С. 110; РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—4.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 21. С. 119.

ных' дел на себя не приняли, и сказали де они ему, Андрею, что они воры и про те прибыльные дела великий государь имянно ведать не изволит... А в том в прошлых де годах присланы к ним великого государя грамоты, что всяких поборов вновь не накладывать, и вотчин не отымать, и их веры не нарушить до окончания жительствова». В ответ чиновники грозили им суровой расправой: Спор перешел в драку. Возмущенные башкиры избили прибыльщиков, а ненавистный указ разорвали на клочья и бросили в воду¹.

Так началось одно из крупнейших башкирских восстаний.

После этого столкновения ни власти, ни башкиры не спешили с активными действиями. Но наступившее затишье оказалось временным.

Башкиры начали собирать отряды, готовить коней, оружие и припасы. На западных границах Башкирии были расставлены караулы. Важной частью подготовки восстания было установление связей с соседями, в частности, с народами Поволжья и Северного Кавказа, где в результате усиления гнета царизма также создавалась напряженная обстановка. Прибыльщик И. Морской доносил из Чебоксар, что «ясашные люди чинятца ему во всем противны и во что положено, давать не хотят». Татары Казанского уезда еще в сентябре 1704 г. «...перепищиком противились». Возбуждены были и астраханские татары. Явно враждебно к царизму были настроены чеченцы, ногайцы, кубанские татары, кумыки, тавлинцы и другие². Судя по всему, осенью 1704 г. башкиры сумели установить связи с казанскими и астраханскими татарами. Это стало известно правительству. Еще в конце октября 1704 г. оно получило сведения о том, что «...воры башкирцы и казанския татары хотят согласитца с астраханцы»³. Особенно правительство беспокоил тот факт, что в этих районах, наряду с нерусскими народами, проявляли недовольство и русские трудящиеся. Наступление помещицкой и монастырской колонизации все далее на юг, увеличение податного бремени, преследование беглых крестьян, солдат, драгун, нетерпимость по отношению к раскольникам — все это не могло не вызвать сопротивления масс. Антиправительственным духом особенно охвачены были казацко-крестьян-

¹ Матерялы... Ч. 1. № 119, 21. С. 259, 111.

² РГАДА. Ф. 6. Д. 17. Л. 91 об; ЛОИИ. Ф. 3. Карт. 4. № 12; Матерялы... Ч. 1. № 21. С. 118.

³ Матерялы... Ч. 1. № 21. С. 118.

ские массы Дона, астраханские посадские люди, солдаты и стрельцы, казаки — раскольники на реках Агратань, Терек, Кубань¹. Недовольство проявляли, по-видимому, и солдаты Уфимского гарнизона². Вот почему в определенной мере были обоснованными опасения властей возможностью возникновения совместной борьбы всего многонационального населения Урала, Ср. и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа против царизма.

Правительство зорко следило за событиями в Башкирии: Получив известие об открытом выступлении башкир против прибыльщиков, власти направили в Башкирию группу казанских дворян во главе с князем Д. Ураковым формально для переговоров с башкирами, чтобы отговорить их от восстания обещаниями всяких уступок, а на деле выяснить истинную обстановку в крае. Хотя башкиры старались скрыть от Уракова подготовку восстания и в своей челобитной 1706 г. писали, будто князь Ураков: «...никаких худых дум и зборов...» у них не нашел, однако Ураков сумел правильно оценить обстановку в крае и представил соответствующее донесение. Правительство убедилось, что в Башкирии дело идет к восстанию. Притом, властям были известны попытки башкир установить связи с соседними нерусскими народами. Чтобы запугать башкир, власти решили организовать военную демонстрацию. К тому же это мероприятие затрудняло бы связи башкир с народами Ср. Поволжья. В этих целях в начале 1705 г. в закамские крепости были посланы дополнительные военные силы: «А пришли в Заинск и в Мензелинск и в Шешминск и в село Каракулино многие полки солдат». Командир одного из отрядов Ф. Люткин, собрав выборных башкир, потребовал от них подтвердить свою покорность правительству отдачей в Казань заложников от всех 4-х «дорог». Башкиры отказались³. Таким образом, попытка правительства устрасшить башкир концентрацией военной силы не имела успеха.

В этих условиях власти решили сломить сопротивление башкир вооруженным путем. Поскольку с ноября 1704 г. все «низовые города» и ясачные люди Поволжья находились в ведении А. Д. Меншикова, то и успокоением края занялись сам «светлейший князь» вместе с казан-

¹ Булавинское восстание. М., 1935. №№ 1, 2, 4, 5, 7; ЛОИИ. Ф. 82. Карт. 4. № 12; Чаев Н. С. и Бибикова К. М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Булавинское восстание. С. 5—32.

² РГАДА. Ф. 7. Д. 17. Л. 138.

³ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

скими властями. Комендантом Казани в это время был Н. А. Кудрявцев, сын стрелецкого сотника, сделавший карьеру на жестокости по отношению к нерусскому населению края. Во главе карательной экспедиции, направляемой в Башкирию, был поставлен комиссар Александр Сергеев, отличительной чертой которого являлась исключительная жестокость. Еще в апреле 1704 г. он был послан от Меншикова с чрезвычайными полномочиями «...во все низовые города... для набору солдат и разбору дворян...» Воеводам (этих городов было предписано «...быть во всем послушны...» Сергееву. Особо говорилось о его власти над ясашными людьми: «Да ему ж Александру велено ведать Уфу, Самару, Синбирск, Свяжск и ясашных иноверцев»¹.

С самого начала Сергеев решил неслыханной жестокостью запугать башкир и подавить всякую их волю к сопротивлению. В конце февраля 1705 г. во главе 2-х конных и 4-х пехотных полков он прибыл в Мензелинск². Собрав представителей башкир ряда волостей Казанской дороги якобы для слушания указа, Сергеев арестовал их за сопротивление прибыльщикам и грозил всем башкирам суровой расправой. По пути из Мензелинска в Уфу на каждый ям * по приказу Сергеева сгоняли окрестных башкир, грозили им суровыми карами и стреляли из пушек для запугивания. Находящиеся на пути следования башкирские деревни подверглись разграблению. Каратели двигались очень быстро, не жалея ни лошадей, ни подводчиков: «...на тех их лошадях, не переменяясь, скакали с утра до вечера и от того их лошадей померло многое число; и на дороге де они едучи, которые их попадались встречно, топтали многих досмерти и которые были на дороге, бортные их ухожья со пчелами, мед выломали и хоромы их сожгли». От жестокого обращения и холода погибло и получило увечья много подводчиков — башкир, а также погибло свыше 1000 лошадей³.

При въезде в Уфу каратели устроили своеобразную арку из пушек, сабель и копий и через нее провели башкир, которых Сергеев арестовал в Мензелинске. Созвав в Уфу представителей башкир со всех «дорог», Сергеев стал требовать с них 20000 строевых лошадей, по 5000 с каждой «дороги». Когда башкиры стали говорить о

¹ ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 10. № 129; Карт. 4, № 12.

² Материалы... Ч. 1. № 21. С. 112.

³ Там же. С 119, 260, 262.

* Почтовые станции.

непосильности этого требования, Сергеев приступил к расправе: «...запер их в приказ, а иных в тюрьму, а иных в стюденые избы...», говорил им «...вас де велю перевешать и переказнить и по дорогам де пошлю полки, тако же де велю последних вашу братью и жен ваших и детей вырубить до малого робенка...». Затем он устроил массовую порку башкир. От побоев умерли жители Табынской волости Беккул, Бешаульской волости Шалтык абыз, Меркитской волости Клин. Остальные выборные под угрозой смерти вынуждены были дать свои подписи о даче по 1300 лошадей с каждой «дороги». На этом каратель не остановился. Он велел собрать в одно место выборных людей, а также других башкир, находящихся в Уфе по своим делам, и насильно поить их вином и водкой до потери сознания: «...заперев в крепкий огород, кругом караул поставил, вина и меду поставя и зелья положи, в неволю поил, кто и век свой меду и вина не пивали, азей и муллов и ахунов их поил; а ежели кто не станет пить, тех бив палками и насильно поил, и напившиеся де лежали бес памяти, и лежащих де людей порохом палил, солому огнем зажигал, на руки свечи прилеплял, другим в горсти пороху насыпав огнем палил, а збережась лежалых людей сызнава подняв по неволе поил, хотя поморить. В тот огород ввес 100 пушек и стрелял до вечера до 10 раз... И как де они пьяные лежали, а он де Сергеев, вышел в огород, всякому пьяному лежащим людям, держав против солнца зеркало свое, рожи и головы жег и, который тронетца, еще поил, чтобы поморить». В результате этого «угощения» умерло 4 человека. А всего от побоев и бесчеловечных поступков Сергеева только в Уфе умерло 9 башкир¹.

После этого каратели прошли от Уфы до Соловарного городка и обратно. Услышав о приближении полков Сергеева, башкиры этой части Ногайской дороги бежали в верховья рек Белой и Яика. Все это происходило в разгаре зимы, в самое тяжелое для скотоводов время, и многие из бежавших умерли от голода и холода. А быстрое передвижение по глубокому снегу привело к массовому падежу их скота.

В марте 1705 г. Сергеев уехал в Москву, возможно, чтобы доложить о своих «успехах» в «успокоении» башкир. Заменивший его казанский дворянин Сидор Аристов оказался «достойным» преемником по части издевательств

¹ РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 6 об; Материалы... Ч. 1. № 21. С. 112.

и грабежа населения. Он приступил к сбору лошадей. Ранней весной лошади у башкир были худы от недостатка корма, и они вынуждены были приводить для сдачи худых лошадей. Каратели, требуя от башкир только сытых лошадей, избивали их и сажали под караул. Тогда многие вынуждены были заложить в заклад своих детей, чтобы купить требуемых лошадей. По волостям рыскали вооруженные отряды, которые отбирали у башкир лошадей, грабили имущество и издевались над людьми. В Байлярской волости действовал офицер Пальчиков с отрядом, который «...запирал их, байлярцов, под избы и в студёные клетки и коих бил батожьями и иных на правеже, дайте де лошадей, коих хотели дать на Уфе Александру Сергееву, а буде не дадите тех лошадей и мне де велено за то вас вырубить... И они, байляры, дали 125 лошадей, купя рублей по 10 и по 15...»¹.

Затем в Мензелинск вновь приехал Сергеев и сам возглавил действия карателей. По его приказу туда были созваны башкиры Байлярской и Енейской волостей, которые уже дали лошадей; 11 человек из них были оставлены в Мензелинске как заложники. Услышав это, башкиры остальных волостей отказались туда приехать. Тогда Сергеев послал отряды по волостям. В деревню Ахметово, состоящую из 22 дворов, приехали солдаты и начали расправляться с жителями: 3-х человек убили, 7 ранили, 3-х взяли в плен, а остальные башкиры разбежались. Солдаты отняли 420 лошадей, а также много коров, овец, разграбили имущество жителей. У башкира Дюмея Ишкеева отобрали 64 лошади и 25 коров. Были разорены деревни Ляки, Мензелетамак и другие. У Кускеева из дер. Ляки угнали 50 лошадей, взяли все домашнее имущество; у Кубарчюринина взяли 24 лошади, у Сугецова — 8 лошадей². После этого Сергеев уехал в Казань и взял с собой всех арестованных башкир, которые затем были посажены в тюрьму, где некоторые из них умерли.

В Башкирии по-прежнему свирепствовали отряды Аристова: «Ныне государь, Сидор Аристов разоряет безостатку Уфинский уезд наши вотчины и деревни и всяких ясачных розных чинов... И починил под Заинском разорения, деревни многие развоевал, жен и детей в полон поимал...»³ — писали башкиры в своей челобитной об этом.

Расправляясь с недовольными, каратели занимались

¹ РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. 1706. Л. 7.

² Там же. Л. 7—8, 13—13 об.

³ Там же. Л. 9 об — 10.

самым широким грабежом. Пример подавал сам Сергеев, который взял для себя 100 пар лучших коней, 8 рысей, черную лисицу, соболя и другие вещи. Аристов присвоил 27 лошадей у жителей Енейской и Байлярской волостей; Пальчиков взял у байлярцев 2-х коней, купленных по 30 руб¹.

Кроме этих насилий, казанские власти предприняли и другие меры для ослабления башкир. Они решили ряд башкирских волостей по Каме и Ику подчинить непосредственно Казани. Затем, продолжая дело прибыльщиков, С. Аристов приступил к переписи башкир. Все эти мероприятия, проведенные зимой 1705 г. вызвали массовое бегство башкир со старых мест жительства в дальние глухие леса и горы. Тогда царские отряды кинулись за беглецами и круто расправились с ними. От руки карателей, а также от холода и голода погибло много людей и скота².

Как же правительство реагировало на эти события в Башкирии, как оно оценило деятельность казанских властей, в том числе и Сергеева?

Обратимся к фактам. Спустя несколько месяцев после похода в Башкирию чрезвычайные полномочия и права Сергеева были еще раз подтверждены. 5 сентября 1705 г. Меншиков отдает распоряжение: «...также ж которые люди посланы из наших канцелярий для какова дела в низовые города и те б были послушны Александру Сергееву, а без его ведома ничего не чинили». Возможно, что с «подвигами» Сергеева в Башкирии было связано пожалование ему в апреле 1706 г. поместья в Саранском уезде. В начале 1706 г. положение Кудрявцева и Сергеева еще более укрепилось: Петр I поручил им всю полноту власти над Поволжьем и Уралом³.

Итак, правительство полностью одобрило деятельность казанских властей в отношении башкир. Иначе быть не могло, ибо Сергеев и его помощники, справляясь с недовольными, лишь выполняли указание правительства.

Несмотря на террор и бесчеловечные насилия, властям не удалось достичь цели. В результате действий карательных отрядов, башкиры понесли человеческие жертвы и материальные потери, однако их сопротивление не было сломлено. Ответом на насилия был повсеместный отказ башкир платить не только новые, но и старые налоги и

¹ РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об.

² Там же. Л. 7 об, 9.

³ Там же. Ф. 158. Д. 12. Л. 1—2.

повинности. Они также отказались подчиниться казанским властям. Последние доносили в Москву: «Уфинцы положенного на них старого ясаку против прошлых лет не платят и посланным от нас из Казани чинят противенство, подвод по указам против прежнего не дают.. из верховых городов беглецов иноверцев принимают и, кои до сего числа к ним пришли, не отдают»¹.

Но в создавшихся условиях башкиры не ограничились пассивными формами борьбы. Жители ряда волостей перешли к вооруженной борьбе против царизма. Военные действия начались весной 1705 г. Первыми поднялись башкиры Казанской и Ногайской дорог, на территории которых действовали карательные отряды Сергеева.

Восставших башкир Казанской дороги возглавил Дюмей Ишкеев. Он все лето сражался с отрядами Аристова, когда последние разоряли башкирские волости вокруг Мензелинска, Заинска и других крепостей. Об этом сообщил в Казань Аристов: «Дюмейка з братьями и с племянники и з другими бунтуют...» В ответ на разорение своих аулов башкиры стали нападать на царские отряды и крепости. Пострадали, по-видимому, и некоторые русские деревни. В донесении властей сообщалось: «...ведомой вор и бунтовщик башкирец Дюмейко с товарищи, который прошлого лета в Казанском уезде села и деревни разорял, людей побивал и в полон брал и стада отгонял»².

В Ногайской дороге башкиры действовали около Соловарного городка и, по донесению казанских властей, «стада отгоняли и деревни разоряли и людей побивали и в полон брали»³. Здесь во главе восставших башкир стоял Иман батыр. Группа башкирских феодалов, которая в это время занимала выжидательную позицию, на вопросы татарских феодалов, посланцев казанских властей, о повстанцах Ногайской дороги отвечала: «...ворует... батыр Иман с такими же воры человек с триста...»⁴. Башкирские феодалы, пытавшиеся мирным путем добиваться уступок от правительства, были заинтересованы в том, чтобы представить начавшуюся вооруженную борьбу как незначительное событие. Если даже они называли число 300, то, по-видимому, в действительности численность повстанцев Ногайской дороги была значительно большей.

Не было спокойно и в пределах Осинской и Сибирской

¹ РГАДА. Ф. 77. Д. 3. Л. 134—134 об.

² Там же. Л. 134 об; Матерялы... Ч. 1. № 21. С. 177.

³ Там же. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5. Л. 240.

⁴ Там же. Л. 242 об.

дорог. В сообщении из Кунгура говорится: «705 году летним временем они ж башкирцы и калмыки и татары бунтовали, смуту и мятеж чинили и стояли в Уфинском уезде в собрании многолюдством многое время и лошадей у нас Кунгурского уезду, отнимая сильно, отгоняли в свое воинское собрание и мы, кунгурцы, в том их собраний были опасны...»¹.

Как видно, вооруженная борьба началась во всех четырех «дорогах», но она еще не охватила все волости. Этому мешали царистские иллюзии масс, которые характерны для крестьянства в период феодализма. Если башкиры ряда волостей перешли к активной борьбе, то жители других волостей полагали, что действия местных властей по отношению к башкирам, в том числе зверства карательных отрядов Сергеева, неизвестны царю, надеялись, что, узнав обо всем, царь поймет их и облегчит положение. Вот почему они ограничились отказом платить налоги и политикой неповиновения местным властям и попытались подать жалобу в Москву. Но казанские власти под угрозой жестоких наказаний запретили им обращаться в Москву, а по всем дорогам, ведущим в центр, поставлены заставы. Когда башкиры все же послали челобитчиков, эти посланные были пойманы и посажены в казанскую тюрьму, а затем некоторые из них повешены².

Источники не позволяют точно определить классовую принадлежность лиц, возглавлявших вооруженную борьбу в этот период. О Дюмее Ишкееве, предводителе восставших Казанской дороги, известно, что у него отобрали 64 лошади и 25 коров. В условиях полукочевого скотоводства обладателя этого количества скота нельзя считать крупным феодалом, даже рядовой башкир мог иметь это количество скота. Башкиры в состав челобитчиков избирали обычно «лучших» людей, то есть феодалов, и Дюмей был в составе челобитчиков, посланных в Москву в 1706 г. Но выбор Дюмея можно объяснить его руководящим участием в восстании в Западной Башкирии. Возможно, что он принадлежал к мелким феодалам. Другой видный руководитель Иман батыр известен лишь как батыр. Правда, он был в числе тех, кто приехал в Уфу в начале 1705 г. по призыву Сергеева. Но на этот раз собрались не только «лучшие» башкиры, но и рядовые. Сами башкиры в челобитной писали, что тогда «... съехались не-

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 926. Л. 1—2.

² Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об—9 об.

большие люди»¹. Иман батыр, скорее, был рядовым башкиром.

Вероятнее всего, что во главе повстанцев в начале восстания стояли мелкие феодалы и рядовые башкиры.

Немаловажным является тот факт, что такие крупные феодалы, как Кусюм Тюлекеев, Алдар Исянгильдин, Исмагил мулла, Уразай и другие, которые позднее возглавили восстание, в этот период либо ограничились неповиновением властям (Кусюм, Уразай), либо вообще не проявляли какой-либо активной деятельности и про них совсем не было слышно (Алдар, Исмагил мулла).

К осени 1705 г. сложилась очень тревожная обстановка во всем Ср. Поволжье и Урале. Башкирские повстанцы продолжали свою борьбу. Фельдмаршал Б. П. Шереметев в декабре 1705 г. доносил царю из Казани: «...башкирцы во всякой противности»².

Под влиянием событий в Башкирии усилилась напряженность в Ср. Поволжье. Население отказывалось платить налоги: «... во многих городах иноверцы стало было быть и противны, будто положено на них все без указа»³. В этих условиях местные власти опасались распространения башкирского восстания на Ср. Поволжье. Б. П. Шереметев, характеризуя обстановку осени 1705 г. в Казани, доносил в Москву: «... при моей бытности пришли было все в старое состояние и естли б я не ускорил своим приходом в Казань он ж Никита⁴ мне сказывал, что и в Казани было небезопасно, а в Синбирску было и зделалось естли б не показал своей службы синбирский воевода Федор Есипов»⁵.

В этой обстановке на Нижнем Поволжье возник новый очаг борьбы против царизма. 30 июля 1705 г. началось восстание в Астрахани. Почти все крепости этого края — Красный Яр, Черный Яр, Гурьев, Терекский городок — поддерживали астраханцев.

Восстание в Астрахани было не только движением русского населения, посадских и работных людей, солдат и стрельцов. Оно в то же время являлось и движением всего многонационального населения Нижнего Поволжья, в котором, кроме русских, участвовали астраханские татары и другие нерусские люди. Более того, у восставших было стремление объединиться с другими нерусскими на-

¹ РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

² Там же. Ф. 6. Д. 17. Л. 91 об.

³ Там же. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 3. Кн. 5. Л. 240 об.

⁴ Никита Кудрявцев — комендант Казани.

⁵ ЦГАДА. Ф. 17. Д. 3. Л. 148 об.

родами, которые жили вне пределов Нижней Волги: с восставшими башкирами и каракалпаками. Воевода Терек-Молоствов в декабре 1705 г. доносил Петру I, что терские изменники, «пересылаясь с ханом крымским и с кубанцы и с астраханцы и башкирцы и каракалпаки, соединясь, калмык побить и на твое государство итить». В следующем донесении он выражается еще определеннее: «В августе 1705 г. из Астрахани приехали на Терек, и русские люди крест целовали, а иноверцы куран и меж собою пересылались, чтоб с астраханцами в соединении быть»¹. В донесении от начала 1706 г. он вновь повторяет, что терские жители имеют связь с крымским ханом, с астраханцами, с башкирами и с каракалпаками, «...а ныне воры и изменики стрельцы Тимофей Сопега с товарищи с пыток и при смерти говорили, пишут де астраханцы челобитные для обману проманить до весны, а весною де им терским изменником со астраханцы и с вышеописанными бусурманн итить было хотели всеми головами на Русь и будто тебя великого государя нет в живе и в Казани и в иных многих городах учинилось будто против астраханского...»². К этим донесениям примыкает и сообщение Шереметева от 18 марта 1706 г. из-под Астрахани: «если б не поспешил, конечно б Астрахань разорена была, и имели намерение соединитца с кубанцы и каракалпаки...»³.

Об отношении же башкир к астраханцам ярко свидетельствует следующий факт. Казанский татарин Ишбулат мулла, посланный весной 1706 г. к башкирам, доносил Кудрявцеву: «Они ж, башкирцы, говорят, что будто Астрахани ни взять». Раздраженный этим, Кудрявцев просил Петра I, чтобы захваченных в плен астраханцев «... в Казани и на Уфе и в других к тому приличных городех предать во всенародную казнь, чтобы было таким маловерным ворах и другим памятно»⁴.

А в Башкирии к концу 1705 г. обстановка еще более накаляется. В Казань продолжали поступать сведения о том, что башкиры намереваются усилить свою борьбу с наступлением весны 1706 г. Более того, брожение башкир, по-видимому, отчасти передается русскому трудовому населению края. В декабре 1705 г. капитан И. Пер, служивший в Уфе, доносил в Казань, что в Уфе «... вскорее будет также предделение, как и в Астрахани... готовятся

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 17. Л. 147 об, 136—137.

² Там же. Л. 154.

³ Там же. Ф. 77. Д. 3. Л. 127.

⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5. Л. 243.

к весне, бог ведает, что у них воров в мысли, что башкирцы, тако ж де и солдаты... Да которой полк в Мензелинску стоит, чтобы ево заранее в Казань взяли, потому что у них доброй мысли нет...»¹. Шереметев также сообщил царю в начале 1706 г.: «Писал я к тебе, государь, о башкирцах; во всем противны, а ныне относитца, что имеют недоброе намерение к весне... А здешний народ пуще опасаютца башкирцов, нежели Астрахани...». И он предлагает: «... как я пойду ис Казани, всемерно надобно в Казани люди: лутчая будет крепость и страх в легкомысленном народе»². А в письме к канцлеру Ф. А. Головину Шереметев пишет: «...вторично подтверждая, доношу Вам, что больше надобет от башкирцов опасения иметь, нежели от астраханцев. Вам известно, сколько их много, и каракалпаки с ними, и до самой Сибири все орды. Унимать их будет с трудом. Не надобет их слишком злобить, полно нам покуда шведов»³.

Таким образом, мы видим, что на юго-восточной окраине страны одновременно зашевелились все враждебные царизму силы. Самым важным при этом было взаимное тяготение всех этих разрозненных по местоположению и различных по национальному составу масс друг к другу. Видя борьбу башкир, народы Ср. Поволжья отказываются платить налоги. А башкиры в свою очередь желают успеха астраханцам и открыто выражают им свою симпатию. Астраханцы свои надежды связывают с движением масс в Казани и других городах Поволжья и стремятся установить связи с башкирами и народами Северного Кавказа. Все это было не случайным, ибо гнет царизма, падавший и на русские, и на нерусские массы Ср. Поволжья и Урала, вызывал у тех и у других одинаковую реакцию — протест — и поднимал их на борьбу. Общая причина недовольства вела к постепенному осознанию массами разных народов необходимости совместной борьбы против общего врага. Практически им еще не удалось достичь больших результатов в организации совместной борьбы, но важны наличие этой тенденции, взаимное тяготение русских и нерусских масс в борьбе против царизма. Следовательно башкирское восстание не представляло собой изолированное явление, инспирированное башкирскими феодалами, а было частью общей борьбы угнетенных масс всей России

¹ РГАДА. Ф. 7. Д. 17. Л. 138—138 об.

² Письма и бумаги императора Петра Великого / Далее — Письма и бумаги Петра I. Т. 4. СПб., 1900. С. 524.

³ Переписка фельдмаршалов Федора Алексеевича Головина и Воприса Петровича Шереметева в 1705 и 1706 гг. М., 1851. С. 65—66.

против усиления феодально-крепостнического и национального гнета.

Царское правительство понимало всю глубину грозивших ему осложнений и приняло ряд решительных действий. Против астраханцев как главной опасности в данный момент были отправлены снятые с театра военных действий регулярные полки во главе с фельдмаршалом Б. П. Шереметевым. На народы Северного Кавказа и жителей Терка были натравлены калмыки Аюки¹. А башкир пытались успокоить обещаниями «царской милости». Б. П. Шереметеву сам Петр I лично поручил это дело: «...указал премилостивейший государь усмотреть, буде бы что положено на них в тягость и их своею государевою милостью обнадежить»².

Шереметев, прибывший в Казань 18 декабря 1705 г., освободил из тюрьмы башкир, арестованных Сергеевым, и с ними послал в Башкирию офицера, как он об этом писал: «...чтоб они от своих шатостей отстали и были во всяком послушании и покорстве и для лутчаго уверения, что по указу великого государя приехал в Казань, прислали б ко мне башкирцов из лутчих людей, буде какие есть нужды, чтоб доносили и во всякое своевольство не вступали...»³.

Но башкиры не торопились в Казань, и Шереметеву пришлось отправить к ним второго посланца. В то же время и фельдмаршал не надеялся только на уговоры. Он неоднократно писал в Москву, чтобы увеличили военные силы в Казани⁴.

16 января в Казань прибыл доверенный человек Петра I М. И. Щепотьев, сержант Преображенского полка. Через него Петр I приказал Шереметеву оставить в Казани 4 полка во главе с А. Дмитриевым-Мамоновым; на Уфу послать воеводой «доброего человека», а полк, стоявший в Мензелинске, верность которого была под сомнением, отправить в Муром.

В соответствии с приказом царя Дмитриев-Мамонов, ранее отправленный во главе бригады в направлении Астрахани, был возвращен в Казань. А. Аничков, уфимский дворянин, был назначен воеводой Уфы⁵.

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 17. Л. 154.

² Там же, Ф. 77. Д. 3. Л. 148 об.

³ Там же, Л. 148.

⁴ Письма и бумаги Петра I. Т. 4. С. 524; ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 5.
⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 17. Л. 126, 189; Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Рукоп. отд. Эрмит. собр. № 472/1.

Все сделанные уступки, скопление царских войск в Казани, а также обещание правительства рассмотреть жалобы башкир не могли не возыметь своего действия. Хотя часть повстанцев во главе с Иман батыром по-прежнему стояла за продолжение активных действий, все же общая обстановка в Башкирии немного разрядилась. Значительная часть башкир, в т. ч. и предводитель повстанцев Казанской дороги Дюмей Ишкеев, поверила обещаниям правительства. Они решили воспользоваться предложением Шереметева и добиваться своих целей мирным путем. В этом, несомненно, сказались царистские иллюзии масс, их вера в «доброе» царя. Получив повторные призывы Шереметева, они обратились к Петру I с челобитной.

Эта челобитная была составлена в начале 1706 г., по видимому, на всебашкирском йыйыне. Собравшиеся из своей среды избрали 8 человек¹, которые должны были довести челобитную до сведения царя. Башкиры в челобитной жаловались на новые земельные захваты под видом переобработки рыбных ловель, на новые налоги, которые они прозвали «72 статьями прибыли», и на злодеяния карательной экспедиции во главе с А. Сергеевым. По существу этот документ является ярким обвинительным актом башкирских масс царизму. Под челобитной стоит подпись 75 представителей башкир².

26 марта челобитчики и сопровождавшие их лица прибыли в Астрахань к Шереметеву и подали ему челобитную на имя Петра I. Б. П. Шереметев отправил их в Москву³.

Весной 1706 г. правительство продолжало интересоваться положением в Башкирии. Еще в конце января 1706 г. Н. Кудрявцев и А. Сергеев были вызваны в Смоленск, где в это время находился Петр I⁴. В целом царь одобрил жесткую политику казанских властей по отношению к нерусскому населению края, башкирам в частности. Н. Кудрявцев был облечен полнотой власти во всем Ср. Поволжье. Петр I приказал последнему: «Во всех низовых городех, которые ведомы в Казанском приказе, ве-

---

¹ Тимербулат Якшиванов — от Ногайской; Чурагул Тойгильдин, Ишбай Небесов — от Сибирской; Усей Бегенев, Дюмей Ишкеев, Урсай Мятиков — от Казанской; Таныс Терегулов, Смак Исаев — от Осинской дорог.

² РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—12 об. Полный текст челобитной опубликован автором этих строк в журнале «Агидель». 1966. № 12. С. 76—86.

³ Там же. Ф. 77. Д. 3. Л. 149 об.

⁴ ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 5, № 46.

дать податями и прочими делами... А им, Александру и Степану, с его Никитина¹ совету ведать во всех низовых городех ясашных русских, иноязычников и служилых и других дела, которые ведомы в разных канцеляриях»². Особо указывалось, что они имеют право сменять воевод в этих городах по своему усмотрению. В то же время царь, обеспокоенный развитием событий в крае, рекомендовал казанским властям не пренебрегать и методом уступок. В частности, Петр велел снять новые налоги с башкир³. Эти решения показывают, что правительство пыталось восстановить в крае порядок через укрепление местной администрации. С другой стороны, серьезность положения вынудила власти идти далее по линии уступок. Тем более что первый опыт в этом направлении имел серьезный успех: башкиры приняли предложение Шереметева о подаче челобитной. Видя это, правительство решило шире использовать царистские иллюзии башкир, с чем и было связано поведение Петра объявить им решение о снятии с них налогов.

И после этого центральные власти не ослабили своего внимания к краю. Не успел Кудрявцев вернуться в Казань из Смоленска, он уже получил письмо от Ф. А. Головина, бывшего в то время вторым лицом в стране после Петра I, который писал, что Кудрявцеву «...зело надлежало ведать и донести великому государю, что у вас там чинитца...» и потребовал донести обстановку. В письме от 4 апреля он же сообщает казанским властям, что астраханцы оказали сопротивление полкам Шереметева. Затем он предупреждает их о необходимости держать эту весть в тайне, а если все же пойдет слух об этом, то «инако разглашать» и советует им «не чинить народу озлобления и тягости»⁴.

К тому же после отъезда Шереметева с полками в Астрахань обстановка в крае вновь стала обостряться. Башкиры по-прежнему не подчинялись казанским властям, «посланным от них ис Казани чинят противность», не платили налоги, не давали подводы и укрывали беглых из Поволжья. Нерусское население Ср. Поволжья также отказывалось платить налоги.

В этих условиях казанские власти, ободренные поддержкой царя, продолжали свою старую политику и пытались принудить недовольных к повиновению жесткими

¹ Александр — А. Сергеев, Степан — С. Вараксин, Никита — Н. Кудрявцев.

² РГАДА. Ф. 158. Д. 12. Л. 1—2.

³ Там же. Ф. 77. Д. 3. Л. 143.

⁴ Там же. Ф. 158. Д. 12. Л. 7—7 об, 10.

мерами. Прежде всего они решили заменить поставленного Б. П. Шереметевым уфимского воеводу А. Аничкова, которого они подозревали в «мягком отношении к башкирам». На его место был назначен их доверенный человек казанский дворянин Л. Аристов¹. Затем они пытались помешать башкирам подать челобитную в Москву. Поскольку башкирские челобитчики направились к Шереметеву, то казанские власти писали ему: «Их, башкирцов, по указу царского величества велено ведать нам и от всяких шатостей приводить в покорение и во всякое послушание, а кроме нас никому ни в чем их ведать не велено, а будет ваша милость изволит челобитье их примать и ослабу им чинить, то всеконечно добра некакова ждатель»². Они просили Шереметева отправить челобитчиков к ним в Казань.

Вместе с тем дальнейшее обострение обстановки в крае вынудило Кудрявцева, неоднократно твердившего в своих донесениях в Москву, что башкирам «ослабу давать не надобно», поехать в марте 1706 г., вопреки своим убеждениям, к башкирам для переговоров и объявить им, что «царское величество пожаловал их, указал им платить ясак против прошлых лет, а новонакладного ничего не имать». Но башкиры не поверили Н. Кудрявцеву и приняли обещание за очередной обман. По словам Кудрявцева, их реакция была следующая: «они, выслушав, поклонились, а повидимому знатно, что неусередно то приняли». Когда он требовал, чтобы башкиры не принимали беглых, то «они того и слушать не хотели и сказали, что они беглых никого не знают». Затем Н. Кудрявцев предложил им объяснить причину их неповиновения властям и отказа давать подводы. Башкиры на это сказали: «...и впредь давать не будем никому... полно де нам с тобою говорить, ты де ездешь без государева повеления собою, чтоб де денег больше собралось» и прекратили с ним всякие переговоры. Затем посланный от башкир сказал Кудрявцеву: «Прислали де его начальники и все мирские люди сказать: слышно де им, что едет на Уфу воеводок Лев Аристов, и они де ево, Льва, не пустят, у них де хорош воевода Александр Аничков»³.

После этого Кудрявцеву ничего не оставалось, как вернуться назад. Притом эти переговоры состоялись не в Уфе, куда Кудрявцев при такой враждебности башкир

¹ РГАДА. Ф. 77. Д. 3. Л. 134 об.

² Там же. Л. 135.

³ Там же. Л. 143—143 об.

не осмелился ехать, а в 200 верстах от Уфы. Пока он не покинул пределы Башкирии, по его пятам шли вооруженные башкиры¹.

Большим успехом восставших было то, что они сумели вырвать у правительства обещание снять новые налоги. Но сейчас этой уступки было недостаточно для успокоения края. Поведение башкир во время переговоров с Кудрявцевым, их открытое заявление о неповиновении казанским властям говорили об их твердой решимости продолжать борьбу.

Казанские власти в свою очередь не оставляли надежды покорить башкир силой. Сразу после возвращения Кудрявцева в Казань Л. Аристов, назначенный воеводой г. Уфы, направился к месту своего назначения. Но восставшие преградили ему путь в 200 верстах от Уфы.

Это было как бы сигналом для начала активных действий, развернувшихся в 1706 г. В разных местах Казанской дороги начались столкновения башкир с царскими отрядами. Восставшие также нападали на крепости. Казанские власти доносили: «...в тех числах здесь от башкирцов многое воровство за Камою рекою. Села и деревни вырубали и выжгли и в полон людей и стада поимали прибегаючи незнапно изгоном так же, как и в прошлых летех»². Когда в апреле 1706 г. А. Сергеев приступил к строительству новой крепости на башкирской земле по р. Самаре, то крепость стала объектом нападения восставших. Отряды повстанцев действовали также в окрестностях Самары, Сергиевска, Саратова и в пределах Симбирского уезда. По донесению А. Дмитриева-Мамонова, в апреле башкиры «...собрався, разорили Синбирского уезду да Казанского уезду две деревни и выжгли, людей 100 человек взяли в полон, 47 человек побито, 30 человек ранено». 6 мая он же сообщает, что «...башкирцы воровские люди разорили деревни и хотят приходить и разорить Сергиевский городок, что близ Самары... а по ведомостям, государь, тех вышеописанных воров башкирцов 500 человек»³. О действиях восставших около Саратова известно по донесению Б. П. Шереметева от 16 июня 1706 г. Он опасался, как бы стрельцы, участники Астраханского восстания, «...не пристали к башкирцам и к ка-

¹ РГАДА. Ф. 77. Д. 3. Л. 143—143 об.

² Там же. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5. Л. 242 об.

³ Там же. Ф. 108. Оп. 2. Д. 1. Л. 4, 8, 9.

ракалпакам, которые ныне воруют около Саратова и Самары»¹.

В центре Ногайской дороги продолжали действовать башкиры во главе с Иман батыром. Эту весть привезли в Казань татарские мурзы, ездившие в мае 1706 г. к башкирам для переговоров. Башкир Ногайской дороги Минской волости Юмагулов сказал им: «...воруют и деревни разоряют башкирцы тое ж дороги Иман батыр с товарищи»². Скопление вооруженных башкир, возможно, и отдельные активные их действия имели место в пределах Осинской и Сибирской дорог, близ границ Кунгурского уезда. 2 июня 1706 г. кунгурский земский староста доносил: «И в нынешнем 706 году они, Уфинского уезду башкирцы и татары, стоят в скопе для воинского случаю многое число в Казанском и Уфинском уездах, русских людей села и деревни разоряют. И от того их, башкирского и татарского собрания, кунгурские крестьяне в уездах, в селех и в деревнях и домех своих жить и в полях пашни пахать не смеют, съезжаются в город Кунгур з женами и з детьми и з запасом...»³.

Итак, возобновившиеся в марте 1706 г. активные действия восставших шли в основном в Казанской и Ногайской дорогах. Сбор вооруженных отрядов имел место и в Сибирской дороге.

Восставшим противостояли, кроме гарнизонов Уфы, закамских крепостей, Самары и Симбирска, полки, сосредоточенные в Казани под командой стольника А. Дмитриева-Мамонова. Там находились солдатский полк, состоявший из 1000 человек, казанский полк — 500 человек, отряд татарских феодалов — 1379 человек и пришедший в Казань 1 марта 1706 г. полк курских солдат полковника И. Рыдаря⁴.

Этих сил едва хватало для обороны городов и крепостей, куда нападали башкиры. Поэтому Дмитриеву-Мамонову, возглавлявшему военные силы края, пришлось пустить в ход и дипломатию. Для переговоров с восставшими использовались татарские феодалы и муллы.

Борьба с восставшими в какой-то мере облегчалась тем, что среди них не было полного единства по всем вопросам. Все они были единодушны в неподчинении властям и в отказе платить налоги. Но в развернувшихся

¹ РГАДА, Ф. 6. Д. 17. Л. 95.

² Там же. Ф. 158. Д. 12. Л. 15 об.

³ Там же. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 876. Л. 18—19.

⁴ Там же. Ф. 108. Д. 1. Л. 1—4; ЛОИИ, Ф. 83. Карт. 5. № 18: Письма и бумаги Петра I. Т. 4. С. 9.

активных действиях участвовали жители не всех волостей. Во главе башкир, которые не участвовали в активных действиях, стояла группа феодалов Казанской и Ногайской дорог Уразай, Кусюм Тюлекеев, Глеш Бегенешев. К этим колебавшимся и направил Дмитриев-Мамонов 30 апреля 1706 г. 6 человек казанских татар во главе с князем М. Яушевым «для проводывания подлинных ведомостей, что которых дорог и юртов башкирцы заворовались». Послы присутствовали на йыйыне, состоявшемся в дер. Ташлы Казанской дороги, где участвовали около 1500 башкир. Затем в дер. Бачанове Ногайской дороги собралось свыше 500 человек. По данным Яушева, на этом сборе были и жители Осинской и Сибирской дорог. После этих сборов башкиры сказали послам, что они не «изменили» и не имеют связей с восставшими, и добавили: «они... о всяких своих нуждах послали челобитчиков к тебе великому государю и ждут де они к себе твоей великого государя милости обо всяких своих нуждах...» В то же время они отказались выступать против башкир, которые вели активные действия. На подобное предложение они ответили: «они де посылать от себя для поимки тех воров не смеют и о том де их Иманове батыря стоварыщи воровстве волен»¹. Этот ответ показывает, что повстанцев, вставших на вооруженную борьбу, было значительное число. Многие башкиры, сочувствуя сторонникам активных действий, сами еще ожидали результатов челобитной, поданной царю. Именно этим объясняются их неопределенные ответы посланцам из Казани.

А казанские власти продолжали посылать своих людей для уговаривания башкир. В мае 1706 г. к ним ездил Ишбулат мулла, в июле — татарский князь Ф. Асанов².

Тем временем 8 башкирам-челобитчикам с помощью Б. П. Шереметева удалось добраться до Москвы. А казанские власти все еще не оставили свои козни против них. 3 июня 1706 г. в донесении Петру I они писали, что в крае спокойно, кроме Башкирии. Затем они просили: «...чтобы вору, которые отпущены от фельдмаршала, присланы были в Казань за караулом, то чаем быть смиренным, понеже милость к состоянию имеют под страхом, а то многие надеются, что им никогда ни за что отплаты и нималого наказания и за многое воровство не бывает»³.

С другой стороны, к лету 1706 г. произошло заметное

¹ РГАДА. Ф. 158. Д. 12. Л. 14 об — 15 об.

² Там же. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5. Л. 242 об.

³ Там же. Л. 239.

изменение общей обстановки в крае, в частности в Ср. и Нижнем Поволжье. Было подавлено Астраханское восстание. Наступило определенное замирение и на Средней Волге. Лишь в Башкирии по-прежнему было беспокойно. В этих условиях правительство почувствовало себя более уверенным и отказалось продолжать политику уступок по отношению к башкирам. Петр I вместо рассмотрения их жалоб повелел выдать приехавших в Москву башкир в руки тех, на кого они жаловались. 8 июля 1706 г. он писал Ф. А. Головину: «Воров башкирцов, которых в Посольской приказ прислал с Низу господин фельдмаршал Шереметев, Дюмейка Ишкеева с товарищи, для подлинного розыску отошли в Казань, к Никите Кудрявцеву»¹. 18 июля 1706 г. челобитчики под охраной 20 солдат и стрельцов как колодники были отправлены в Казань, куда прибыли 3 августа².

Казанские власти учинили «подлинный» розыск: после многих пыток Дюмея Ишкеева повесили, а остальных посадили в тюрьму. Этот приговор предварительно был согласован с Москвой³.

Московские и казанские власти обманули недовольных башкир и жестоко расправились с их представителями. Они надеялись таким путем напугать недовольные массы. Однако они просчитались: вместо успокоения произошло еще большее обострение обстановки. Расправа с челобитчиками заставила взяться за оружие и тех, кто, несмотря на все злодеяния царских слуг, продолжал еще надеяться на царя.

Всеобщее возмущение охватило Башкирию. Но оно не сразу вырвалось наружу. В крае наступило временное затишье, которое башкиры использовали для того, чтобы собраться с силами и, подготовившись, обрушиться на царские отряды и крепости.

Итак, мы рассмотрели начальный период восстания. Оно началось в октябре 1704 г. как протест против деятельности прибыльщиков. С весны 1705 г. развернулась вооруженная борьба, которая сочеталась с отказом повиноваться местным властям, платить налоги и выполнять другие повинности. Не сумев подавить движение вооруженным путем, правительство вынуждено было идти на уступки, которые внесли известный раскол в ряды пов-

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 4. С. 290.

² Архив Внешней политики России (Далее—АВПР). Ф. Башкирские дела. 1723 г. Оп. 108/11. Д. 4. Л. 16 об—19.

³ ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 6. № 91.

станцев. Но после подавления Астраханского восстания оно возобновило по отношению к башкирам прежнюю крутую политику, которая привела к новому обострению обстановки.

§ 2. Этап наивысшего размаха движения (1707—1708 гг.)

К новому массовому выступлению недовольные готовились около года. Внешне в крае было спокойно. На деле же год прошел напряженно: башкиры энергично собирали силы, а власти искали средства предупредить движение масс. По волостям и «дорогам» происходили йыйыны (съезды), где принимались решения подняться на вооруженную борьбу.

Повсеместно в Башкирии создавались отряды повстанцев, устанавливались между ними связи. Следующий факт отражает, по-видимому, этот процесс. 12 октября 1707 г. приказчик Белоярской слободы известил майора Угрюмова, что крестьяне, которые ехали «ис Камени от слюдного промыслу» предупредили крестьян Белоярской слободы, что «слышали де они от мешчеряка от Ибрая, чтоб русские люди Белоярской слободы и деревень от воинских людей башкирцов жили опасением и скота никакова на полях не держали, башкирец де Икенбет Бекетин уехал вверх по Миясу реке збивать свою братью башкирцов русские слободы и деревни воевать»¹.

Важной была материальная подготовка восстания. Население делало стрелы, луки, копыя и готовило продовольствие. На случай прихода карательных отрядов надо было позаботиться об укрытии женщин и детей в безопасные места. Башкиры имели определенное число огнестрельного оружия. Порох и ружья они покупали у русского населения. Пойманный в январе 1708 г. участник восстания Иликей говорил, что башкиры Сибирской дороги «ружье и порох покупали в прошлых годех в Уфинском уезде и в вотчине имянитого человека Строганова у крестьян его и уфинских жителей»².

Когда формирование и сосредоточение отрядов стало невозможным скрыть от царских властей, то башкиры пускали в ход хитрость. Так, в августе 1707 г. чуваш, посланный ими в Ялуторовскую слободу, говорил начальнику драгун в Зауралье: «ездил Нагайской дороги баш-

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 66 об.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297. Л. 34—35.

киретин в вершины Тобол и видел в тех вершинах черные калмыки с женами и детьми, и башкирцы де на них наряжаются; а пойдут ли или нет, того подлинно не знает»¹. Ясно, что это сообщение сделано для отвода глаз.

Организаторы движения Алдар Исянгильдин, Кусюм Тюлекеев и другие хорошо понимали необходимость союзников в предстоящей борьбе. Мы выше отметили, что башкиры имели связи с народами Ср. и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа еще в 1704—1705 гг., но царскому правительству удалось сорвать их совместное выступление. Сейчас они решили восстановить их. В феврале 1708 г. пленный участник восстания Б. Акбулатов показал на допросе, что башкиры в 1706—1707 гг. «...посылали в Казанской, в Синбирской, в Саранской, в Алаторской уезды Уфинского уезду Нагайской дороги деревни Каршибаш мешчеряка Арасланку, чтоб тех уездов татара все были с ними в соединении... И Казанского уезду к их воровству татара дали слово...»². Думается, что Араслан был лишь одним из многих послов, которые были направлены башкирами к народам Среднего Поволжья накануне подъема 1707 г.

Повстанцы также решили договориться с народами Северного Кавказа. Летом 1706 г. представители башкир во главе с Муратом, выдавшим себя за султана башкир, на деле являвшимся одним из видных организаторов восстания, сумели побить у народов Северного Кавказа и установить с ними связь. Некоторые из них обещали поддержать башкир³.

Кроме установления связей с угнетенными народами России башкиры попытались опереться и на поддержку Крыма и Турции. Характерно, что на этот шаг они решились после того, как царь Петр I вместо обещанных им милостей выдал их челобитчиков в руки казанских властей. По данным источников, дело обстояло так: как только башкиры узнали о расправе со своими челобитчиками, то они решились вновь поднять восстание и обратиться за военной помощью к Крыму. Поскольку было ясно, что нельзя рассчитывать на безвозмездную помощь, то им пришлось завуалировать свою основную мысль просьбой дать им хана. Посылкой делегации непосредственно занимались «лучшие» башкиры Хази Аккускаров и Алдар Исянгильдин. Из Башкирии выехала группа в 27

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 61.

² Материаль... Ч. 1. № 91. С. 225.

³ Там же. № 97, 104. С. 232, 240.

человек во главе с Муратом. Доехав до Волги, 9 человек отправились через Кубань в Крым, остальные башкиры возвратились домой. В конце июля посланцы были уже в Крыму. Крымский хан не решился сам поддержать башкир и отправил их к султану в Турцию. Но и от султана башкиры получили отказ¹.

Переговоры же с народами Северного Кавказа закончились успешно. Под именем башкирского султана Мурат развил здесь активную деятельность. Башкир поддержали народы, живущие вблизи крепости Терек и по Кубани: чеченцы, мичкисы, аксайцы, тавлинцы, кумыки, ногайцы, аграханские казаки и казаки-раскольники с Кубани. Вероятно, стороны обменивались представителями. В частности, известен приезд представителей народов Северного Кавказа в Башкирию в 1707 г. А в нападении в феврале 1708 г. на Терскую крепость, о чем будет еще сказано, участвовал и башкирский отряд². По-видимому, этот отряд пробрался на Северный Кавказ во второй половине 1707 г.

Организаторы нового подъема борьбы Алдар и его товарищи проделали большую подготовительную работу. Они сумели привлечь на свою сторону нерусское население края и соседних уездов. Была сделана серьезная попытка втянуть в восстание некоторые народы Северного Кавказа, жившие на р.р. Терек и Кубань.

Не менее важным в деле подготовки восстания был вопрос о программе борьбы. Под программой мы разумеем общепринятое в советской историографии понимание ее как совокупности требований участников восстания. Тесно связан с программой движения и вопрос о хане, который появился среди восставших. Первые вести о появлении среди башкир хана дошли до уфимских властей летом или осенью 1707 г. В конце 1707—начале 1708 г. сведения приобрели более конкретный характер. Но организаторы восстания данный вопрос решали в 1706—1707 гг.

Источники, содержащие материалы о предводителях борьбы, упоминают личность под именами хана, султана, Хазия султана. Уфимские власти называют его самозванцем султаном, башкиры Сибирской дороги — царем Салтаном. В донесении неизвестного автора он назван башкирским ханом, повстанец У. Бимяков считает его ханом

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 176—177; Материалы... Ч. 1. № 105. С. 240—241.

² Материалы... Ч. 1. № 21, 97. С. 115, 116, 220, 233.

Султан-Муратом из Кубани, Б. Акбулатов — ханом Султаном-Хазии и добавляет, что он святой, его могут видеть лишь крупные предводители восставших¹.

Особый интерес приобретают в связи с этим показания Кильмяка Нурушева, активного участника восстания 1704—1711 гг., ставшего затем главным руководителем восстания 1735—1736 гг., данные в 1737 г. на допросе. Он мог говорить о событиях 30-летней давности более правдоподобно. Кильмяк прямо называет главным предводителем восстания 1704—1711 гг. наряду с Алдаром башкира Ногайской дороги Хазия Аккускарлова². А источники по истории восстания 1704—1711 гг. странно молчат о деятельности Хазия в те годы, но зато в них говорится о башкирском хане и салтане, действовавшем всегда вместе с Алдаром. Замечание Кильмяка, что его самого ханом никто не называл, наталкивает на мысль о том, что в те годы хан был выдвинут из среды самих башкир. По-видимому, титул хана-султана был дан одному из руководителей восстания, которым являлся Хазия Аккускарлов. Ореол святого и ограничение лиц, общающихся с «ханом», нужны были, очевидно, для того, чтобы поднять авторитет не только самого «хана», но и остальных руководителей.

Итак, один из предводителей восстания был объявлен ханом. Состояние источников не позволяет однозначно оценить смысл этого акта. Можно лишь строить разные предположения. Несомненно, одна из его целей — это стремление поднять и объединить все башкирское и другое нерусское население края с тем, чтобы заставить русский царизм идти на уступки.

Однако в конкретных условиях 1706—1708 гг. дело состоялось не только в этом. Как сказано выше, царь Петр I летом 1706 г. вместо обещанного рассмотрения челобитной башкир выдал приехавших в Москву их послов в руки казанских властей на расправу. Другими словами, сам русский царь обманул восставший народ и тем нанес большой удар по своему авторитету среди башкир. Возмущению последних не было предела. Башкиры потеряли доверие к Петру I. Они решили не только подняться на борьбу, но и вполне могли прийти к выводу о необходимости отказаться от русского подданства. Пленный участник восстания татарин Буляк Акбулатов показал на допросе в феврале 1708 г. следующее: «А башкирцы Уфинско-

¹ Материалы... Ч. 1. — 21, 79, 90, 91. С. 116, 120, 212, 223, 225 РГАДА. Ф. 199. № 243. Карт. 3. Д. 8.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 167—180.

го уезду батыры Алдарко, Кусумко, Уразайко и всех дорог башкирцы, также и мещеряки Иманко да Келманко Кулаевы с товарищи, и черемиса Уфинского уезду начали мыслить к воровству тому четвертой год, чтоб им всем под рукой и под волею великого государя не быть... И положили Салтан-Хази з башкирцы, чтоб им вора башкирцам и Казанского уезда татаром русских людей всех прирубить, и всех уездов иноверцев возмутить и к воровству своему соединить и иттить под Казань всеми людьми. И взяв де Казань, тому вору Салтану-Хазе быть в Казани...»¹.

Таким образом, на определенном этапе борьбы за свои права башкиры отказались от русского подданства. Но вполне возможно, что этот лозунг поддерживали не все восставшие.

Царские власти, с своей стороны, зорко следили за обстановкой в Башкирии. Известие о том, что башкиры обратились к крымскому хану за помощью, серьезно встревожило царское правительство. 27 сентября 1706 г. оно предупредило об этом своего посла в Турции: «Известно нам учинилось, что де в июле месяце нынешнего 1706 г. приехали в Крым уфимской де башкирской де сотник и с ним 9 человек башкирцов»². Русский посол должен был принять все меры, чтобы Крым не оказал помощи башкирам.

Были поставлены в известность о связях башкир с Крымом и казанские власти. Правительство потребовало от них, чтобы они смотрели: «...крепко над оным недреманным оком, чтоб де не учинили какова зла»³.

Предпринимались также меры по увеличению военных сил в Казани на случай возобновления восстания башкир. После подавления Астраханского восстания сюда были направлены драгунские полки В. Шереметева, И. Болтина и Ю. Урна. Часть войск была придвинута вплотную к западной границе Башкирии, отчасти расположилась на земле башкир Казанской дороги. Ранней весной 1707 г. бригада А. Дмитриева-Мамонова была направлена в г. Сергиевск, позднее туда же прибыл отряд татарских феодалов. К реке Каме был направлен подполковник Л. Есипов с солдатами⁴.

В Уфе в это время воеводой был Лев Аристов, кото-

¹ Материалы, ч. 1. № 91. С. 225.

² РГАДА. Ф. 123. Д. 2. Л. 2.

³ Письма и бумаги Петра I. Т. 5. С. 452.

⁴ ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 9. № 118; РГАДА. Ф. 158. Д. 26. Л. 3.

рому в 1706 г., хотя и с боями, удалось пробиться в г. Уфу. Вот как башкиры охарактеризовали его деятельность: «Лев Аристов приехав в Уфинский уезд, взяв к себе выборных их людей, сковав, посадил в тюрьму, и с тех выборных людей, и с недорослей, з детей, которые по 5 и по 6 и по 7 лет, спрашивал рублевых денег и скованных сажал в тюрьму...»¹. Получив из Казани весть о поездке башкир к крымскому хану, уфимский воевода послал в башкирские волости людей для разведки. Посланцы привезли ему сведения о приезде представителей кубанцев к башкирам Ногайской дороги, к Алдару в Бурзянскую волости, в частности.

Воевода решил перехватить их и в сентябре 1707 г. направил в Ногайскую дорогу отряд во главе с князем Иваном Ураковым. Но каратели опоздали, к этому времени послы уже уехали. В отместку Ураков решил наказать башкир. Его отряд стал разорять жителей Бурзянской волости. Он насильно взял 16 башкир в аманаты. Кроме того, во время этих бесчинств были ограблены и многие деревни, убито несколько человек. В числе других были разорены и дома Алдара, Юлыш батыра и других. Насилие отряда Уракова вынудило башкир взяться за оружие, и произошел ряд стычек.

В этой обстановке башкиры решили начать массовую борьбу. Организаторы восстания разослали гонцов во все «дороги» с призывом, чтобы всем собраться в окрестностях г. Уфы. Об этом башкир Сибирской дороги Елпа говорил: «Стоит наш царь Салтан под Уфинским городом на речке Чесноковке в 3000-х, и с Ураковым у него де Салтана был бой и прислал де к ним в вотчины башкирские свое знамя и коня и велит под знамя нам, башкирцом, всем збираться и притти к себе в войско под Уфинский город на Чесноковку речку и хочет Уфинский город взять»².

В октябре 1707 г. под Уфой, по-видимому, произошло несколько столкновений восставших с царскими отрядами.

Местные власти решили бросить против повстанцев крупные силы, чтобы подавить восстание в зародыше. Тем более, в их распоряжении имелись значительные военные силы. Кроме гарнизонов Уфы, Самары, Симбирска и закамских крепостей, в самой Казани было 6 полков солдат и драгун, конный отряд татарских феодалов из 1380

---

¹ Материалы, Ч. 1, № 119. С. 262.

² Там же. № 79. С. 212.

человек; в Зауральских слободах, кроме беломестных казачков, было 1000 драгун¹.

В конце октября 1707 г. драгунский полк С. Аристова и солдатский полк И. Рыдаря направились из Казани в Уфу. Пока они находились в пути, усиленный полк П. Хохлова, состоящий из 1300 человек и имеющий 5 пушек, вышел из Уфы и направился против башкир Ногайской дороги. Но этот поход не смутил башкир. Крупные их отряды появились в районе Уфы и Соловарного городка. В частности, Кусюм Тюлекеев во главе 5000 башкир Казанской дороги находился около Уфы, а Алдар во главе 3000 башкир Ногайской дороги — в окрестностях Соловарного городка. Наготове стояли жители Сибирской дороги, о чем доносили в Тобольск приказщик Уктусских заводов и командир драгунского полка И. Аршинский². Часть башкир Сибирской дороги находилась вместе с повстанцами Ногайской дороги в районе г. Уфы и Соловарного городка. О начале восстания башкиры, по-видимому, известили и народы Северного Кавказа, Среднего Поволжья и каракалпаков.

В борьбе против царских властей восставшие применили военную хитрость. Кусюм выдал себя за сторонника властей и присоединился к полку П. Хохлова. Царские власти, основным девизом которых в управлении угнетенными народами было «разделяй и властвуй», думали и на этот раз прибегнуть к этому приему и подавить восстание башкир руками самих же башкир. Но в данном случае каратели жестоко просчитались, ибо этот прием обернулся против них.

Повстанцы вели постоянное наблюдение за движением Хохлова. Когда он достиг урочища Юрак-тау, расположенного в 30 верстах от Соловарного городка, башкиры напали на него. Объединенными усилиями отрядов Алдара и Кусюма полк был окружен и после 10-дневной осады был разбит, как об этом сообщили в Уфу: «Воры башкирцы... соединясь с другими с ызменники с башкирцы ево, Хохлова, с уфинскими ратными людьми на степи осадили и морили 10 дней и ночей, ни пить, ни есть, ни спать не давали, переменяючи приступали и как люди от голоду и от бессоницы обезумели и они, воры, обоз ра-

¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 91. Л. 4—6 об; ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 9. № 118; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15, Л. 58—59; Материалы... Ч. 1. № 95. С. 228—229.

² Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 66 об; Материалы... Ч. 1. № 79. С. 212.

зорвали и побили и в полон взяли»¹. Остатки полка во главе с раненым командиром пробились в Соловарный городок: «их де уфинцев от того полку только осталось вышеописанное число 370 человек и в том числе много раненых... а от них, башкирцов, едва они отбились». В руки победителей попал весь обоз и военные припасы, в том числе 5 пушек и много мелкого оружия². Соловарный городок оказался в осаде.

Когда в Уфе стало известно о поражении полка Хохлова, против восставших двинулись полки С. Аристова и И. Рыдаря. С непрерывными боями они шли в сторону Соловарного городка. Особенно ожесточенный бой произошел около деревни Горной. Царским полкам удалось пробиться в осажденный Соловарный городок.

Во время этих боев обе стороны понесли крупные потери. Полк Хохлова был выведен из строя, сам Хохлов был ранен, а полки С. Аристова и И. Рыдаря понесли значительный урон. О потерях восставших полных данных нет. Известно только, что было убито 3 батыра, в том числе Иман батыр, один из видных предводителей восстания, начавший вооруженную борьбу еще в 1705 г. Был ранен Кусюм³.

Разгром восставшими регулярного царского полка, а затем успешные действия против полков С. Аристова и И. Рыдаря имели большое значение для дальнейшего хода восстания. Весть об этом распространилась по всей Башкирии. Башкир Сибирской дороги, которая находилась довольно далеко от места боев, сказал на допросе в Кунгуре, что слышали они, как ногайские башкиры уфимский полк прибили⁴.

Восстание в крае росло и ширилось. Башкиры повсеместно поднимались на борьбу. Их поддержало остальное нерусское население Башкирии. Об этом говорили на допросах сами участники восстания, попавшие в руки царских властей. Тюменский казак П. Губарев, который осенью 1707 г. побывал в Уфе, рассказал при возвращении: «...уфинцы в отъезжем карауле в разных числах поймали языков башкирцов человек с 30, и те де языки говорили в распросех, что де их в соединении заодно башкирцы, черемисы, мещеряки многолюдство...»⁵.

¹ РГАДА. Ф. 199. № 243. Ч. 3. Д. 8.

² Материалы... Ч. 1. № 95. С. 229—230.

⁴ РГАДА. Ф. 199. № 243. Ч. 3. Д. 8; Материалы... Ч. 1. № 82, 91.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297, Л. 35.

⁵ Материалы... Ч. 1. № 80.

К середине декабря 1707 г. все города и крепости Башкирии потеряли связь друг с другом, и многие из них были осаждены восставшими. В осаде оказалась и Уфа. Карательные полки С. Аристова и И. Рыдаря, понеся значительные потери, были вынуждены укрыться в Соловарном городке. Спустя некоторое время им удалось пробиться в Уфу¹.

Кроме Уфы и Соловарного городка особенно сильные бои шли в районе закамских крепостей, Сергиевска, Билярска, Каракулина и Сарапула. Характеризуя сложившуюся обстановку в Башкирии, Н. Кудрявцев писал А. Д. Меншикову: «уфинские воры башкирцы весьма ныне воруют, разоряют Казанский уезд, которые места смежны с ними, русские села и деревни жгут и людей побивают: а на Уфе, как состоитца, ниже ведаем, понеже везде дороги и пути от Казани заняли»². Дьяк Посольского Приказа доносил еще определеннее: «башкирцы весьма забунтовали и обобрали будто себе хана и осадили город Уфу, в котором будто регулярных войск с три тысячи обретается»³. А. Сергеев и С. Варакин 3 января доносили Меншикову из Казани, что «воры башкирцы к воровству умножаются. Взятый башкирец, которого господин подполковник Шереметев взял в подъязде, к нам прислал, в роспросе и с пыток сказал, что к воровству их из иноязычников пристаёт много, и на Уфу и с Уфы никого не пропущают... А казанские пригороды Сарапул, Каракулино, Заинск осадили и под Каракулиным приступ был, ... однако ж ничего не учинили. А другие их братья, воры, подошли в иноязычные деревни близ села Ялабуги и возмущение другим иноязычникам чинят, к себе в помощь призывают»⁴.

Во второй половине декабря 1707 г. восставшие перешли р. Каму, осадили Каракулино, Сарапул и приблизились к Елабуге. На этой огромной территории действовали отряды, состоящие из башкир всех 4-х дорог и другого нерусского населения края. В частности, отряды башкир Тамьянской и Кипчакской волостей Ногайской дороги действовали в районе Каракулино, затем они переместились в окрестности Заинска. Они незадолго до этого участвовали в разгроме полка П. Хохлова, и сейчас, оказавшись в западной Башкирии, рассказывали об этом сражении башкирам Казанской дороги, поднимая их дух⁵.

¹ Материалы... Ч. 1. № 82.

² Там же. Ч. 1. № 80. С. 212—213.

³ Письма и бумаги Петра I. Т. 6. С. 604—605.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 81. С. 214.

⁵ Там же. № 82.

В ходе борьбы повсеместно из среды масс выдвигались умелые предводители, которые возглавляли местные очаги восстания. В районе Мензелинска и Заинска местными вожаками восставших были абызы Ахмет и Тойка. Взятый в плен участник восстания К. Куксеев говорил, что «...прислали те абызы к ним палку с тавром и письмо, чтоб они шли с ним воровать, и той же их Кутлумаметковы деревни татара к воровству с теми обызы соединились». Местные башкиры и татары вели совместные действия с повстанцами Ногайской дороги и во главе с Нагайбахча и Кульчюрком. Об этом Куксеев сказал: «И он де Кутлумаметко с Кулчюркиным сыном человек з 20 по повелению воров Кулчюрки с товарищи были на карауле близ Заинска в деревне Баграш, а в других деревнях с ним Кулчарком с товарищи были, чтоб не пропустить в Мензелинск ратных людей. А посланного де, которой посылан для наряду под полк подвод, побили башкирцы Албьячка с товарищи»¹.

Лишь в Зауралье в этот период не велось вооруженной борьбы. Но часть сибирских башкир участвовала в боевых действиях в центре и на западе Башкирии.

Не сумев подавить восстание в Башкирии, царские власти старались помешать его распространению на Казанский и другие соседние уезды. В районе закамских крепостей действовала бригада Дмитриева-Мамонова и драгунский полк В. Шереметева. В конце декабря 1707 г. в помощь к ним были посланы новые силы. Н. Кудрявцев доносил Петру I: «...посланы на Елабугу и к закамским местам, где воровство башкирское, для охранения тамошних пригородов и мест от них, воров, ратные люди конные и пешие с начальствующими офицерами от нас определенны»². Но и эта задача оказалась не под силу царским отрядам.

В самом конце декабря 1707 г. восставшие добились новых успехов. Они взяли крепость Заинск и двинулись дальше на запад, о чем 1 января 1708 г. из Новошешминска сообщили в Казань: «...воры башкирцы пригород Заинск выжгли и людей порубили и идут большим собранием и под Новошешминск»³. Ожесточенные бои развернулись в районе Новошешминска, Билярска, Сергиевска и Мензелинска. 7 января 1708 г. Н. Кудрявцев доносил Петру I: «...башкирское воровство умножается и татара

¹ Материалы... Ч. 1, № 82.

² Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 609.

³ Материалы... Ч. 1, № 82.

Казанского уезда многие пристали и многие пригородки замские, также и на Казанской стороне Камы реки дворцовое село Елабугу осадили. И ис тех пригородков Заинск, который от Казани расстоянием двести верст, сожгли и людей порубили, а иных в полон побрали»¹. Действия восставших активизировались и в районе Каракулина и Сарапула. Они попытались штурмом овладеть Каракулином, но взять его не смогли². Села и деревни вокруг Сарапула были взяты восставшими, а Сарапул осажден. 26 декабря 1707 г. воевода Сарапула П. Лосев доносил: «пришли из-за Камы воры башкирцы и черемисы под село Сарапул... и в Сарапульского присуду село Березовку и деревни Буи, Тарасову, Ташкинову, Касеву, Китаеву, Глухову, Шадрину, Отросову, Мостовую и ясашные многие деревни выжгли и многих крестьян порубили и полонили... и ныне же он в селе Сарапуле со крестьяны от них башкирцов и черемисы и от татар сидит в осаде и стоят де они верстах в двух и уезд беспрестанно разоряют и жгут и по Казанской дороге в Казань и з Казани не пропускают и в полон берут». Восставшие угрожали Осе и готовились вторгнуться в пределы Кунгурского уезда³. Повстанец Иликей, пойманный в Кунгурском уезде, сказал на допросе, что «...в Уфинском уезде за Красным Яром на озере осталось в скопе тысячи з два и генваря 6 дня они башкирцы будут в деревне Турыш Кунгурского уезда, оттуда пойдут в Кунгурской уезд... затем хотят итти Торговишскому острожку... Осинской дороги башкирцы, мешчеряки и черемиса и вотяки тысяча з три хотели притти в Кунгурской уезд разорять и под Кунгур. Они с башкирцы Сибирской дороги заодно... Башкирцы и мешчеряки, черемиса и вотяки Сибирской и Осинской дороги будут воевать двух сторон разными полками нынешнего числа или завтра, а к бунту де тех башкирцов возмутитель Сибирской дороги башкирец Менлигуза»⁴.

7 января повстанцы ворвались в Кунгурский уезд и при поддержке местных татар заняли села Златоуст, Преображенское, Введенское, Никольское, Медянское, Покровское и другие пункты, расположенные в южной части уезда. В Кунгуре стали спешно готовиться к осаде. Воевода хотел укрепить полые места в городской стене, починить ружья и пушки, раздать солдатам, «грацким и уезд-

¹ Письма и бумаги Петра 1. Т. 7. С. 607—608.

² Материалы... Ч. 1. № 81.

³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 198—199.

⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297. Л. 33—35.

ным людям ружья, расставить пушки в необходимых местах и выделить караулы. Он также обратился в Москву за подкреплением»¹.

Восставшие хорошо понимали, что их сила в поддержке масс. Поэтому впереди них обычно шли гонцы, призывая население присоединиться к ним. Это приобретало особенно важное значение, когда восстание стало распространяться на соседние уезды. В частности, группа башкир Сибирской дороги в начале января 1708 г. с этой целью была послана в Кунгурский уезд. Один из них, Иликей, попал в руки царского отряда, и на допросе сказал: «708 году генваря 4 дни Уфинского уезда Сибирские дороги из деревни Озерной башкирцы Арахмангул Емметев, Абдул Иванов с товарищи послали ево Иликея с товарищем з Бексентеем в Кунгурской уезд в деревню Турыш подзывать татар к себе в согласие»².

Повсюду угнетенные нерусские массы с нетерпением ожидали прихода восставших, и нередко, едва получив известия о приближении башкир, вооружались и выступали к ним на соединение. Когда в Кунгурском уезде распространились слухи о предстоящем приходе восставших, то, по сообщению приказчиков из чюсовских городков, «...верхомуллинские и култаевские башкиры вооружаясь отъехали и збираются на Тулве на речке Барду многолюдством...», чтобы присоединиться к восставшим. В ряде случаев слух о восстании в Башкирии приводил к волнениям. Так было с хантами Карынской волости Вятского уезда³. Все это говорит о том, что недовольство гнетом царизма повсеместно достигло крайней степени.

Таким образом, вооруженная борьба башкир, возобновившаяся в сентябре 1707 г., вскоре охватила всю Башкирию. В декабре восстание перекинулось на Казанский уезд, в начале января 1708 г. распространилось и на Кунгурский уезд. Прежде всего бросается в глаза стремительное распространение восстания по обширной территории края. Это стало возможно благодаря народному характеру движения. Доведенные до отчаяния башкирские массы поголовно поднялись на борьбу. Их поддержали также трудящиеся мари, мишари, татары, удмурты, чуваша, живущие в Башкирии.

Из наиболее видных руководителей восстания этого периода мы можем назвать Алдара Исянгильдина и Имана

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297. Л. 1297, 1413.

² Там же. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297. Л. 33—34.

³ Там же. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 198, 202—202 об.

батыра — башкир Ногайской дороги, Кусюма Тюлекеева из Казанской дороги, Мурата, который ездил в Крым и Турцию и вел переговоры с народами Северного Кавказа, Менлигузу — башкира Сибирской дороги.

Интересна биография Алдара, сыгравшего важную роль в дальнейшем ходе восстания. Прежде всего перед нами вырисовывается фигура крупного феодала. Дед и отец его были тарханами. Сам он участвовал в Крымских и Азовских походах в конце XVII в. За участие в Крымском походе он получил звание тархана. П. И. Рычков писал, что Алдар имел от 5 до 8 тысяч лошадей¹. Если даже учесть известное преувеличение приведенной цифры, этот факт говорит об Алдаре как о крупном скотовладельце. С другой стороны, Алдар был энергичным человеком. Он отличался личной храбростью и прославился как батыр. О его участии в Азовских походах в документах канцелярии Оренбургской экспедиции говорится следующее: «В Азовском походе ранен тремя ранами, и выезжал на поединок и убил выезжего напротив себя черкашенина, також и поймал собою языка одного крымчанина и объявил блаженные и вечнодостоинныя памяти Его Императорского величества Петру Великому и за ту ево послугу убитого на бою брата его Давлетбая тело для отвозу во свояси отдано ему Алдару и даны ему с прогонами подводы»². Нельзя не сказать о том, что он являлся одним из главных организаторов нового подъема борьбы. Все переговоры об установлении связей с соседними народами велись под его руководством. Таким образом, богатство, высокое общественное положение и незаурядные личные качества выдвинули его в ряды руководителей.

Наши сведения о Кусюме менее полны. Отец его, Тюлекей, был повешен за участие в восстании 1681—1684 гг. Кусюм не являлся тарханом, тем не менее он, по-видимому, принадлежал к кругу феодалов. П. Рычков приводит, правда, без ссылки на источник следующую его характеристику: «Сказывают, что он так усилился и самовластен был над башкирцами, что тех, кто в противность воли его поступали, вешал в деревьях, и утоплял в воде, бросая в проруби, и теми своими поступками у башкирцев поныне в немалой славе»³. Кусюм также выделялся незау-

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 45.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 821. Л. 335; В. В. Вельяминов-Зернов. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. С. 26—28.

³ Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 205—206.

рядными личными качествами и являлся батыром. Иман батыр скорее всего происходил из рядовых башкир. О классовом положении Мурата и Менлигузы нет никаких данных.

Наконец, в кругу предводителей восстания фигурирует и хан. Правда, в материалах восстания ему уделяется мало внимания. В одном из материалов, характеризующих ход борьбы во второй половине февраля 1708 г. в Казанском уезде, говорится: «А Алдар де с ханом в то число были в Саврушах, и на другой день боем итить не велел Алдар для того, чтоб де помиритца и чтоб де напрасно людей не потерять...»¹. Как видно, хан находится вместе с Алдаром, но при этом он не только назван после Алдара, но и решение принимает не хан, а Алдар.

Итак, на данном этапе борьбы, хотя заметную роль в руководстве продолжали играть батыры, вышедшие из низов, но решающее значение принадлежало предводителям из феодалов, в т. ч. крупным. Среди последних выделяются Алдар и Кусюм, по имени которых дореволюционные историки и называли изучаемое восстание. Основную причину выжидательной, колеблющейся позиции крупных феодалов на первом этапе борьбы следует искать в их классовом положении. Резкое усиление угнетательской политики царизма вызывало и у них недовольство: тем не менее, они старались добиться уступок путем переговоров с властями. Расправа правительства с башкирами-челобитчиками летом 1706 г. подорвала их веру в успех переговоров, и они взяли в руки оружие.

Упорное стремление восставших на запад и поддержка их населением соседних уездов означали, что восстание перерастало местные рамки. Башкирское восстание стало превращаться в восстание всех нерусских народов Урала и Ср. Поволжья. В этой обстановке местные власти вынуждены были обратиться за помощью в центр. Кудрявцев сам спешно выехал в Москву, куда он прибыл 26 декабря 1707 г. На следующий день Кудрявцев доложил царю сложившуюся обстановку и просил: «...ратных людей, чем был такое воровство смирить и таких воров всеконечно в страх привести, понеже своевольны ниже малого страху имеют», мотивируя тем, что «весьма небезопасно всюду на низу быть превеликого страха и разорения»².

Царское правительство предприняло экстренные меры. 30—31 декабря 1707 г. в селе Преображенском под Моск-

¹ Материалы... Ч. 1. № 90. С. 224.

² Там же. № 80; ЛОИИ, Ф. 83. Карт. 6. № 174.

вой состоялось специальное заседание Конзилии Министров с участием самого Петра I, начальника Разряда Т. Н. Стрешнева, Ф. М. Апраксина, И. А. Мусина-Пушкина. Это заседание выработало целую систему мероприятий для подавления восстания. Прежде всего, против восставших решено было направить 5 регулярных полков из центра (3 полка из Москвы, 2 — из Ломова). Затем решили привлечь к борьбе с восстанием уфимских дворян, находящихся на службе в Санкт-Петербурге, а также мобилизовать для этой цели нижегородских, арзамасских, алаторских, саранских, пензенских, курмышских и инсарских помещиков. Для вооружения отрядов, создаваемых на месте, правительство выделило в распоряжение казанских властей 5 тыс. фузей и 5 тысяч шпаг. Во главе всех этих сил был поставлен боярин и воевода князь П. И. Хованский, его товарищами назначены генерал-майор Гулиц, стольники Ф. Есипов и А. Дмитриев-Мамонов. Полками командовали полковники Г. Титов, Н. Анненков, Г. Янковский, В. Мещеринов, С. Норов¹.

Царь приказал Хованскому П. И. огнем и мечом подавить восстание: «итить ис Казани с ратными людьми: для укрощения на воров, в которые места случай позовет, и чинить ему над ними, как над неприятелем...», свои действия согласовать с полками, расположенными в Зауралье, и вести наступление одновременно со стороны Казани, Кунгура и сибирских слобод, «чтоб со всей стороны им был страх»².

Для подавления восстания решили использовать калмыцких феодалов, яицких казаков и местное гражданское население в виде отрядов «вольницы». 2 января 1708 г. стольник И. Бахметев был отправлен калмыцкому хану Аюке с грамотой, чтобы он послал 20 тыс. своих людей против башкир. Подобное повеление получили и яицкие казаки. Среди русского населения Ср. Поволжья и Урала распространили указ, чтобы «...собравшись на них воров шли ж, и жилища их разоряли и пленили «огнем и мечом», а скот, имущество и пленных взяли себе как добычу»³.

Напуганным широким размахом борьбы казанским

¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 195; Ф. 199. № 130. Ч. 16. Д. 7. Л. 8 об. — 10; Российский государственный архив Военно-Морского флота (Далеко — РГАВМФ). Ф. 176. Д. 32. Л. 22—24; Материалы... Ч. 1. № 80.

² РГАДА. Ф. 199. № 130. Ч. 16. Д. 7. Л. 9 об.

³ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 611; Булавинское восстание. № 199. С. 404.

властям даже эти большие силы показались недостаточными. 1 января 1708 г. Н. Кудрявцев обратился к Меншикову с просьбой, чтобы еще «верных и надежных прислать 2 полка конных да полк пехотной», ибо если «...сею зимою чего не сможем учинить, и в лето всеконечная будет от них пагуба и как разгоритца, многими тысячами возвращать будет»¹. По-видимому, солдаты, набранные на месте, не внушали доверия.

Оценивая мероприятия правительства по подавлению восстания, надо прежде всего признать, что оно выделило очень крупные силы. Важно подчеркнуть при этом, что правительство не ограничилось обычными мероприятиями. Кроме регулярных полков, оно мобилизовало русских феодалов Ср. Поволжья, что показывает классовый принцип при отборе сил для борьбы с восстанием. Затем правительство старалось разжечь вражду между разными народами края, натравливая русских крестьян и калмыков на восставших. Все это имело целью предотвратить возможность единства русских и нерусских масс в борьбе против царизма, также вбить клин внутри самих нерусских народов. Реальная обстановка не исключала возможности присоединения русских трудящихся к борьбе нерусских народов Урала и Ср. Поволжья, когда власти не доверяли даже солдатам, набранным из местного русского населения.

Пока правительство намечало меры борьбы, восстание развертывалось по восходящей линии. Продолжались бои вокруг Уфы, Билярска, Бирска, Каракулина и Мензелинска. После взятия Заинска отряды восставших во главе с Алдаром, Кусюмом и Балта батыром пошли вперед, осадили Новошешминск и Билярск. В первых числах января 1708 г. Билярск подвергся ожесточенному приступу повстанцев, но все жестоял. Все села и деревни вокруг закамских крепостей были заняты ими². Ухудшилось положение Бирска и Каракулина, в связи с чем 150 человек из полка С. Аристова, стоявшего в Уфе, были посланы на лыжах «...с пороховою казною и для осторожности в Бирской городок». Отряд в пути подвергался неоднократно нападению восставших. Как вспоминал один из участников этого похода, «...дорогою де от воровских воинских людей были из них русских людей убито 3 человека, а человек з 20 ранили, а у них де башкирцев побили по скаскам языков ста с 3, а всего де на них напускали башкир-

¹ Матеряалы... Ч. 1. № 80. С. 213.

² Булавинское восстание. № 206.

цов тысячи с 2»¹. Приведенные отрывки лишний раз показывают на массовый характер восстания, участие тысяч башкир в борьбе.

В первой половине января 1708 г. основные силы восставших перешли реку Каму, и главным театром боев становится территория Казанского уезда западнее Камы. Еще в начале января 1708 г. туда перебрался Кусюм во главе 2000 башкир и осадил Елабугу. Заняв село Чистое поле, за Каму перешел Исмагил мулла с 3000 башкир. Вслед за ними перешли Каму отряды восставших, возглавляемые Алдаром, К. Уразовым, М. Уразаевым, Я. Кулметовым и другими².

Численность башкир, перешедших Каму и стремившихся в сторону Казани, точно определить невозможно. По этому вопросу до нас дошли лишь отдельные высказывания. Например, башкиры, взятые в плен в районе Каракулина, показали на допросе, «что де в собрании их воровских воинских людей под Казань пошли 30000». Воевода Вятки полковник Григоров в начале 1708 г. численность башкир-повстанцев определял в 40 тыс. человек³. При всей неточности этих цифр ясно одно: повстанцев, действовавших в направлении Казани, насчитывалось десятки тысяч.

К тому же башкиры действовали здесь не одни. Когда основные силы восставших оказались в пределах Казанского уезда, то широкие массы местных татар, мари, удмуртов, чуваш поднимались на борьбу и присоединились к восставшим. Показания разнородных источников подтверждают это положение. Повстанец Бимяков признал на допросе: «А татара де Казанского уезда все с ними (с восставшими — И. А.) в единомышлении, опричь Галецкие дороги». Другой участник восстания Акбулатов также показал на допросе, что «Казанского уезду к их воровству татара дали слово и ныне к воровству с ними пристали... И положили... чтоб им вора, башкирцам, и Казанского уезду татаром русских людей всех прирубить и всех уездов иноверцев возмутить и к воровству своему соединить и иттить под Казань всеми людьми»⁴. А. Сергеев и С. Вараксин доносили 6 января из Казани: «Башкирское воровство умножается, и татары Казанского уезда многие пристали».

¹ Материалы... Ч. 1. № 95.

² Там же. Ч. 1. № 90.

³ Там же. № 95; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 237 об.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 90, 91.

Еще яснее выразился П. И. Хованский. В своем донесении царю 5 июня 1708 г. он писал: «Камендант Казанский тебе доносил про измену и про воровство одних башкирцов: а как я в Казань пришел, и в то число было воровство ото всех Казанского уезду татар и от иных иноязычников и присообщались все обще к башкирцам»¹. Наиболее ярко позиция нерусского населения Казанского уезда видна из грамоты Кудрявцева. 28 января 1708 г. он обратился к татарам Ногайской дороги Казанского уезда со следующей грамотой: «Воры — башкирцы великому государю изменили, а к тем ворах пристали такие ж воры единомышленники татара ваши и других дорог и русские села и деревни и иноязычников деревни ж жгут, а людей рубят и в полон емлют, а вы неведомом для какова умыслу на тех воров нейдите, а в которые ваши деревни и придут те воры, не противитесь и ставите про них меды и пива варите и никого из них не ловите». Затем он предлагает, чтобы все шли к Рыбной слободе, куда посланы «служилые слободские татара, которые обещались великому государю верно служить». В конце грамоты говорится: «А которые из вас итить не похотят и тех потому ж, что изменников, станут рубить и дома их жечь и разорять и жен и детей в полон имать»². Итак, картина ясна. Широкие массы татар, мари, удмурт и чуваш Казанского уезда встречали башкир как своих освободителей и сами вставали на борьбу с царизмом.

Совершенно иную позицию заняли татарские феодалы. Из этой грамоты видно, что служилые, слободские татары Ногайской дороги Казанского уезда, т. е. татарские феодалы обещали верно служить царю и пошли к Рыбной слободе. Они не только обещали, но и на деле показали свою преданность царизму. В нашем распоряжении имеется грамота от 4 февраля 1708 г. с подписью Ж. Кудрявцева, брата коменданта Казани, адресованная группе татарских феодалов во главе с мурзами Ишмурзой князем Яушевым, Бекчурой князем Ишеевым и абызом И. Ишеевым, где говорится: «...вы прислали языков ясашных татар 4 человек, которых вы взяли в деревне Ошняке при воровском их бою». Об активном участии в борьбе с восстанием татарских феодалов Галицкой дороги Казанского уезда свидетельствует показание одного из феодалов этой дороги Ю. Маметова, что «...по указу казанского коменданта... господина Кудрявцева против башкир и про-

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 607—609, 627—629.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 101. Л. 586.

тивников татар он, Юсуп, и другие казанские служилые татара посланы были»¹. С самого начала восстания против повстанцев действовал крупный отряд казанских мурз. Наконец, следует указать и на то, что во время восстания татарские феодалы в лице казанских мурз, князей и абызов использовались казанскими властями для переговоров с восставшими башкирами, что свидетельствует не только о верности татарских феодалов царизму, но и о глубоком доверии к ним со стороны царских властей. Вот почему казанская администрация щедро обеспечивала их оружием. Так, одному из отрядов татарских феодалов в начале февраля 1708 г. из Казани было послано «ружья 30 фузей, два пуда пороху, свинцу тож, государево знамя, шестьдесят кремней»². Татарские феодалы Казанского и других уездов с самого начала восстания верно служили и активно участвовали в борьбе с повстанцами.

Восставшие, состоящие из башкир, татар, мари, удмуртов, чувашей и мишарей, повели наступление в глубь Казанского уезда. Нависла угроза над Казанью. На всей территории уезда развернулась ожесточенная борьба. Угнетенные массы, терпящие двойной гнет, социальный и национальный, спешили воспользоваться моментом, чтобы расправиться с дворянами, служителями церкви и монастырей, чиновниками царской администрации, со всеми теми, кто отбирал их землю, скот, обращал их в христианство, издевался над их обычаями и культурой. Запылали помещичьи деревни, монастыри, церкви. Например, отряд Кусюма вместе с окрестным населением разорил Илбахтин монастырь. Село Елань, Черемышево и другие разорил «...башкирец Уфинского уезду Казанской дороги деревни Тораевы Якуп Кулметов, а с ним же были татара Казанского уезду деревни Черемышево, Иметесково и иных многих деревень; и вышеописанные де приводчики были с ними же»³. Местные жители показывали восставшим дорогу в помещичьи имения, монастыри и церкви.

В других районах также продолжались активные действия. Уфа по-прежнему находилась в осаде. Шли бои около Сарапула, 23 января 1708 г. воевода Сарапула доносил, что «...приходили башкирцы и черемиса из-за Камы, стоят во многих местах, нагорных татар, черемис и вотяков многих возмутили около Сарапула во многих местах, и сидят сарапульцы от них в осаде уже 4 недели».

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 101. Л. 588, 584.

² Там же. С. 587.

³ Материалы... Ч. 1. № 90.

Часть башкир Осинской дороги в это время действовала по Каме между Сарапулом и Осой, о чем в донесении из Сарапула говорилось: «Ныне они башкирцы и вотяки пошли вверх по Каме и Гайнинские и Тулвинские волости башкирцы з закамскими ворами в соединении же»¹. Продолжалась борьба в Кунгурском уезде. Опрокинув караулы, поставленные защищать путь в город Кунгур, в середине января восставшие появились в его окрестностях и обложили город со всех сторон. «Ныне они в 10 верстах от Кунгура села и деревни разоряют, дороги на Казань, на Уфу и в Сибирь застали, ныне ожидаем их приход»,² — доносил в конце января 1708 г. воевода из Кунгура. Кунгурские жители так охарактеризовали обстановку в уезде: «...они, жен и детей своих оставя на Кунгуре, от башкирских татар бегут в Кайгородской уезд к свойственникам, и кругом де Кунгура многие села и церкви и деревни выжжены и люди порублены, да и в тех же местах на Сибирской дороге в Уфимском уезде стоят тех башкирских татар с 8000 и больши и в панцырях и в колчюгах и в уезде же человек по 100 и по 200 и чинять разорения ж». В уезде шли непрерывные столкновения восставших с царскими отрядами. Так, 25 января был бой около деревни Бикбаево, 28 января — у дер. Ураево. Другие отряды восставших, состоящие из башкир, местных татар и мари, двигаясь к северо-западу от Кунгура, дошли до р. Камы, осадили Верхние и Нижние Муллы и тем самым оказались у границ Вятского и Верхотурского уездов³. Воевода Верхотурья счел необходимым предупредить воевод Туринска и Тюмени о принятии мер на случай проникновения восставших в их уезды.

В середине января 1708 г. с караулов, расположенных на границе с Кунгурским и Казанским уездами, на Вятку стали поступать сведения о приближении восставших к уезду. 19 января бурмистры земских дел послали из Вятки солдат и посадских людей, чтобы «...противиться и бои давать, где как мочно, чтоб в Вяцкий уезд и в города отнед их не допустить»⁴.

Таким образом, в январе 1708 г. восстание продолжало усиливаться и распространяться на соседние уезды. На западе восставшие проникли в центр Казанского уезда. На севере движением был охвачен весь Кунгурский уезд,

¹ Архив РАН. Оп. 4. Ф. 21. Д. 7. Л. 130—131.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297, 1413.

³ Там же. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 220, 222.

⁴ Там же. Л. 200—201.

на северо-западе восставшие вплотную приблизились к Вятскому уезду.

Наступило очень трудное время для властей. Их настроение выражает следующее донесение находящегося в Москве Кудрявцева, написанное 7 января после получения вестей из Казани в Смоленск, к царю Петру I: «...татара Казанского уезду многие пристають и хотят собрався, иттить в Казань. И о сем последний раб твой со слезами молю, не предаждь до конца таким вора́м поругану и по смеяну быть имени твоему и помилуй всю свою отчину Казань и с принадлежащим к ней жительство́м, чтоб такие воры бусурманы не омочили рук своих в крови православных христиан, помилуй, прикажи в оборону к прежним полкам прислать 3 полка конных, чтоб тот огонь вскоре погас»¹.

В этой обстановке казанские власти принимали лихорадочные меры, чтобы продержаться до прихода войск, выделенных царем. Еще в начале января 1708 г. приступили к строительству вокруг Казани укреплений «больварков и других крепостей». Затем в Казани и других поволжских городах «...з дворян, и с воевод, и с перепищиков, и с подъячих, и с посадских взяли для того времени даточных, а других самих определили...» в полки, которые были направлены против восставших². Кроме того, дорогу в Казань защищали драгунский полк В. Шереметева, солдатские полки А. Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова, которые отступили в глубь уезда из района Закамских крепостей, где они действовали в декабре 1707 г. и отряды татарских феодалов.

В конце января 1708 г. казанские власти сделали отчаянную попытку остановить продвижение восставших на запад. Драгунский полк В. Шереметева и солдатские полки А. Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова должны были пробиться в Елабугу, а затем оказать помощь закамским крепостям. Шереметеву удалось с боями дойти до села Мамадыш. Здесь на его полк напали башкиры во главе с К. Уразовым. И, как доносил Шереметев, «драгуны ево не устояли», потеряв убитыми 53 драгуна, он вынужден был отступить в сторону Казани³. Так же неудачными были действия А. Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова, которые вышли из Казани в начале февраля. На всем пути им пришлось вести беспрерывные бои с повстанцами. Ког-

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 609.

² Там же. С. 609—610.

³ Булавинское восстание. № 201. С. 406.

да эти полки вышли из села Ачей, «...их де усмотрели татары деревни Сеитовых Сабов и иных окольных деревень и чинили де тревогу, чтобы де обозу учинить остановку». На другой день на них напали татары из Зюри и других деревень. Ведя эти бои, полки продолжали двигаться вперед и дошли до села Баландыш, откуда пошли далее на восток. Навстречу им из села Савруш вышел отряд, состоящий из 4000 башкир и 500 местных татар. В результате сражения царские полки потерпели поражение и отступили в Баландыш, где и были окружены восставшими. Отрезанные от Казани, они простояли в этой деревне 15 дней¹.

Терпя неудачу в боях с восставшими, царские отряды вымещали свою злобу на мирных жителях. При этом надо подчеркнуть, что царские власти буквально натравливали, используя национальные различия, одни народы на другие и приказывали своим отрядам не останавливаться ни перед какими жестокостями по отношению к восставшим. Выше было сказано о распространении в начале января 1708 г. царской грамоты, в которой Петр I призывал русское население края подниматься на борьбу с восставшими, обещая за это имущество последним. Н. Кудрявцев от своего имени обращался к населению с подобными призывами. В грамоте от 28 января 1708 г. он писал к татарским феодалам, чтобы они шли против «...воров, бить и рубить и в полон их и жен их и детей имать себе, чего у них никогда взято не будет... а жилища их разорять и жечь... языков, которые из воров пойманы будут, присылать в Казань пущих завоetchиков, а другим вам велеть чинить смертная казнь, вешать на месте, где пойманы будут»².

Правительственные силы так и делали. Они разоряли и сжигали деревни, грабили скот и имущество, убивали и пленяли женщин, детей и стариков. В письме к Хованскому от 14 февраля 1708 г. восставшие писали, что «...Мамонов стоит с ними войною и 4 деревни пожег и людей, поймав, повесил»³. Не отставали от них в этом и татарские феодалы. По свидетельству одного из них, они «...изъехали войною деревню Сантаналеях и бой с ними учинили, многих побили, жен их и детей в полон брали и тою деревню разорили»⁴. Ясашные татары Ка-

¹ Материалы... Ч. 1. № 90; Булавинское восстание. № 203. С. 408.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 101. Л. 586, 588.

³ Материалы... Ч. 1. № 88.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 101. Л. 584.

занского уезда, которые больше всех пострадали от жестокости татарских феодалов, позднее жаловались, что казанские мурзы и служилые татары «...во время той же башкирской войны многих их братью ясащного чину людей татар побили, а иных в полон забрали к себе в неволю мужеска и женска полу и меж себя друг другу тех невольных и продают, а иных держат у себя в неволю и по се время»¹.

Особо надо отметить жестокость отрядов «вольницы». Неоднократные призывы властей организовать отряды «вольницы» основная масса русских крестьян края оставила без внимания. Все же отряды «вольницы» были созданы. Из кого же они состояли? Сохранившиеся факты позволяют в какой-то мере выяснить основной состав этих отрядов. Отряд «вольницы», возглавляемый станичным атаманом Д. Нежежиным, состоял из служилых людей. Затем источники сообщают активное участие в разорении нерусских аулов около Сарапула сарапульца Прокофия Каргашина, который «кнутом бит и ссыльной вор», а также «черных русских людей», под которыми башкиры подразумевали служителей монастырей². Итак, отряды «вольницы» в основном состояли из служилых людей, служителей церквей и монастырей и преступно-уголовных элементов. Только незначительный процент «вольницы» составляли крестьяне, обманутые властями. Именно такой феодально-уголовный характер отрядов «вольницы» объясняет их особенную жестокость по отношению к нерусскому населению. Они разоряли и сжигали деревни, грабили имущество, расправлялись с населением. В районе Сергиевска действовал упомянутый выше отряд Д. Нежежина, который, по донесению Кудрявцева: «...внезапными набегами немало воров побил и жительства их в Уфинском уезде разорил»³. Восставшие неоднократно жаловались на жестокости отрядов «вольницы». В письме к Хованскому они писали, чтобы «...малых пригородов салдат и черных русских людей всех в башкирцы, и в татара, в вотяки, и в черемиса, и в чювашу всех тех людей от грабежу пожитков и их от убивства удержали б»⁴.

В начале февраля 1708 г. повстанцы продолжали продвижение на запад. 6—7 февраля 1708 г. они находились

¹ Материалы... Ч. 1. № 131.

² Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 613—614; Материалы... Ч. 1. № 96, 84.

³ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 613—614.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 84.

в 40—60 верстах от Казани. Местную царскую администрацию охватила паника. 5 февраля 1708 г. Н. Кудрявцев доносил Петру I: «Воров башкирцов воровство в Казанском уезде умножилось, и татара мало не все пристали... Русские села и деревни и святые церкви пожгли многие... И от Казани уж не в дальних верстах во 60-ти и в 40-ке и в 30-ти то чинят. А на отпор, государь, выслать некого, конницы есть небольшое, худа выслать, лишь потерять... Со слезами прошу у тебя государя милости, чтоб конных полка 2 или 3 прислать... Есть ли государь не захватить да перейдут через Волгу реку на Нагорную сторону, то что есть татар и чувашу и мордву возмутят к своему воровству всех»¹.

В середине февраля 1708 г. восставшие разоряли помещичьи деревни в окрестностях Казани. Они заняли деревни Чепчюги, Тюбяк, Елань, Черемышево, Аркатово, Ия, Юнусово, Селенгуш и другие, находящиеся в 30—40 верстах от Казани. Ставки повстанцев расположились в селах Савруш и Болтач.

Точно неизвестно, сделали ли восставшие попытку овладеть Казанью. По всей вероятности, они не решились осадить и штурмовать город. Возможно, что это объясняется тем, что восставшие были вооружены луками со стрелами и копьями, изредка ружьями, совсем не имели пушек и пищалей. Не только такая сильная крепость, какой была в то время Казань, но и сравнительно небольшие крепости, вооруженные пушками, представляли для них сложную преграду. Не случайно настойчивые усилия повстанцев занять крепости на Каме (Закамские крепости, Каракулино, Сарапул) не увенчались успехом, за исключением Заинска, и башкирам пришлось ограничиться осадой или обходить их.

Восставшие проявили упорное стремление прорваться за Волгу, где их ожидали угнетенные массы Свияжского, Симбирского и других уездов. В этом плане особенно успешны были их действия в районе устья Камы. Они уже заняли деревни Шуран и Чирпы, расположенные в 40—30 верстах от Волги.

Наступил кульминационный период в ходе всего восстания. Настроение царской администрации в Казани выражает следующее донесение Н. Кудрявцева Петру I от 19 февраля 1708 г.: «воры башкирцы и татара казанские от воровства своего не престают, но больше разоряют... Уже от Казани в тридцети верстах и правятся перебраться

¹ Булавинское восстание. № 201. С. 406.

ся за реку Волгу на нагорную сторону в Свяжской и Синбирской и в иные уезды и от тех уездов в самых близких местах разоряют. Есть ли, государь, перейдут, сохрани боже от пушцаго зла... Прежде просил и ныне прошу, чтобы конницы прислать»¹. В тот же день он писал А. Сергееву: «У нас от воров нималого покою нет, но на большое зло устремляютца, и самое тщание имеют на Нагорную сторону, от чего сохрани боже. Уж Шуран и Чирпы и иные разорены и вызжены». Письмо свое он заканчивает так: «Больши в горести и писать нечево, что только на всякой час со все стороны приносят бедство и разорение»².

В феврале 1708 г. бои продолжались и в Уфимском уезде. Полк И. Рыдаря остался в Уфе, а конный полк С. Аристова, пополнив потери за счет уфимских дворян, в начале месяца направился вниз по Белой, чтобы помочь осажденным крепостям. С боями полк пришел в Бирск и, сделав короткую остановку, направился в Каракулино. Восставшие неоднократно нападали на полк. В середине февраля С. Аристов пошел из Каракулина в Мензелинск. Необходимо сказать, что для царских полков не существовало никакой разницы между отрядом восставших и женщинами, стариками и детьми нерусских сел. Ярким примером в этом отношении являются действия полка С. Аристова. Все села и деревни по пути его движения сжигались, а население поголовно уничтожалось. Не щадили и детей. Он приказывал: «...башкирцов от 10 лет и выше рубить голов, а ниже 10 лет брюха пороть»³. Аристову удалось поднять часть русского населения Бирска, Каракулина, Мензелинска и других пунктов, где он проходил, для разорения нерусских сел и деревень. Так, отряд, организованный им из жителей Каракулина, разорил окрестные башкирские села и деревни. Во время одной вылазки «...башкирцов побили человек с 30, да языксв взяли и привели в Каракулино 6 человек, да скота рогатого отогнали и привели в Каракулино 370 быков и коров, да лошадей с 15». То же самое продолжалось в Мензелинске, куда прибыл С. Аристов во второй половине февраля. Драгуны и отряд, организованный им из жителей этого пригорода, разорили и выжгли многие окрестные нерусские села и деревни»⁴. Эти жестокости

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 611.

² Булавинское восстание. № 204. С. 409.

³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. С. 214 об.

⁴ Материалы., Ч. 1. № 95, 89.

С. Аристова подтверждаются и донесением Н. Кудрявцева Петру I: «Сидор Аристов, служа тебе государю ныне с Уфы с 770 человек до Мензелинска на 300 верстах прорубая и разоряя их, воров, прошол, чего они не могли над ним 10 000 учинить ничего, а он побил их премного и по дороге их деревень вырубил и выжог»¹.

В это время активные действия восставших продолжались и в Кунгурском уезде. Город Кунгур, острожки Торговишский, Степановский и другие находились в осаде.

Новым было распространение восстания на Вятский уезд. 9 февраля воевода Уржума сообщил, что восставшие заняли деревни вокруг Уржума, и они расположились станом в деревне Ашитуйе в 4-х верстах от города. Через 4 дня после этого в Вятку пришло известие о том, что башкиры, татары, удмурты и мари осадили город Уржум, выжгли Спасско-Чепочкин монастырь к северу от Уржума². В это время другие отряды восставших напали на Игринский караул. Окрестное население бежало в глубь Вятского уезда. Вслед за ним отступил и отряд вятских солдат во главе с подъячим. В конце февраля восставшие, двигаясь вверх по р. Килмез, были в верховьях этой реки, заняли деревни Селты, Пудга, Узга и другие³.

Было спокойно только в Зауралье. Но носились слухи о скоплении башкирских отрядов поблизости сибирских слобод и подготовке ими нападения на слободы. Еще 12 января 1708 г. приказчик Чусовской слободы доносил в Верхотурье, что до них доходят слухи о разорении восставшими Кунгурского уезда и стремлении башкир «итти воевать в Чусовскую слободу и в Сибирь», что башкиры сейчас стоят в дер. Тебенькове на р. Сылве в 100 верстах от Чусовской слободы и «чусовской слободы. жители и крестьяне сидят в осаде». 7 февраля он же сообщил, что «башкирская сила стоит в Сысках... три тысячи от Чусовской слободы не в дальнем расстоянии». В этой обстановке местных воевод и приказчиков тревожила малочисленность солдат и драгун, и они неоднократно обращались в Тобольск, центр царской администрации в Сибири. Воевода Верхотурья 13 февраля 1708 г. обратился в Тобольск за помощью⁴.

В этот период, когда царские власти не знали, как

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 616—617.

² РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. С. 221—222.

³ Там же.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1286. Л. 15—17.

справиться с восставшими, действовавшими на обширном пространстве от Уральских гор до Волги, возник новый очаг борьбы. Против царизма поднялись народы Северного Кавказа, во главе которых стоял башкир Мурат под именем султана. Ночью 12 февраля 1708 г. объединенные силы чеченцев, ногайцев, мичкисов, аксайцев, кумыков, тавлинцев и казаков-раскольников вторглись в Терек. Среди наступавших был и башкирский отряд. К рассвету весь город, за исключением верхнего кремля, где укрылся воевода И. Вельяминов с остатком гарнизона, был в руках восставших. На другой день они пошли на приступ кремля, но осажденные встретили их огнем пушек и ружей, и приступ не удался. Тогда повстанцы решили взять кремль путем правильной осады. Окружив крепость со всех сторон, они расставили захваченные пушки и вели из них огонь по кремлю. Прошло 10 дней, положение осажденных заметно ухудшилось.

По-видимому, восставшие намеревались после взятия Терека идти на Астрахань и двигаться вверх по Волге, чтобы непосредственно согласовать свои действия с башкирами. П. М. Апраксин после подавления восстания на Северном Кавказе 20 марта 1708 г. в своем донесении Петру I писал, что «с теми всеми намерен был тот злодей (т. е. Мурат — И. А.) итти к нам и в Башкирцы, да бог допустить того милосердием своим не восхотел». Но калмыцкие феодалы известили воеводу Астрахани П. М. Апраксина о положении дел в Тереке, и последний принял спешные меры. На Терек были отправлены 1200 солдат во главе с полковником и 650 татарских феодалов-астраханцев. Кроме того, хан Аюка направил 3000 калмыков. Эти силы 26 февраля подошли к Тереку и нанесли поражение восставшим. Сам Мурат во время этого боя был ранен и взят в плен. Затем он был отправлен в Астрахань, оттуда — в Казань, где после жестоких пыток был повешен за ребро¹.

Таким образом, удачно начатое восстание на Северном Кавказе было в своем зародыше подавлено царскими властями при помощи калмыцкого хана Аюки. Тем не менее, сам факт его возникновения подтверждает наше положение о наличии союза между башкирами и народами Северного Кавказа в борьбе против общего врага угнетенных народов России — русского царизма.

Как уже было отмечено, в конце декабря 1707 г. царское правительство, принимая меры против восстания,

¹ Материалы, Ч. 1. № 97, 104, 117.

выделило крупные силы и потребовало от П. И. Хованского «огнем и мечом» подавить восстание. Но в условиях, когда на борьбу против царизма поднялись широкие массы всего Урала и Ср. Поволжья, выделенных сил для подавления восстания оказалось недостаточно. При этом, чтобы сосредоточить все выделенные силы, потребовалось значительное время. Восстание же с каждым днем приобретало все более грозные размеры. Тысячные массы восставших действовали вокруг Казани и вблизи Волги, стремясь ее перейти, чтобы еще расширить район борьбы.

В этой обстановке царское правительство вынуждено было вести более осторожную политику и предприняло попытку добиться успокоения края, хотя бы ценой некоторых уступок. 22 февраля 1708 г. А. Д. Меншиков приказал: «...которые люди на Уфе и в протчих тамашних городех от нас посланы для оклада новых сборов и чтоб ис тех мест немедленно вывести... есть ли те люди отсюда выведены будут, то вскоре здешнее, а особливо башкирское замешание, утишитца»¹.

П. И. Хованский, который должен был возглавлять подавление восстания, приехал в Казань еще в конце января 1708 г. В это время повстанцы приближались к Казани, и Хованскому, не имевшему достаточных сил для отпора, ничего не оставалось, как начать переговоры с ними. 2 февраля он направил казанского толмача И. Овсянникова и четырех татар в село Балтач, где был стан восставших. В своих грамотах П. И. Хованский перекладывал ответственность за тяжелое положение башкир и других нерусских народов края на представителей местной администрации и, заявляя, что он «с указом приехал» от самого царя, предлагал восставшим прекратить борьбу, за что царь простит их и им «великого государя милость обо всяких обидах будет». С грамотой к повстанцам обратился и казанский митрополит Тихон².

Восставшие не сразу поверили мирным предложениям, ибо все царские чиновники, приезжая, говорили им, что они привезли милость царя, а затем требовали с них тяжелые налоги, посылали на них карательные отряды. Так, башкиры Рахмангул и Аббас мулла писали Хованскому, что «в прежние годы и в нынешние годы этикие дела были от прибыльщиков, будто для дела едут... своим языком говорили, это дело зделаем, и то дело не доспели

¹ Булавинское восстание. № 211. С. 418.

² Материалы... Ч. 1. № 83, 85, 89.

и делали в нашем Уфинском уезде многие тяжелые дела они прибыльщики...» К тому же, в то время, как Хованский и митрополит предлагали восставшим прекратить военные действия и начать переговоры, многие царские отряды, в том числе полки В. Шереметева, А. Дмитриева-Мамонова, Ф. Есипова, С. Аристова, отряды «вольницы» Немкова, Бартенева, Невежина продолжали свои действия против повстанцев, разоряли нерусские аулы и расправлялись с жителями. Поэтому восставшие прежде всего потребовали от Хованского, чтобы все царские полки и отряды «вольницы» прекратили борьбу против них: «К нам за красной печатью да з золотой печатью указы присланы, и тем двум указам поверя своих воинских людей мы остановили. И по тем вашим двум указом тех высланных от вас ратных людей поворота в свои города отпустили б»¹. 25 февраля Хусейн и Куразмин батыр писали: «Приехали было, как мы в Саврушах стояли, посланники, те посланники... говорили нам великого государя указ... И мы тому слову стояли было, и вышла ис Сарапулу сила, порубили многие деревни, также и выжгли по Иже реке, да Сидор Аристов порубили и выжгли меж Каракулина и Мензелинскова 5 деревень после тово слова. И вы буде в том слове стоите, из мелких пригородков выехали, тех воров остановите; а буде остановите, узнаем мы тех присланных подлинно для миру ездят». В начале марта Рахмангул и Аббас мулла также обращались к Хованскому: «те мелкие города удержи, чтоб деревни не рубили и не жгли...»².

Возобновлению переговоров также мешали представители Казанской администрации своими угрозами в адрес восставших. В письме Арыка и Куразмана батыра к Хованскому от середины марта говорится, что прежде они видели налоги и обиды от Н. Кудрявцева, А. Сергеева, а сейчас они же прислали указ, что если мы в 8 дней не поцелуем куран и аманатов не дадим, то из Казани «сила несметная идет» и нас порубит, для того наши мирские люди тебе боярину... не уверяются; и буде ты князь Петр Иванович Хованский вправду от государя с указом приехал, говорят наши, те прибыльщики остановились бы»³.

Мы отметили стремление правительства завязать переговоры с восставшими. Как видно, и восставшие не

¹ Материалы... Ч. 1. № 84.

² Там же. № 89, 92.

³ Там же. № 96.

были против переговоров. Чем же объясняется, что они, достигнув стен Казани, проявили кажущуюся на первый взгляд непоследовательность?

Вопрос очень сложный, невозможно однозначно ответить на него. Прежде всего необходимо отметить скудость источников. Как известно, предводители восстаний, по-видимому, письменно не фиксировали те или иные свои действия, не мотивировали документально принимаемые решения. К тому же, после прекращения восстания его участники, в т. ч. предводители, получили официальное прощение. Их не арестовывали, они не давали какие-либо показания властям. Другими словами, все это объясняет отсутствие материалов, которые проливали бы свет на причины согласия восставших начать переговоры с властями.

Поэтому исследователю приходится лишь высказывать некоторые общие соображения на этот счет. С нашей точки зрения, согласие достигших почти стен Казани восставших на переговоры с правительством объясняется рядом обстоятельств. Думается, что данное восстание, как любое народное движение эпохи феодализма, не имело все же четкой, ясной и законченной программы. Это вполне понятно, ведь в борьбе участвовали самые разнообразные силы — рядовые башкиры, их феодалы и нерусские жители Казанского и Кунгурского уездов. У них было не только то, что их объединяло — недовольство политикой царизма. По поводу конкретных целей борьбы у разных групп повстанцев вполне могли быть разные подходы и понимание, связанные с их социальным и национальным положением. Не исключается и вариант корректировки, изменения программы и по ходу восстания, исходя из реального развертывания событий. Если при возобновлении восстания осенью 1707 г. они были полны решимости окончательно порвать с русским царизмом и начали борьбу под флагом создания независимого ханства, то в ходе восстания у повстанцев вполне могли появиться сомнения в реальности провозглашенной цели. Сорвался их план получения внешней поддержки (отказ Крыма поддержать восставших). Не вышло за местные рамки вспыхнувшее восстание на Тереке. Несмотря на войну со Швецией, царские власти сумели направить против них очень значительные для того времени военные силы, в т. ч. регулярные полки. По мере подхода восставших к Казани нарастала сила сопротивления царских войск. Становилось ясным, что для реализации поставленной цели у восставших народов не хватает сил.

В этой ситуации предводители восстания проявили динамизм, реальное понимание конкретной действительности и решили видоизменить задачи борьбы. Они отказываются от программы-максимум, выдвигают программу-минимум: не выпячивая идею отказа от русского подданства, добиваются существенных уступок от правительства и требуют рассмотреть и удовлетворить их конкретные требования: покончить с земельными захватами, новыми налогами, политикой христианизации и произволом местной царской администрации. Перечисленные требования были поставлены перед князем П. И. Хованским, который олицетворял царское правительство.

Переговоры начались. В письме, написанном ранее 11 февраля 1708 г., башкиры Мурза абыз, Исмагил, Хусейн, а также жители Казанского уезда татары Ирмяк, Мамет, Юбращ, удмурт Никита, мари Кизылбай, новокрещен Афанасий и Чолпашев предложили Хованскому лично приехать в Савруш для переговоров, где была ставка восставших¹. Алдар, Кусюм и Хази Аккускаров, главные предводители повстанцев, в это время находились в Савруше и приостановили продвижение своих отрядов вперед, чтобы начать переговоры. Хованский в ответ на письмо восставших сообщил им о том, что приедет в Савруш для переговоров. Но повстанцам стало известно, что Хованский собирается придти туда с войском. Это вызвало подозрение в его мирных намерениях, и восставшие предупредили Хованского, что они готовы к продолжению борьбы: «Мы слышим, будто 100 подводами едешь, для того мы и не доверяем, миритца не ездят со многими людьми... таким обманом станешь ездить, с теми ворами съедемся, не приезжайте, их к тебе не пропустим»².

Переговоры шли почти месяц, а конкретных результатов все не было. Не прекращалась и вооруженная борьба. Однако главные силы восставших ослабили свои действия, и тем самым они выпустили инициативу из своих рук. Переговоры по существу послужили передышкой для властей, чем они и не преминули воспользоваться.

К 20 февраля 1708 г. было закончено сосредоточение военных сил в Казани. Туда прибыли пехотные полки Анненкова в составе 711 человек и Норова — 675 человек из Москвы, Мещеринова — 816 человек и Титова — 1045 человек из Ломова. Кроме того, в Казани в распоряжение

¹ Материалы. Ч. 1. № 86.

² Там же. № 88, 90.

Хованского были переданы оборонявшие город драгунский полк П. Болтина из 1169 чел., отряд дворян, иноземцев и новокрещенов, состоящий из 649 чел., татарских муз — 1015 чел., пехотные полки Ю. Урна — 1029 чел. и Янковского — 1024 чел. Кроме того, были набраны в Казани и других городах 188 конных и 658 пеших дворян и служилых людей. С Хованским из Москвы пришло 46 дворян¹. Итак, перед выступлением Хованского в поход в Казани было сосредоточено 9025 человек конных и пеших, не считая драгунских полков. В. Шереметева в составе 750 человек, Ф. Есипова 500 человек и пехотного полка А. Дмитриева-Мамонова — 1112 солдат, которые вели бои с восставшими в уезде.

22 февраля Хованский с основной частью сил выступил из Казани. В деревне Чепчюги к нему присоединились полки А. Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова. Кроме того, Н. Кудрявцев из солдат, оставленных Хованским в Казани, создал ряд отрядов и направил против восставших. Таким образом, в конце февраля 1708 г. в Казанском уезде повстанцам противостояли, не считая отрядов «вольницы», свыше 10 тыс. хорошо вооруженных солдат и драгун.

Под их напором восставшие вынуждены были отступить. Они оставили центр Казанского уезда и уходили за Каму и Вятку. Их ставка из деревни Савруш переместилась в Варзи.

Царские отряды начали расправляться с нерусским населением, участвовавшим в восстании. Особенно в этом отличались отряды, посланные Н. Кудрявцевым, и татарские феодалы. Многие сотни людей были взяты в плен и превращены в рабов. Служилый татарин И. Шигаев в 1721 г. про своего крепостного Ишметку Рыскина говорил: «...как в 708 году был башкирский бунт и в то время он его Ишметку з братом купил Иванова полку Немкова у салдата, дал денег 10 рублей...» Ишмет добавил, что «отец его Рыс был Казанского уезду Нагайской дороги деревни Салтаналей ясашник... Да сестра их Зюлейка с того бунту живет у казанского слободского татарина Юсупа...» Зюлейка сказала, что «...у Юсупа еще живет полонная ясашная татарка Бахти Урманаева. Да у татар Исмагила и Юсупа Маметовых живут их дерев-

¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 301—302 об; Т. 2. Л. 1—2 об; ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 9. № 118; Булавинское восстание. № 203—204.

ни 3 полонные татарки»¹. Ясашные татары, бежавшие в Башкирию, также жаловались на жестокость своих прежних феодалов: «Да казанские же мурзы и татара слобочки и уездные во время той же башкирской войны многих их братьев ясашного чину людей татар побили, а иных в полон забрали к себе в неволю мужеска, женска полу и меж себя друг другу тех невольных и продают, а иных держат у себя в неволю и по се время»².

Спасаясь от этой участи, многие повстанцы из местного населения ушли вместе с башкирами за Каму. Кто не успел бежать, те вынуждены были принести повинную. П. И. Хованский доносил в Разряд: «А ныне, государь, будучи в походе в Казанском уезде в деревне Туй и в других деревнях сего марта 5 числа Казанского уезду 4-х дорог Арские, Зюрейские, Алацкие и Ногайские разных деревень сотни и выборные ясашные татара и черемиса многие пришли ко мне холопу твоему в полк и от возмущения воров башкирцов в винах своих тебе великому государю добили челом и по своей вере татарова куран целовали, а черемиса по своей же вере шертовали»³.

Так, принимая повинную от жителей Казанского уезда, кое-где с боями, Хованский продвигался вперед и 17 марта прибыл в г. Елабугу. Он не торопился с походом в Уфимский уезд и, остановившись в Елабуге, возобновил переговоры с восставшими.

Казанские власти, которые в феврале 1708 г. не возражали против переговоров, сейчас, когда инициатива перешла на сторону царских войск, резко выступили против этих действий Хованского. Они считали, что наступил удобный момент, чтобы потопить восстание в крови. В своих донесениях в Москву они резко осуждали действия Хованского. Во второй половине марта Н. Кудрявцев писал находящемуся в Москве А. Сергееву: «Зело опасаемся, что он не слепил какова нелепова с ними договору». 14 апреля он же доносил А. Д. Меншикову: «А как господин Хованский был в Казани, и ис Казани выступя, с теми ворами чинил пересылки на письмах... И по се число над ними никакого промыслу не имел и за Каму реку в Уфинский уезд не пошел и никого не послал, стоит со всеми в одном месте у реки Камы в селе Елабуге, а при нем ратных людей конницы и пехоты 8000 с лишком»⁴.

¹ РГАДА, Ф. 248. Кн. 101. Л. 584.

² Материалы... Ч. 1. № 131.

³ Там же. № 94.

⁴ Булавинское восстание. № 208, 209.

Необходимо подчеркнуть, что казанские власти, ослепленные своей ненавистью к повстанцам, не сумели правильно оценить реальную обстановку, допуская недооценку силы сопротивления восставших. На самом деле, восставшие массы не были разбиты, они лишь отступили за Каму. Башкирские отряды, составлявшие основную боевую силу, в организованном порядке перешли на восточный берег Камы и остановились напротив Елабуги. Вместе с ними находилась и наиболее активная часть восставших из жителей Казанского уезда. Из писем башкир Хованскому было ясно, что в случае вторжения войск в Башкирию они окажут сопротивление¹.

Хованский не мог сразу вступить в Башкирию и начать активные действия еще и потому, что надо было как-то наладить отношения с вчерашними участниками восстания — жителями Казанского уезда, укрепить свой тыл. Об этом он прямо писал царю 5 июня 1798: «А как ис Казани с ратными людьми на тех воров я пошел, и приводил их воров новокрещенов к святому Евангелию, а татар х курану, а иных иноязычников по их верам... Для того и походом и опоздал, и не уверя их воров покинуть было за спиною нельзя...»².

Состояние источников не позволяет сколько-нибудь удовлетворительно охарактеризовать обстановку в лагере башкирских повстанцев в этот период. Из отрывочных сведений явствует, что состоялся ряд йыйынов. Один из них, по-видимому, прошел в местности, довольно далекой от Камы. Посланцев Хованского отправили туда: «...к башкирцам в Уфинский уезд в дальные их улусы... 4-х дорог к добрым людям, они 4-х дорог со многими добрыми людьми подумают»³. После этого башкиры решили создать еще йыйын в непосредственной близости от Камы, пригласить Хованского лично приехать туда и выслушать их жалобы. Об этом свидетельствует письмо Рахмангула, Хусейна, Куразмана и Аббаса муллы к нему: «После тое думы вашей милости в которое место притти тем двоим людем письмо написав дадут к тебе князь Петру Ивановичу Хованскому и твоей милости станем бить челом». В письме Арыка и Куразмана, присланном Хованскому в конце марта, эта мысль подчеркнута еще яснее: «...уже де наши мирские люди на срок поспевают, и на тот срок ты прислал бы посланника; к твоей милости наши мно-

¹ Материалы... Ч. 1. № 92.

² Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 628—629.

³ Материалы... Ч. 1. № 92, 94.

гие люди збираютца, а в том, что много наших людей зберется, не винил бы»¹. Но Хованский на йыйын не поехал, хотя йыйын состоялся. Правда, неизвестны его решения. Лишь по последующему поведению башкир можно в какой-то мере судить о них. По всей вероятности, основная масса повстанцев не спешила принести повинную. Лишь башкиры волостей, расположенных вблизи Елабуги, где стояла армия Хованского, склонялись к тому, чтобы принесением повинной обезопасить себя от расправы царских полков.

23 марта от имени населения башкирских волостей, расположенных западнее Камы, «пришли к Хованскому в Елабугу башкиры А. Тохтамышев и И. Чювашев, К. Семенов, Т. Бунгузин с товарищи и с татары... и ему великому государю в винах своих добили челом и целовали по своей вере куран и обещавались ему великому государю служить верно... ясак... платить им по старому окладу сполна без доимки..., а которой в нынешнее смутное время взят полон и тот полон, сыскивая, ставить им»².

31 апреля принесли повинную башкиры еще 2-х волостей. За Енейскую волость повинную подписал Тохтар, за Булярскую — Ураз мулла³.

В Зауральской Башкирии по-прежнему было спокойно. Но носились слухи о готовности башкир напасть на слободы. Приказчик Каменского завода доносил: «...башкирская сила стоит в Сыенках 6000, у всех огненное ружье, пищали и турки есть; а панцырников де человек с 300, а начальный де у них башкиретин с Аю реки Аммает». По другим сведениям: «...на Чебаркуле де озере збирались башкирцы с нагайцами вместе... и отъехали в степь и хотят воевать слободы...»⁴. Попытка тобольского воеводы заставить башкир дать заложников не увенчалась успехом.

Таким образом, в конце марта 1708 г. обстановка в Башкирии немного разрядилась. Хотя основная масса башкир еще не принесла повинную, вооруженные столкновения приостановились. Продолжались переговоры повстанцев с Хованским.

В конце апреля 1708 г. борьба возобновилась. Начались бои в окрестностях Сергиевска и Билярска, и восставшие заняли ряд деревень. В мае эти действия продолжались. По данным Н. Кудрявцева, восставшие «...в

¹ Материалы... Ч. 1. № 92, 96.

² Там же. № 103.

³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 254.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 98, 99.

закамских местах русских сел и деревень, так же и чю-
васких, разорили 15, людей порубили и в полон побра-
ли... Июня 1—2 под Сергиевском на Соку по полям мно-
гих людей похватали и в полон побрали... под Самарою
русское село Касимовского царевича воры башкирцы вы-
рубали и в полон побрали»¹.

Активизация повстанцев наблюдалась и в центре края.
В мае они приступом взяли Соловарный городок. Об этом
уфимский воевода сообщил в Казань: «...те воры к Со-
ловарному городку приступали и наложив на телеги су-
хова лесу зажегши подвезли под городовую стену, и тот
город и церковь божию выжгли и людей побили, а ос-
тавшиеся отошли и сели в осаде в острожке, и они к
тому острожку приступают»².

Началась вооруженная борьба и в Зауралье. 30 ап-
реля башкиры напали на слободу Чумляцкую и, заняв
окрестные деревни, осадили слободу. В начале мая баш-
киры появились около Чусовской слободы и разорили
ряд деревень в окрестностях. 8 мая восставшие заняли
деревню около Уткинской слободы, затем напали на сло-
боду³. 22 мая они вновь пришли сюда и заняли деревню
Антоново. Из слободы против башкир вышло 40 человек
беломестных казаков и крестьян, и они были окружены
восставшими. В помощь окруженным пришли тюменские
пешие казаки, недавно посланные для защиты Уткинской
слободы. Сражение длилось с раннего утра до полудня.
Окруженным удалось вырваться из кольца и вернуться
в слободу. Тогда башкиры вновь напали на слободу со
стороны деревни Посниково. Против них были пущены в
ход пушки, что и позволило отстоять слободу. Характе-
ризуя положение в крае, тобольский воевода писал в Вер-
хотурье, что башкиры «...около тобольских слобод обле-
гли войною и во многих местах воруют, деревни жгут,
людей бьют...», а пороху и свинцу мало⁴.

Возобновилась борьба и в Кунгурском уезде. В сере-
дине апреля бои шли около города Кунгура и Степанов-
ского, Ильинского и Торговишского острожков. 23 ап-
реля восставшие, заняв село Преображенское, спраши-
вали крестьян, много ли силы и пушек в Торговишском
острожке. При этом повстанцы сказали им, чтобы они

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 619—621, 624—626.

² Материалы. Ч. 1. № 108. С. 248.

³ Там же. № 105, 106. С. 243—245.

⁴ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 260—261; Памятники
Сибирской истории XVIII века. (Далее — ПСИ XVIII в.). Кн. пер
вая. 1700—1713. Петербург. 1882. № 80.

сошли с этих мест, ибо они скоро придут с 2-тысячным отрядом и будут осаждать острожки¹. Таким образом, этот случай, когда восставшие, не желая подвергнуть опасности и разорению русских крестьян, заранее предупредили их, ярко показывает, насколько несостоятельна попытка Н. В. Устюгова представить действия восставших как направленные исключительно против всего русского населения, и подтверждает наше положение о том, что повстанцы боролись против русского царизма, дворян и их слуг, а не против русских вообще.

В мае развернулись сильные бои вокруг Торговишского и Ильинского острожков, которые были осаждены. 24 мая башкиры, кунгурские татары и мари начали приступ Ильинского острожка. В помощь осажденным спешил отряд во главе с воеводой Кунгура Трусовым. Но и приход самого воеводы не изменил обстановки. В бою, состоявшемся 28 мая, отряд Трусова потерпел поражение. Воевода был смертельно ранен и через несколько дней умер².

Чем же объясняется заметная активизация притихших было восставших? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, что же происходило в это время в Придонье и на правобережье Ср. Волги.

Вспыхнувшее еще осенью 1707 г. восстание крестьян и казаков во главе с К. А. Булавиным с марта 1708 г. стало принимать угрожающие размеры. Оно охватило Придонье, южные уезды Русского центра и Слободскую Украину. Булавины предпринимают неоднократные попытки прорваться к башкирам. Еще в марте 1708 г. отряд из 1700 человек направился к Саратову. Вторая попытка была сделана в мае. 13 мая булавины во главе с И. Некрасовым заняли Дмитриевск (Камышин) на Волге. В конце мая они подошли к Саратову и осадили его³.

Отмеченная выше активизация восставших башкир вблизи Самары и Сергиевска, в районе Соловарного городка и закамских крепостей, а также в других местах, была их ответом на попытки булавинов установить непосредственные связи с ними.

Современник этих событий, английский посол в Москве Чарльз Витворт, пристально следивший за внутренними событиями в стране, в донесении в Лондон от 2 июня

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297. Л. 12—13.

² Там же. Л. 31—32.

³ Булавиновское восстание. № 31, 214. С. 162, 215, 228.

1708 г. сообщает содержание письма К. А. Булавина к Петру I, в котором говорится, что «он божию помощью (его выражение) состоит в союзе с башкирами». Движение булавинцев вверх по Волге (на Саратов) он непосредственно связывал с их «...надеждой открыть сообщения с башкирами»¹.

Сохранились также сведения, исходящие от самих башкир. Калмык Загалдай по возвращении из Яицкого городка, куда он ездил по делу, 13 июня 1708 г. сообщил И. Бахметеву, представителю Петра I у калмыков, что «...в мае приехали в Яицкой городок башкирцов 3 человека, а с ними их войсковою татарин Теленбет и говорили де они башкирцы с ним Загалдаем тайно, что де их в собрании многое число, а согласие де между собой имеют с кайсаки и с каракалпаки и з донскими воровскими казаки и с кубанцы, и положено де на том, что друг друга не выдавать, у всех заодно»².

Интересен и другой факт. Когда в марте 1708 г. калмыцкий хан готовился в поход против башкир, то 12 марта 2000 крестьян и казаков во главе с Игнатом Некрасовым внезапно напали на ставку хана Аюки и «...улусы около ево многие повоевали, людей посекали и в полон поимали». Хан спасся бегством в степь. После этого он писал в Казань, что «...хочет иттить на воров башкирцов многими людьми, только мешают ему донские казаки, многие юрты разорили, и людей побили и в полон поимали, и ныне еще тщаться, где б улусы разорить»³. После этого Бахметову не без труда удалось добиться выполнения Аюкой своего обещания — послать войско против восставших башкир. Это событие также проливает определенный свет на взаимоотношения башкир с булавинцами.

Все эти факты показывают, что между башкирами и поднявшимися на борьбу против царизма русскими трудящимися массами во главе с К. А. Булавиным не только были установлены связи, но и делались попытки объединить свои силы в борьбе против угнетателей. Однако своевременные энергичные мероприятия правительства сорвали эти усилия. Нелишне отметить, что крупнейший историк С. М. Соловьев признавал наличие свя-

¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 50. СПб., 1886. С. 16, 21.

² РГАДА. Ф. 119. Д. 1. Л. 40—40 об.

³ РГАДА. Ф. 119. Д. 1. Л. 51; Булавинское восстание, № 210. С. 418.

зей между башкирами и булавинцами¹. Профессор МГУ В. И. Лебедев в статье «Башкирское восстание 1705—1711 гг.» также высказывает предположение о существовании связей между повстанцами различных районов — Дона, Кубани, Волги и Урала².

В этих условиях правительство стремилось как можно быстрее добиться успокоения в Башкирии. 15 апреля 1708 г. Петр I писал Хованскому: «Мы зело желаем о ваших делах, какой у вас промысел над ворами башкирцами чинитца. И как возможно неусыпное попечение имейте, дабы оных воров злое намерение скоряя искоренить». Подобное письмо получил и Н. Кудрявцев. Далее, Петр I требовал от них, чтобы в интересах дела они действовали согласованно³.

26 мая полки П. И. Хованского начали переправляться через Каму у деревни Челны, чтобы двигаться в сторону Мензелинска и далее в центр Башкирии. Тогда башкиры решили принести повинную, и их представители 31 мая явились к Хованскому. Начались переговоры. П. И. Хованский от имени правительства обещал всем участникам восстания прощение и «обнадежил их государевою милостью» снять новые налоги, рассмотреть их жалобы о насилиях казанских властей и исключении их из-под ведомства последних, о снятии уфимского воеводы Л. Аристова, о наказании полковника С. Аристова, на зверства которого неоднократно в ходе восстания жаловались башкиры, А нерусским жителям Казанского уезда, которые отступили вместе с башкирами на восток, П. И. Хованский разрешил, чтобы «быть у них башкирцов, где они жить похотят»⁴. Восставшие согласились прекратить борьбу, платить ясак и другие подати по старому окладу, давать подводы. Стороны также договорились отпустить пленных и вернуть скот, захваченный во время восстания. На этих условиях приехавшие руководители восстания целовали коран.

После этого Хованский назначил воеводой г. Уфы вместо Л. Аристова одного из своих товарищей — стольника Федора Есипова, чтобы «ему быть до указа великого государя» и повелел ему с нерусского населения уезда налоги «збирать по старому окладу». По сведениям

¹ Соловьев М. С. История России с древнейших времен. Кн. 8. Т. 15. С. 1449.

² Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705—1711 гг. // Исторические записки. 1937. № 1. С. 90.

³ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 140.

⁴ Материалы., Ч. 1. № 131. С. 285.

Кудрявцева, П. И. Хованский велел башкирам не только не повиноваться казанской администрации, а быть в ведении лишь воеводы, направленного от него¹. Для принятия повинной от населения во все 4 башкирские «дороги» были посланы дворяне, подъячие и толмачи. Целовать коран должны были лица мужского пола «все до малых ребят»². Хованский также уведомил местные власти соседних уездов о принесении повинной восставшими и требовал, чтобы все отряды прекратили военные действия против них. В начале июня эту весть он сообщил воеводам Tobольска, просил их отпустить пленных повстанцев и возобновить прежние мирные отношения с башкирами. Воеводе Кунгура было повелено привести к корану участников восстания, проживающих в Кунгурском уезде, и освободить пленных³. С другой стороны, Хованский принял и некоторые меры военного порядка. Так, полк И. Рыдаря, который с конца 1707 г. участвовал в обороне Уфы, был заменен свежим московским солдатским полком Норова.

Важное значение в стабилизации установившегося мира имело возвращение назад П. И. Хованским отряда яицких казаков, состоящего из 1240 человек и прибывшего в начале июня 1708 г. в г. Самару. Отряд остановился в непосредственной близости от башкирских кочевий. Еще в январе 1708 г. к яицким казакам была послана грамота из Москвы, в которой говорилось, чтобы они выступили против восставших башкир. Опираясь на это повеление царя, Н. Кудрявцев торопил их с походом. Только за 2 месяца (январь—февраль 1708 г.) он послал казакам 4 письма. Заранее в конце января 1708 г. в Самару было доставлено жалованье, предназначенное им⁴. Но казаки не спешили и пришли в Самару лишь в июне 1708 г.

Подобная медлительность казаков объясняется наличием определенных связей между ними и башкирами. Башкир Мурат, руководитель осады г. Терека, освещая период 1705/1706 гг., показал на допросе, что он с 2000 башкир пошел на Яик, чтобы с яицкими казаками «иттить на калмыцкого владельца Чагана хана». Пленный повстанец К. Куксеев, говоря о событиях 1707 г., сообщил, что Кулчюрка, командир одного из отрядов восстав-

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 746—747.

² РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 261—262 об.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297. Л. 45—46; Булавинское восстание. № 218. С. 427; Материалы... Ч. 1., № 107. С. 246.

⁴ Булавинское восстание. № 201, 206. С. 406, 413.

ших, действовавшего в конце 1707 г. около Мензелинска, рассказывал им, что «...башкирцу де Уразманку, который ездил на Яик для торгового промыслу, говорили яицкие казаки, чтоб русских людей, которые будут на башкирцов наступать, рубить»¹. Эта весть говорит уже о сочувствии казаков восставшим башкирам. Выше мы привели факт о приезде в мае 1708 г. в Яицкий городок к казакам 4-х башкир. Хотя источники не говорят о цели их приезда, сам тот факт, что в ходе восстания башкиры послали к казакам целую делегацию из 4-х человек, приобретает очень важное значение и свидетельствует о наличии связей между восставшими башкирами и яицкими казаками. Не случайно Н. Кудрявцев обвинял казаков в сочувствии к восставшим башкирам. Еще в донесении Петру I от 5 февраля 1708 г. он писал, что они «...манят и иттить не хотят»², 14 апреля он же доносил Меншикову: «А яицкие казаки по многим... указам и по грамотам и по нашим письмам по се число на воров не пошли, а пойдут ли бог весть, а мы чаем, что есть у них с ними ворами согласие»³. Таким образом, казаки не пришли на помощь правительству в тот момент, когда в них более всего нуждались. Когда все же они пришли, то не спешили ворваться в пределы Башкирии. Приказ Хованского явился удобным предлогом, чтобы уйти им обратно, не причинив восставшим никакого вреда. Казаки имели полную возможность ограбить башкирские волости, как это сделали отряд И. Бахметева и калмыцкие феодалы несколько позднее. Эти данные позволяют говорить не только о существовании определенных связей между башкирами и яицкими казаками, но и о сочувствии последних борьбе башкир против царизма и благожелательном нейтралитете яицких казаков по отношению к башкирским повстанцам.

Постепенно в Башкирии стала налаживаться мирная жизнь. В донесении к царю от 5 июня 1708 г. Хованский писал: «Ныне за помощью божию от них башкирцов воровства никакова нет, потому что все их воровство искоренено, и в Уфинском уезде по самую Уфу стало быть вельми смирно и правиант на Уфу водою, также и сухим путем, послан»⁴. Наступила тишина в районе Сергиевска, Самары и в центре края, где в мае усили-

¹ Материалы. Ч. I, № 104, 82. С. 239, 215.

² Булавинское восстание. № 201, С. 406.

³ Там же. № 210.

⁴ Там же. № 215.

лись было активные действия восставших. Было спокойно и в Кунгурском уезде. Происходил обмен пленными и принесение повинной восставшими. Так, 25 июня башкиры привезли в Кунгур 3-х пленных, и из Кунгура взамен их отпустили 2-х башкир. С 22 по 24 июня в уезде были приведены «х кураны кунгурских татар 240 человек и взяты аманаты». Затем кунгурский воевода послал подъячего, 2 посадских людей, 2 солдат, толмача и абыза, чтобы «привести х курану остальных кунгурских татар и башкирцов, которые смежно с Кунгурским уездом»¹. Наступило спокойствие и в Зауралье. От июня 1708 г. уже нет данных об активных действиях башкир.

В борьбе с башкирами царское правительство большие надежды возлагало на калмыцких феодалов. Еще 10 февраля 1708 г. стольник и воевода И. Е. Бахметев в сопровождении 50 драгун отправился к ним из Москвы. 8 марта он прибыл в ставку хана Аюки на р. Ахтубе, ниже Черного Яра, и подал ему грамоту Петра, в которой говорилось, чтобы Аюка послал 20 тыс. своих людей. «...на воровских башкир с ним, Иваном, нынешним зимним путем... не токмо бы их разорить, но и жилища их искоренить, а ему Аюке и владельцем и ратным людям великого государя жалованья прислано будет»². Хан обещал выступить в поход в конце марта. Но нападение булавинцев во главе с И. Некрасовым 12 марта надолго задержало это выступление. Лишь к концу мая калмыцким феодалам во главе с Аюкой удалось подготовить требуемое войско.

22 мая Аюка получил письмо из Казани, в котором говорилось, чтобы он часть своих людей послал против булавинцев, которые осаждали Саратов. Поэтому отряд из 10 тыс. человек пошел под Саратов, а остальные 10 тысяч и отряд Бахметева направились против башкир. 26 июня они вторглись в пределы Башкирии и стали расправляться с башкирами, живущими в верховьях р. Ик: «Перешел реку Ик июня 26 на жилища и войсковое их собрание били в разных местах и числах на боях и в загонах их башкирцов побили и полону мужеска и женска полу и лошадей и скота взято было многое число», — доносил И. Бахметев в Москву³.

Башкиры были застигнуты врасплох и понесли, по видимому, значительный урон. Затем они оправились и

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1297. Л. 45—46.

² Там же. Ф. 119. Д. 1, Л. 49—51 об.

³ Там же. Ф. 119, 1708. Д. 1. Л. 40 об.

стали собирать отряды. Дело организации отпора возглавили Исмагил мулла, один из видных руководителей восстания, и Балта батыр. В самом конце июня отряды башкир сосредоточились в верховьях р. Сюнь «в немалом собрании», затем перешли на Ик и вступили в бой с врагами. Произошло несколько кровопролитных боев, не давших, однако, перевеса ни одной стороне. После этого противники, готовые к бою, встали на противоположных берегах р. Ик. Этот достойный отпор со стороны башкир отбил у калмыцких феодалов охоту вести дальнейшие активные действия. Начались переговоры. Башкиры обязались быть верными царскому правительству и обещали отдать пленных, захваченных в ходе восстания. Бахметев и калмыки в свою очередь согласились отпустить пленных башкир, взятых ими. Затем калмыки поехали домой, а отряд Бахметева 9 июля пришел в Самару¹.

Этот поход не изменил общей обстановки в Башкирии, где и до их прихода дело шло к успокоению. Большим успехом властей было принесение повинной в конце июня 1708 г. новой группой предводителей во главе с Кусюмом. В донесении в Разряд от 30 июня Хованский писал: «Уфимского де уезду ото всех 4-х дорог начальнейший Кусюм батыр и другие наибольшие башкирцы с товарищи, пришед к нему в полк в винах своих в. г. дабили челом... ныне за тем куранным целованием с ними башкирцы делать стало нечего, воровства и никакой шатости от них не слышно»². Хованский при этом сообщил в Москву о своих опасениях по поводу того, как бы казанские власти своими действиями не вызвали новое восстание башкир.

Правительство подтвердило почти все обещания, данные восставшим во время переговоров с Хованским: прощение участников восстания, снятие всех тяжестей и налогов, наложенных прибыльщиками, смена воеводы Уфы, привлечение к ответственности за жестокость командира драгунского полка С. Аристова и воеводы Уфы Л. Аристова. Во главе новоучрежденной Казанской губернии в конце мая 1708 г. был поставлен не Н. Кудрявцев, стоявший до этого во главе всего управления Ср. Поволжья, а П. М. Апраксин³.

¹ РГАДА. Ф. 119, 1708. Д. 1. Л. 21, 41, 53—54.

² Булавинское восстание. № 223. С. 433—434.

³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 275—276; Булавинское восстание. № 220, 223; Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 751.

Однако центральная власть проводила эту линию последовательно. Комендант Казани Н. Кудрявцев, комиссары А. Сергеев и С. Вараксин, в которых восставшие видели корень зла, остались на своих местах. Неизвестно, состоялось ли в 1708 г. расследование по делу С. и Л. Аристовых. Они вызывались в Москву для объяснения по решению Ближней канцелярии от 1 июля 1708 г. Хованский не смог отправить их в Москву из-за сопротивления казанских властей. 30 августа Ближняя канцелярия вновь подтвердила свое решение в отношении Аристовых и обязала Н. Кудрявцева выслать их в Москву¹. Но и это решение не было выполнено. Кудрявцев, Сергеев и Вараксин 15 ноября 1708 г. обратились к А. Д. Меншикову с письмом, где писали, что Аристовы за их действия против восставших заслуживают не порицания, а поощрения, и просили, если нельзя отменить розыск, чтобы их дело разбирал не Разряд, а было повелено «дабы тем Аристовым явитца и службу свою изнести пред его царским величеством и пред тобою»².

Больше никаких сведений по этому делу нам обнаружить не удалось. Вполне возможно, что Аристовы отделались лишь испугом. Не были удержаны также калмыцкие феодалы и отряд Бахметева, которые напали на восставших, принесших уже повинную. Еще в начале апреля 1708 г. Ближняя канцелярия доносила Петру I, что башкиры хотят принести повинную, «а калмыки идут, одерживать ли... или им итти на башкирцов, о том требуем вашего величества указа»³. Однако, как сказано выше, калмыки не были остановлены.

В целом же в этот период правительство склонялось в сторону примирительной политики в отношении восставших, что способствовало успокоению в крае. Не говоря уже о донесении П. И. Хованского от 30 июня 1708 г., о прекращении восстания свидетельствует и сообщение Н. Кудрявцева от 7 июля: «от башкирцов, государь, ныне пуцаго ничего не слышно»⁴. Наступил мир и в Зауральской Башкирии. Точно неизвестно, когда принесли повинную башкиры этих мест. Известно лишь то, что уже к началу сентября 1708 г. башкиры 10 волостей целовали коран.

Воеводой в Уфу был послан стольник полковник

¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 279 об., 276.

² ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 10. № 57.

³ Материалы... Ч. 1. № 101.

⁴ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 886.

Г. Титов. Сначала Хованский воеводой назначил было своего заместителя Ф. Есипова, бывшего воеводу Симбирска. Но, уступая желанию башкир, которые просили послать им воеводой московского жителя, он отправил воеводой в Уфу Г. Титова¹.

Итак, к середине лета 1708 г. восстание в Башкирии прекратилось. Правда, принесли повинную не все повстанцы, среди них был Алдар, один из главных руководителей восстания, и башкиры Айлинской волости во главе с Уракаем.

Как видно, время с осени 1707 по лето 1708 г. явилось периодом наибольшего размаха борьбы. Кроме Башкирии, восстанием был охвачен ряд соседних уездов — Казанский, Кунгурский, отчасти и Вятский. Вспышка борьбы имела место и на Северном Кавказе.

Восстание носило напряженный характер. Обычно башкиры действовали в теплое время года, но на этот раз и наступление холодов не повлияло на темп восстания. Наоборот, в декабре—феврале оно еще более усилилось.

На борьбу поднялись широкие массы башкир, которые составляли основную боевую силу повстанцев. Их поддержало остальное нерусское население, живущее в Башкирии. Правда, оно представляло лишь вспомогательную силу повстанцев ввиду их немногочисленности. Когда восставшие оказались в Казанском, Кунгурском и Вятском уездах, то к ним присоединились местные трудовые массы татар, мари, удмурт и чувашей.

В этот период в движение включилось большинство башкирских феодалов. Им же принадлежала решающая роль в руководстве народной борьбой, хотя среди предводителей были и батыры из низов. Наиболее крупными вождями были Алдар Исянгильдин, Кусюм Тюлекеев, Хази Аккускаров, который был объявлен ханом, Иман батыр и Мурат. Кроме них выделяются Исмагил мулла, Мурзай абыз, Арык батыр, Рахмангул, Қ. Уразов, М. Уразаев, Я. Кульметов, Аббас мулла, из мишарей — Кулаев.

Нельзя не отметить определенной организованности повстанцев, наличия общего центра по руководству восстанием.

Борьба началась в центре Башкирии по инициативе жителей Ногайской дороги, затем охватила весь край. Это было стихийным ответом башкир против феодаль-

¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 279.

ной колонизации, против захвата правительством, дворянами, монастырями и мелкими служилыми людьми башкирских земель. Постепенно определилось главное направление действий повстанцев. К концу декабря 1707— началу января 1708 г. стало заметно наступление на запад, в сторону Казани, где находился центр колониальной администрации края.

Основными формами борьбы были сражения с царскими полками, отрядами, осада и приступ крепостей и других правительственных пунктов. Восставшие стремились уничтожить эти пункты, ибо, именно опираясь на них, царизм проводил угнетательскую политику.

Большое место в действиях повстанцев занимала расправа с непосредственными угнетателями — дворянами, приказной администрацией, церковными и монастырскими служителями, купцами и другими, уничтожение их поместий, сел, деревень, а также церквей и монастырей. При этом надо учесть, что в условиях многонациональной Башкирии положение обострялось национальными и религиозными моментами, принадлежностью угнетенных и угнетателей к разным народам и религиям. Справедливо применяя эти приемы борьбы по отношению к врагам — дворянам, приказной администрации, служителям церквей, монастырей, — восставшие в пылу борьбы не всегда отличали их от русских крестьян, таких же угнетенных масс, как они сами, и от действий повстанцев в известной мере пострадало и русское крестьянство.

Необходимо особо подчеркнуть, что некоторые исследователи башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII в., например, Н. В. Устюгов¹, обращают внимание на разорение сел и деревень лишь повстанцами. На самом деле это было характерно и для правительственных отрядов. Более того, первый пример в этом отношении показывало само правительство, его отряды. На отказ башкирских масс платить новые налоги и согласиться с захватом их земель правительство ответило карательной экспедицией А. Сергеева, которая жестоко расправилась с недовольными. Когда же началась массовая вооруженная борьба башкир, то правительство не только направило против них войска, но и натравливало русское население края на башкир. Сам Петр I приказывал расправляться с ними, как с неприятелем. Как показывают данные, царские отряды именно так и поступали, сжигая

---

¹ Устюгов Н. В. О характере Башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII вв. // Материалы научной сессии. С. 117, 121.

башкирские села и деревни и расправляясь с их населением, вплоть до детей. Но даже в этих условиях борьба восставших не принимала исключительно антирусского характера, и разорение русских сел и деревень не являлось главным в их действиях.

Восставшие в основном разоряли поместья, села и деревни, принадлежавшие дворянам, приказной администрации, монастырям, и сжигали церкви и монастыри. По донесению казанского коменданта Н. Кудрявцева, с 1 по 18 февраля 1708 г. восставшие разорили 92 села и деревни Казанского уезда. Из них 49 принадлежало русским дворянам, в т. ч. 4 деревни — самому Н. Кудрявцеву, 9 — Аристовым, остальные 43 — представляли ясашные деревни¹. Итак, по данному документу получается, что восставшие, наряду с поместьями дворян, разоряли и ясашные деревни, т. е. разоряли ясашных татар, мари, чувашей, удмуртов. А известно, что ясашные татары, мари, чуваше, удмурты и другие активно участвовали в восстании. Выходит, восставшие разоряли сами себя. Конечно, это не так.

На деле же эти 43 ясашные деревни разорили не восставшие, а царские полки, отряды «вольницы» и татарских феодалов.

Мы выше привели достаточные факты о жестокости правительственных отрядов в отношении повстанцев и нерусского населения края в целом, о разорении и сожжении ими нерусских сел и деревень. Вот результаты подобных действий. Мстя за участие в восстании, царские команды, отряды «вольницы» и татарские феодалы лишь в пределах Казанского уезда в течение 18 дней разорили 43 ясашные деревни. А Кудрявцев ответственность за разорение ясашных сел и деревень, фактически совершенное правительственными силами, переложил на повстанцев.

Не случайно ясашные татары, бежавшие в Башкирию, в своем письме в Сенат от 1720 г. писали, что татарские феодалы «многих их братью ясашного чину людей татар побили, а иных в полон забрали к себе в неволю мужеска, женска полу... а слава лежит на одних башкирцов, будто они Казанский уезд разоряли»².

Именно учитывая это, мы должны критически подойти к донесению казанского губернатора П. М. Апраксина от 22 февраля 1709 г. о разорениях в уезде в годы вос-

¹ Булавинское восстание. № 204. С. 409—410.

² Материалы... Ч. I. № 131. С. 286—287.

стания. Он сообщает, что восставшие в 1707—1709 г. разорили 287 сел и деревень, 1 пригород, в них было 66 церквей и 2970 дворов¹. На самом деле, это результат не только действий восставших, но и правительственных сил.

Таким образом, разорение сел и деревень было характерно для обеих сторон. Если восставшие в основном разоряли деревни и села дворян, монастырей и других колонизаторов, то правительственные силы — нерусские села и деревни. В целом же эта форма борьбы была неизбежной в условиях того времени, поэтому она не может играть решающую роль для определения общего характера восстания.

Взаимоотношения восставших с соседними русскими и нерусскими массами, которые в этот период также поднялись на борьбу против царизма, лишней раз свидетельствуют о том, что борьба была направлена против феодального гнета. Башкирские повстанцы сочувствовали восстанию русских и нерусских масс Астрахани и пытались установить с ними более тесные связи. Наиболее определенные связи башкир существовали с русскими крестьянами и казаками Дона, поднявшимися на борьбу под руководством К. А. Булавина. Башкиры и булавинцы сделали попытку открыто объединить свои действия. Башкиры имели связи и с яицкими казаками. Подобные материалы еще раз свидетельствуют о том, что положение Н. В. Устюгова об антирусском характере восстания противоречит историческим фактам².

Очень важно отметить, что в этот период правительству не удалось осуществить разгром повстанцев. Правда, к концу февраля 1708 г. в Казани были сосредоточены значительные военные силы (свыше 10 тыс. солдат). Но упорство восставших и массовость движения в условиях всеобщего недовольства в стране и войны со Швецией не позволяли правительству осуществить чисто военное подавление восстания и массовую расправу с повстанцами. Повстанцы лишь отступили из Казанского и Кунгурского уездов. Seriously встревожили правительство и радикальные требования восставших об отказе от русского подданства. Оно вынуждено было пойти на значительные уступки.

---

¹ Материалы... Ч. 1. № 113. С. 251.

² Устюгов Н. В. О характере башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII вв. // Материалы научной сессии. С. 117, 121.

§ 3. Борьба в Зауралье (1709—1710 гг.)

Спокойствие, установившееся в Башкирии в июле 1708 г., продолжалось недолго. Уже в сентябре 1708 г. Н. Кудрявцев доносил, что хотя от башкир «...ныне воровства не явитца, только, государь, весьма своевольны стали быть: в Уфимском уезде ниже кому подвод дают»¹. С Уфы сообщали, что дворяне и подъячие «...которые посланы были повелением боярина князя Петра Ивановича Хованского с Уфы приводить к шертованью, не токмо шертовали, но и сами насилу уехали, а сказали, что де им недосуг шертовать»². На требование послать 1000 людей для службы в Петербурге башкиры, как об этом доносил Н. Кудрявцев, ответили отказом: «И они воры не токмо на твою государеву службу итти, только воровством своим ругают и сказали, как де на реках лед будет, в то де время пойдем на службу; и тем провещают намерение своего воровства»³.

Дело не сводилось только к невыполнению отдельных распоряжений правительства. Башкиры решили возобновить восстание. Начались их съезды и совещания. В конце сентября 1708 г. уфимский воевода сообщил в Казань, что «к Алдару почали башкиры съезжаться, а ясаку платить старого и в мысли их нет. А сказали, как де зимою реки все замерзнут, в то время ясак приведут, и по сему явно быть пуцему воровству»⁴.

В сибирские слободы стали поступать сведения о приезде гонцов от Ногайской дороги к башкирам Сибирской дороги с призывом всем собраться на Ногайской дороге. Часть башкир Сибирской дороги поехала по этому призыву на Ногайскую дорогу, остальные стали съезжаться на совет у озера Чебаркуль⁵.

Поздней осенью обстановка стала еще более определенной. 5 ноября 1708 г. Кудрявцев доносил Петру I: «И по непрерывным ведомостям, государь, также и полоненики русские, которых воры башкирцы в прошлом году взяли и ныне у себя держат, от них уходят и сказывают, что они воры, башкирцы, по прежнему изготовились воровать и разорять, как реки лдом крокутся»⁶. В декабре некий поп сообщил в Кунгур, что «...башкирской де атаман

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 887.

² Материалы... Ч. 1. № 11. С. 250.

³ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 888.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 111. С. 250.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1734. Л. 1.

⁶ Письма и бумаги Петра I. Т. 7. С. 888.

Алдар збираетца в башкирцы и каракалпаки идти на государевы города и уезды для разорения»¹.

Шла деятельная материальная подготовка восстания. Возвратившаяся в начале 1709 г. из башкирского плена крестьянка Рябкова рассказала в Кунгуре, что айские башкиры «...всякие к военному случаю хлебные запасы и сыры изготовляли и здумали, чтобы итти на Кунгур войною и разорить. И в то же время приехали с Уфы переписчики Михайло Қиржацкой с мурзою Қазанского уезда и он де мурза их уговаривал и разговаривал и подводы де они не дали... башкирцы всякие запасы отвезли в леса, а после того всякие хлебные запасы и к военному делу копыя и сулебы приготавлиют, а кует де русской человек уфинский кузнец Ларион»².

Очень важным является этот случай, свидетельствующий о том, что русские трудящиеся помогали башкирам в подготовке восстания. Мы уверены, что подобные факты не были единичными. По вполне понятным причинам восставшие тщательно скрывали подобные факты от царского правительства, и поэтому они мало сохранились в источниках. Даже единичные факты такого характера показывают, насколько несостоятельны попытки представить борьбу башкирских масс против царизма как антирусское движение вообще.

Постепенно башкиры активизировали свои действия. В конце 1708 г. они расставили отряды вокруг Уфы и никого туда не пускали. Об этом сообщил в Уфе крестьянин Успенского монастыря Глазырин: «...в тех де их иноверских подгородных деревнях, съехався башкирцы живут без съезду человек по 30 и болщи в деревне и... на Уфу не пропускают». Сборщик ясаков, посланный из Уфы на Ногайскую дорогу, был пойман башкирами и увезен к Алдару³. А. Сергеев 14 ноября 1708 г. доносил А. Д. Меншикову, что башкиры «...за Камою ныне воруют, набегами, деревни многие в нынешних числах разорили»⁴. В мае 1709 г. П. М. Апраксин, губернатор Казани, характеризуя обстановку в крае в конце 1708 г., писал в Разряд: «Уфинские де башкирцы все были в прежней измене и упорстве и даней с себя никаких не давали и к себе в уезды русских людей не пускали, и которые ездили, побивали и гра-

¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 309.

² Там же. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1674. Л. 1.

³ Там же. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 310—311.

⁴ Булавинское восстание. № 233. С. 448—449.

били, и намерены были итти в государевы города и уезды разорять войною»¹.

Недовольство проявляли не только башкиры. Волнение охватило и другие нерусские массы. Когда казанские власти стали набирать людей для службы в Петербург, многие татары Казанского уезда бежали в Уфимский уезд. А татары, жившие восточнее Камы. «...не токмо людей дали, и посланных, бив, выслали»².

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что осенью 1708 г. башкир охватило не только сильное недовольство. Дело шло к новому восстанию. Летом 1708 г. они принесли повинную П. И. Хованскому, чтобы спасти край от разорения, следовательно, их успокоение было вынужденное. Естественно, когда царские полки ушли, восставшие решили продолжать начатое дело.

Затем царское правительство само дало новый повод для усиления недовольства нерусского населения Ср. Поволжья и Урала. Еще 12 мая 1708 г., когда восставшие только начали приносить повинную, Петр I лично повелевает Н. Кудрявцеву: «По получении указа сего Казанского уезду и протчих низовых городов татар и чуваш и ис черемис... наряди в Питербурх на службу 5 тысяч человек». На основе этого распоряжения Н. Кудрявцев потребовал от башкир, чтобы они нарядили 1000 человек для службы в Петербурге»³. Об отказе башкир дать людей, о бегстве татар Казанского уезда в связи с этим требованием властей мы уже говорили.

Кроме того, не все обещания, данные восставшим весной 1708 г., были выполнены. Сильное недовольство башкир вызвало то, что Н. Кудрявцев, А. Сергеев, С. Вараксин, в которых они видели корень зла, не только не были наказаны, но и остались на своих постах. В своей челобитной в Москву они писали: «Великому государю бьют челом, чтоб великий государь пожаловал их, велел их Микиту и Александра, и Сидора, и Льва, и Микиту Норматского отставить, для того они соединясь многих людей разорили и многих побили»⁴. Правда, еще 16 мая 1708 г. Петр I назначил П. М. Апраксина губернатором Казанской губернии. Он прибыл в Казань лишь в январе 1709 г. А до этого краем по-прежнему управляли Н. Кудрявцев, А. Сергеев, С. Вараксин. Методы их управления нерус-

¹ Материалы... Ч. 1. № 119. С. 258.

² Письма и бумаги Петра I, Т. 7. С. 388.

³ Там же. Т. 7. С. 165, 88.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 119. С. 263.

скими народами известны. После ухода П. И. Хованского с полками против булавинцев в мае 1708 г. они остались полными хозяевами края. Уступки П. И. Хованского восставшим, подтвержденные правительством, разумеется, еще более озлобили их по отношению к бывшим повстанцам. В своем донесении в центр от 17 декабря 1708 г. они писали: «А башкирцам мы давно мало верим, потому что добра в них никакова не видим, кроме их воровства инаго ничего, и живем давно под опасением»¹.

Многие мероприятия, которые зависели от них, были проведены так, что способствовали накалу обстановки. В частности, во время переговоров восставших с Хованским было условлено, что обе стороны возвращают пленных и угнанный скот. Башкиры жаловались, что «...они де по своей шерти в том устояли, а он в тех словах не устоял, их полоняников не отдал»². Некоторые жители пригородов и сел, не без поддержки местных царских властей, стали предъявлять восставшим непомерные требования, а иногда грабить их, в отдельных случаях даже арестовывать башкир. Башкиры во главе с Кусюмом писали П. М. Апраксину: «А ныне де из городка Каракулина крестьянин Федор сказывает, что у него ис Казани есть указ и в том городке Енеевой и Байлярской волостей поимали их 4-х человек, что будто в прошлом году в военное время созжена у него мельница, и в том им учинил многие протори и от таких челобитчиков... многие стали быть в опасении... И ныне бы их не разорить вовсе, что от них в прошлом году в военное время какое дело было, и в городех не велети бы на них челобитен принимать, чтоб им от того не разоритца...»³.

Недовольство башкир вызвало и то, что в конце июня 1708 г., когда они принесли повинную, правительство направило против них калмыков и отряд И. Бахметева. По этому поводу они писали в начале 1709 г.: «А как они в прошлом году при господине Хованском куран целовали и он их обрадовал, что в винах прощены и в том дал письмо и они после того опасатца ничего не стали и со всех сторон караулы свои свели. И после того приехал на них Чан-Держап с 7000 калмыки да Иван Бахметев с 500 человеки рускими людьми и их многие деревни разорили, и многие ясырей в полон и лошадей побрали...»⁴.

¹ Письма и бумаги Петра I. Т. 8. С. 997.

² Материалы... Ч. 1. № 119. С. 264.

³ Там же. С. 266.

⁴ Там же. С. 264, 266.

Таким образом, подготовляемый подъем был органическим продолжением предыдущего периода борьбы. В то же время некоторые мероприятия правительства и местных властей, проведенные летом 1708 г., дали новую пищу для восстания.

По сравнению с предыдущими годами в конце 1708—начале 1709 гг. обстановка в крае менее благоприятствовала проведению восстания. Было подавлено Астраханское восстание. Особенно большим ударом для башкир явилось жестокое подавление восстания на Дону, что позволило правительству держать значительные силы в Казани. В начале 1708 г. здесь имелось 3 солдатских полка (канцелярский, полковников Рыдаря и Норова). Получив вести о брожении в Башкирии, П. М. Апраксин направил из Симбирска в Казань солдатские полки А. Дмитриева-Мамонова и Урна. Затем туда же был послан драгунский полк В. Шереметева¹. Кроме того, в Уфе стоял солдатский полк Янковского в составе 1024 человек, в районе закамских крепостей — конный полк С. Аристова². В это число войск не входят гарнизоны закамских крепостей, Уфы, Бирска и других близлежащих пунктов. Вся эта территория теперь находилась в ведении одного лица — казанского губернатора, что также облегчало борьбу с восстанием.

В этих условиях башкиры решили в борьбе против царизма опереться на каракалпаков. Переговоры начались, по-видимому, в конце августа — начале октября 1708 г. В сентябре уфимский воевода уже доносил в Казань о том, что «...от каракалпацкого хана Тевки к ворам башкирцам, вначале к вору Алдару, пришли посланцы проводить, что у башкирцов учинилось с русскими, а другие извещали в Уфе, что они пришли к сообщению воровства»³.

Затем распространились слухи о приезде многочисленного войска каракалпаков в Башкирию. 3 ноября 1708 г. уфимский воевода сообщил: «...по подговору вышеписанного атамана башкирца Алдара идет каракалпакская многая сила в Уфинской уезд, и тот Алдар поехал встречать»⁴. В начале 1709 г. Уфу известили, что башкирам пришла «каракалпацкая сила 40000», а приказчики слобод сообщили в Тобольск, что к башкирам пришел Ку-

¹ ЛОИИ. Ф. 83. Карт. 9. № 118; Письма и бумаги Петра I. Т. 8. С. 997.

² РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 302—302 об.

³ Материалы... Ч. 1. № 111. С. 250.

⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. 309 об.

чюк хан с каракалпаками «во многой силе»¹. На самом же деле оказалось, что к ним приехал родственник каракалпакского хана в сопровождении нескольких десятков человек. П. М. Апраксин 22 февраля 1709 г. доносил Петру I, что по призыву башкир «...приехал к ним ис каракалпак не какой вор, бутто ханов сын.. и прежде до меня у них врали, бутто он пришел в 20000, а ныне я подлинно проведаль, что с ним меньше 100 человек»². Житель Кунгурского уезда Р. Ишметов, побывавший в марте 1709 г. у айских башкир, привез те же вести: «...осенью прошлого года 708 пришел на Ногайскую дорогу каракалпакского владельца племянник Киреев сын в малых летах, с ним тоятбий по руски воевода с 60 каракалпаками».

Об условиях соглашения башкир с каракалпаками можно судить по следующим сведениям. Вышедшие из башкирского плена сообщили в марте 1709 г., что «...приехал ханов сын в 60 человеках... после большой воды придет сам каракалпакский хан с силою и после сеяния хлебов хотят воевать на Уфу и на Кунгур»³. Родственник каракалпакского хана в апреле 1709 г. сказал башкиру А. Назаргулову с товарищи, что «...он каракалпакского владельца внук, прислал де его к ним башкирцам дед ево Кучюк хан по подзывке Ногайской дороги башкирцов Алдара бая да Уракая батыря с товарищи... дожидаетца де он к себе деда своего Кучюк хана в 10 тысячах...»⁴. Пленный башкир Урусакай 6 июля 1709 г. показал на допросе в Тобольске, что ханский сын говорил башкирам, что его дядя «...будет к ним в башкирцы со мною силою вскоре и учнуть воевать сибирские слободы... Нагайские башкирцы Алдар бай и товарищи сказали сибирским башкирцам Абадану с товарищи, что того ханова сына из каракалпаков прислал к ним на Ногайскую дорогу с малыми людьми вышеписанный дядя ево Кучюк хан для проведывания, что все ли башкирцы пойдут к нему в подданство и велел ему о том к себе писать; и потом де хотел бить челом со мною силою и всеконечно русских людей воевать»⁵.

Как видно из приведенных выше материалов, организаторы восстания обратились к каракалпакскому хану за помощью. Последний согласился поддержать башкир с

¹ Материалы... Ч. 1. № 112. С. 251.

² Там же. № 114. С. 252.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1674. Л. 2—3.

⁴ Там же. Д. 1537. Л. 10 об—11.

⁵ ПСИ. XVIII в. Кн. 1. № 87. С. 373—375.

одним условием: башкиры, отказавшись от русского подданства, должны были признать одного из его родственников своим ханом.

Недовольные русским царизмом башкиры хотели продолжать борьбу, для чего им была очень нужна военная поддержка. В этом заключается одна причина признания башкирами своим ханом представителя каракалпакского народа. Кроме того, башкиры возродили требования, выдвинутые в ходе борьбы в 1707—1708 гг.

Этот вопрос обсуждался на йыйыне, состоявшемся в начале 1709 г. в Юрматынской волости Ногайской дороги. Об этом в донесении П. М. Апраксина из Казани в Разряд от начала мая 1709 г. говорится следующее: «...лучшие изменники Алдарка с товарищи призвали к себе ис Каракалпак воровского хана Хазея, и тот де хан в феврале месяце нынешнего 709-го году с теми воровскими башкирцы в тех башкирских юртах, от Уфы ездою в 5-ти днях, в урочищах в Юрматинскую волость, и многие де башкирцы по прелести тому хану с тем Алдарком шертовали, что им быть с ним в соединении и итти под Уфу и в ыные государевы города войною. И чтоб им всех башкирцов к тому воровскому хану прельстить и привести к шерти в послушание»¹.

Как видно, родственник каракалпакского хана на йыйыне был провозглашен башкирским ханом. Но на йыйыне все же главным был вопрос о возобновлении восстания. Заключение союза с каракалпаками, по-видимому, облегчило объединение недовольных и начало борьбы. Последующие события в 1710 г. (разрыв союза с каракалпаками и продолжение восстания и без них) показали, что признание ханом каракалпака было тактическим ходом организаторов восстания. Им важно было получить военную помощь и начать массовое движение.

От имени собравшихся во все «дороги» рассылались представители, которые призывали башкир подняться на борьбу. В свою очередь, жители разных волостей посылали своих представителей к хану и Алдару, выражая свою готовность продолжать восстание. В частности, в начале 1709 г. у них побывал один из руководителей восстания предыдущего периода башкир Айской волости Сибирской дороги Менлигуза и привез к себе в волость «...от ханова сына знамя болшею красное четвероугольное, а в середине круг белый». По возвращении собрались

---

¹ Материалы., Ч. 1. № 119. С. 258.

«...к нему де Менлигузе все Сибирской дороги башкирцы в то время», которые, вероятно, обсуждали вопросы восстания и «...здумали, чтоб итти на Кунгур войною и разорить»¹. Башкирские массы стояли за возобновление борьбы.

Казанские власти внимательно следили за событиями в Башкирии и имели в целом правильные сведения о намерениях башкир. Для них не была секретом подготовка ими восстания. Они приняли целый ряд мероприятий на случай возобновления борьбы.

Еще ранней весной 1708 г. отряд дворян и иноземцев был послан в закамские крепости. В середине декабря туда же был отправлен драгунский полк В. Шереметева. Затем местные власти разослали по всему Ср. Поволжью и Уралу указы, чтобы все русское население, организуя отряды вольницы, было готово выступить против восставших². Проводя политику «разделяй и властвуй», казанские власти держали калмыцкого хана Аюку в курсе событий, чтобы с помощью последнего натравить калмыков на башкир. Действуя вполне в духе этой политики, они пытались отправить в Петербург в счет 5000 лишь татар, башкир и мишарей, освободив от этой повинности мари, чувашей и удмуртов. Кудрявцев прямо писал, что это делается, «...чтоб ныне с ними не было согласия к воровству и меже ими бы в том была злоба». Наконец, местные власти неоднократно обращались в Москву за войском. В донесении Н. Кудрявцева к Петру I от 17 декабря 1708 г. говорится: «...дабы присланы были сюды к лету гетманского войска полка два или сколько ваше царское величество повелит казаков»³.

В начале 1709 г. в Казань прибыл П. М. Апраксин, который встал во главе управления всего Поволжья и Урала. В отличие от прежних казанских деятелей, которые ограничивались мерами военного характера, Апраксин решил политикой обещаний и переговоров раздробить и ослабить силы башкир и, если возможно, не дать восстанию вспыхнуть. Губернатор повел широкоую кампанию уговоров башкирского населения. Уже 22 февраля 1709 г. он доносит Петру I: «...о том государь непрестанно печаль имёю по должности моей, чтоб оных привести в твердость без многих убытков и кровей»⁴. Сразу по

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп 5 (д). Д. 1674. Л. 1.

² Письма и бумаги Петра I, Т. 8. С. 996—997.

³ Там же. Т. 7. С. 888; Т. 8. С. 996—997.

⁴ Материалы... Ч. 1. № 114. С. 252.

приезде в Казань Апраксин направил своих людей в Башкирию с письмом к руководителям восстания и «лутчим» башкирам, где он писал, что «казанские судьи» отставлены, царь послал его как «своего ближнего поверенного в Казань и на Уфу и во все низовые города для управленья своей государевы земли, всяких добрых людей беречь», что царь простил их и «всякие прибыльные дела указал... отставить». Затем он предложил главным руководителям восстания Кусюму, Алдару и другим приехать в Казань. В случае «измены», то есть восстания, и отказа приехать в Казань, он грозил послать против них «великого государя многие силы» и людей Аюки хана»¹.

Наметившийся к этому времени раскол среди башкирских феодалов обеспечил известный успех этой политики. Если некоторые из них, например, Алдар были за продолжение восстания, то другие во главе с Кусюмом в этот период занимали выжидательную позицию.

Когда же П. М. Апраксин обратился к башкирам с вышеприведенным письмом, то группа Кусюма откликнулась.

Выразив свое удовлетворение по поводу обращения к ним Апраксина, Кусюм, Уразай (Казанская дорога), Карман (Осинская дорога), Зиамет (Сибирская дорога) просили его разрешить ряд вопросов. Прежде всего Кусюм и его товарищи были недовольны тем, что прежние казанские власти не отставлены: «...нам слышно, что ты с ними с Микитою, и с Олександром, и с Сидором пьешь и ешь с одного блюда и советуешь вместе, а нам приказываешь быть безопасно, и мы о том опасаемся»². Затем они обратили внимание Апраксина на то, что башкиры после прекращения борьбы летом 1708 г. пленных солдат отпустили, а власти пленных повстанцев до сих пор не отдают. Они также просили освободить башкир, арестованных казанскими властями в прошлых годах. В заключение они писали, что, посоветовавшись, они пошлют своих представителей с челобитными к нему в Казань: «...мы к милости твоей с челобитьем пришьлем добрых людей, и в том поволь нам поверить»³.

Из этого письма видно, что, хотя группа феодалов во главе с Кусюмом предъявила П. М. Апраксину ряд требований, она в ущерб делу восстания пошла на сговор с царскими властями. П. М. Апраксин обратился со спе-

¹ Материалы., Ч. 1. № 116. С. 255—256.

² Там же. № 116. С. 255—256.

³ Там же.

циальным письмом, к Алдару с предложением отказаться от союза с каракалпаками и приехать для переговоров в Казань. Письмо губернатора повез татарский феодал Кулбарыс мурза. Его сопровождали сторонники Кусюма — Исаев, Бекбулат ахун, Катка мулла и Исмагил, которые соответственно представляли жителей Осинской, Ногайской, Казанской и Сибирской дорог. Они также везли письмо Кусюма к Алдару. В нем говорилось: «...ты великому государю нашему принеси повинную и приезжай в Казань к боярину Петру Матвеевичу Опраксину сам и своею рукою подай челобитную, а он великий государь наш милостивый и может в вине твоей простить». В письме далее говорится, что им слышно, будто он привез хана из орды и хочет поднять восстание: «И ты, Алдар, похвалился своим мирским людем ложно, что Кусюм и Уразай и иные старшие к твоему воровству пристали, и мы в твоём воровстве не товарищи и не в совете, и Осинские и Сибирские дорог старшие со всеми всяких чинов людьми к вашему воровству не пристанем»¹.

Алдар и его товарищи отказались принять предложение губернатора и группы Кусюма. Они не верили обещаниям властей. В ответном письме Алдар напомнил о том, что такие же обещания от царского имени башкирам давал князь П. И. Хованский и не сдержал своего слова. Он настаивал на снятии с постов и наказании представителей казанской администрации во главе с Кудрявцевым. Письмо заканчивается следующими словами: «А они де своим воровством делали над ним без государева указа, и буде им указу учинено не будет, и он государю не слуга»². Другими словами, условием сохранения русского подданства Алдар и его сторонники ставили серьезные уступки со стороны правительства, обуздание произвола казанских властей.

Несмотря на отказ Алдара, П. М. Апраксин еще надеялся, что ему удастся предотвратить выступление башкир. Во второй половине марта 1709 г. он послал стольника В. Люткина, казанских мурз и мулл Кулбарыса, Баймета, Дюсея и Асыяна принять от башкир присягу верности. Притом, Апраксин требовал от башкирских феодалов подтвердить свою верность царю активной борьбой против сторонников восстания. В конце марта 1709 г. в дер. Ятов (Евбазы) Казанской дороги посланцы губернатора встретились с группой феодалов. «И те же башкирцы лутчие

¹ Материалы... Ч. 1. № 115. С. 254.

² Там же, № 119. С. 265.

люди Кусюм батыр, Уразай, Токших, Рахманкул Карманов с товарищи... вины свои великому государю принесли, и обещались служить и дань давать по-прежнему и быть во всяком послушании бес противности. И на том по бурсурманскому своему закону ото всех дорог шертовали лучших людей 60 человек... и по всем дорогам с тем утверждением разослали они башкирцы лутчих своих людей, чтоб все башкирцы великому государю служили, и от измены престали; и того воровского хана с Алдаром башкирцом в жилища свои они башкирцы не пустили, остановили боем в крайних своих волостях»¹, — доносил в Москву П. М. Апраксин об этом сборе башкирских феодалов.

Как видно, собравшиеся башкиры обещали губернатору не только самим не участвовать в новом подъеме, но и держать рядовых башкир в повиновении царизму, даже поднять их на борьбу против восставших. Позднее увидим, что из этого вышло.

В свою очередь, Калбарыс мурза, Баймет мурза, Дюсей мулла и Асян мулла целовали коран «...в том, что от великого государя всегда милость к ним будет»². Хотя скопление значительных военных сил в Казани и закамских крепостях сыграло, по-видимому, определенную роль в поведении башкирских феодалов, все же основную причину этой измены надо искать в их классовом положении, в традиционной неустойчивости представителей эксплуататорских классов, которые, иногда участвуя в борьбе масс, никогда не боролись до конца и оставляли ряды восставших после первых же неудач.

Определенные меры на случай восстания власти предприняли также на восточных и северных границах Уфимского уезда. Из мер военного порядка надо указать посылку из Тобольска еще в апреле 1708 г. конного отряда полковника И. Аршинского, состоявшего из 500 тобольцев и 150 тюменцев, в помощь драгунскому полку из 1000 человек, который нес постоянную службу в зауральских слободах³. Тобольские воеводы также попытались воздействовать на башкирских феодалов Сибирской дороги. При этом властям помогал феодал Сангульской волости башкир Чагыр Яргалов. Но эти попытки успеха не имели.

Таким образом, события конца 1708—начала 1709 гг.

¹ Материалы... Ч. 1. № 119. С. 258, 259.

² Там же. С. 266—267.

³ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 73 об, 75—76.

в крае сыграли важное значение для дальнейшего хода восстания. Если башкирские массы деятельно готовились к активным действиям, то власти, опираясь на поддержку части башкирских феодалов, пытались переговорами и военной демонстрацией не дать вспыхнуть восстанию. Весь этот период характеризуется борьбой этих двух линий.

К марту 1709 г. стало ясно, что царским властям не удалось предотвратить восстание. Широкие массы башкир не поддались уговору Кусюма и его сторонников, о чем свидетельствуют факты, исходящие от разных источников. Башкир дер. Тоймовы Сибирской дороги Кузеляк сообщил толмачу Игнатьеву из Багарякской слободы, что «...их де башкирцов призывает каракалпацкой ханов сын и они, башкирцы, пойдут к нему головами». Житель Сырянской волости сказал, что многие башкиры «с хановым сыном хотят итти воевать русских людей»¹. Находящийся среди башкир родственник каракалпацкого хана говорил в мае 1709 г., что «...башкирцы приклонились к нему большая половина». Крестьяне, побывавшие в плену у башкир, сообщили, что они слышали, как говорили башкиры между собой о том, что «...с ними заодно каракалпаки, казахи и Ногайской дороги башкиры все»². Очень ценны признания сторонников правительства о своей неудаче. Кусюм вынужден был признать, что «...Нагайской и Сибирской дорог многих волостей башкирцы пристали ко его ханову и Алдаркову воровству»³. Чагыр Яргалов еще в апреле 1709 г. сообщил в Катайск, что все башкиры, которые «...живут по сю сторону Уралу Камени по Миясу реке в подданстве к нему хану пошли и приклонились и, хотели итти под Катайской острог русские слободы воевать»⁴.

Наиболее объективным критерием для выяснения позиции широких масс является их отношение к развернувшимся с весны 1709 г. военным действиям в Зауралье. Как будет видно из дальнейшего изложения, вооруженная борьба одновременно охватила огромное пространство от р. Тобол до Уральских гор и г. Кунгура, что было бы невозможно без массового участия в ней башкир.

Как видно, все эти материалы свидетельствуют о том,

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1537. Л. 10 об.

² Материалы., Ч. 1. № 120. С. 269; ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 83. С. 350—355.

³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 342.

⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1537. Л. 10 об.

что широкие массы башкир Сибирской и Ногайской дорог стояли за возобновление борьбы.

О позиции башкирских масс Казанской дороги говорят следующие факты. Осенью 1709 г. они попытались было возобновить борьбу, но она еще не охватила всю «дорогу». Возможно, что в этом определяющую роль играло сосредоточение значительных сил в Казани и в районе закамских крепостей. Но когда же феодалы во главе с Кусюмом пытались поднять их против восставших, из этой затеи ничего не вышло. Если даже популярный Кусюм не мог их повести, то это говорит о сочувствии рядовых башкир этой «дороги» к восставшим. Вполне возможно, что отдельные их отряды участвовали в вооруженной борьбе в Зауралье и в Кунгурском уезде.

Весной 1709 г. началось скопление отрядов повстанцев в ряде мест Зауралья. О прибытии туда башкир Ногайской дороги Ч. Яргалов, феодал Сибирской дороги, 23 апреля сообщил следующее: «...едет де с Нагайской дороги на Сибирскую дорогу в Табынскую волость каракалпакской ханской сын Рысмаханбет с воровскими людьми башкирцами и с нагайцы»¹. Пленный повстанец на допросе выразился еще определеннее: «...к Уракаю пришли башкирцы с Ногайской дороги тысячи с 4... с начальными людьми Алдар баем да Абыли Аджи... Да с башкирами Ногайской дороги с Алдаром приходил к ним на Сибирскую дорогу каракалпакской ханской сын Размаханбет, а с ними де каракалпаков толко около 50 человек...»².

В начале апреля 1709 г. крупный отряд восставших сосредоточился около озера Чебаркуль. Об этом сообщил в Катайск Л. Красильников: хан стоит за Чебаркулем, у него «...силы многое число с ружьем во всякой готовности». Возможно, что местность около озера Чебаркуль была общим центром сбора восставших. Другим местом сбора отрядов было озеро Ирғидык. 26 апреля мишар сообщил на Белоярскую слободу, что ханов сын велел башкирам Сибирской дороги съехаться с оружием на Ирғидык озеро и многие башкиры к нему поехали»³.

Источники не позволяют точно определить численность восставших даже для периода апреля — мая 1709 г. Имеющиеся цифры характеризуют численность лишь отдельных отрядов. Выше говорилось о приходе 4 тыс. башкир Но-

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1538. Л. 10.

² ПСИ XVIII в. Кн. 1, № 87. С. 372—374.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 11. ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 88. С. 375.

гайской дороги во главе с Алдаром в Зауралье. Взятый в плен около Арамила повстанец 15 мая 1709 г. показал на допросе, что в сборе у ханов башкир 8 тысяч¹. Из этих приблизительных цифр видно, что число восставших уже в начальный период достигло значительной цифры, что свидетельствует о массовом участии башкир в борьбе.

В апреле 1709 г. руководители восставших собрались в пределах Сибирской дороги у Уракая Юлдашбаева, чтобы обсудить свои дела. 23 апреля в Каменский завод поступили сведения, что «у башкирцов идет совет к шатость худая о войне на русских людей и собрано у башкиретина Уракая для той думы 140 человек»².

Сразу после совета начались открытые действия восставших. Их мелкие отряды появились около слобод. 19 и 20 апреля восставшие подошли к Чюмлякской слободе, 22 — к Белоярской слободе (на Тече), 23 апреля они заняли митрополичье село Воскресенское. 26 апреля Уракая, одного из предводителей, во главе отряда из 100 человек видели около Пещанской слободы. Эти действия в апреле носили, по-видимому, характер разведки.

В мае же вся масса восставших одновременно обрушилась на остроги и слободы. 4 мая башкиры заняли дер. Шелкунское около слободы Арамилская, 17—18 мая они напали на слободу и во время боев убили 15 человек, 11 ранили, 8 взяли в плен. 28 мая они «во многом собрании» повторили свое нападение на слободу, но взять слободу им не удалось, и они повернули обратно. По их пятам пошли драгуны и жители слободы. Но в столкновении последние потерпели поражение и отступили, потеряв 18 человек убитыми, 20 ранеными, 12 пленными¹. Другие отряды башкир с 17 мая разорили деревни вокруг Багарякской слободы, затем в конце мая они напали на слободу и сделали приступ³.

Восставшие действовали и в бассейнах рек Миасс и Теча. 19 мая доносили из Белоярской слободы (на Тече), что башкиры и каракалпаки численностью свыше 1,5 тысячи пришли под слободу и дважды попытались овладеть ею. Во время этих приступов оборонявшие потеряли 22 человека убитыми, 10 ранеными и 12 пленными. О потерях башкир не сообщается. Уходя, восставшие угнали много скота. Приступу подверглась и Пещанская слобода. Здесь

¹ Архив РАН. Оп. 4. Д. 7. Л. 131—132.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 10.

³ Там же. Д. 1537. Л. 9 об—12.

действовал отряд из 400 человек¹. Другие отряды повстанцев, продвигаясь вверх по Тече, достигли р. Исеть и, переправившись через реку, разорили деревни вокруг слободы Красномысской. В конце мая крупные силы башкир подошли к Крутихинской слободе и осадили ее. Во время приступа было убито и взято в плен около 70 защитников слободы. Были разорены 3 окрестные деревни. Показательный факт содержится в донесении приказчика этой слободы. Крутихинцы спрашивали башкир, почему они «воюют государевы слободы». Те отвечали: «...то де вся наша земля башкирская»². Этот маленький эпизод показывает, что одной из целей восставших было стремление вернуть захваченные у них ранее земли.

В мае 1709 г. отряды повстанцев во главе с К. Даировым и А. Мурзагилдиным проникли в Кунгурский уезд. В короткий срок вся Зауральская Башкирия и Кунгурский уезд были охвачены огнем восстания.

Тобольские власти бросили все свои силы против повстанцев. Еще в апреле 1709 г. полк, состоящий из 1000 драгун из Ялуторовска, направился вверх по Исети, навстречу башкирам³ 14 мая вышел из Тобольска и спешил туда же отряд под командой полковника Ф. Толбузина, состоящий из 468 дворян, детей боярских и конных казаков Тобольска. Кроме того, в составе отряда находились тюменские дворяне и татарские феодалы, численность которых неизвестна. Отряд прибыл на место военных действий в середине июня 1709 г. и сразу включился в борьбу⁴.

Таким образом, ядро военных сил, направленных против повстанцев, составляли русские дворяне. Заслуживает внимания и тот факт, что татарские феодалы Тобольского и Тюменского уездов, как и татарские феодалы Казанского уезда, остались верны царизму и участвовали в борьбе против восставших масс. Следовательно, несостоятельность точки зрения многих представителей дореволюционной историографии, которые видели основную причину восстания в агитации татарских князей и мурз, очевидна.

Не оставили свои козни против восстания и пошедшие на сговор с царизмом башкирские феодалы во главе с Кусюмом. Они дошли до того, что согласились высту-

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 11 об — 12.

² ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 82. С. 326—327.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1528. Л. 31; Д. 1537. Л. 9 об.

⁴ ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 89. С. 385—388.

пить против восставших. Но их ожидало полное разочарование: рядовые башкиры Казанской дороги наотрез отказались подняться против восставших, Кусюм вынужден был признать, что башкиры Казанской дороги не поддержали его. 4 июня 1709 г. он писал уфимскому воеводе: «...а с ним, Кусюмом, башкирцев, которые обещались с ним, Кусюмом, на воров итти только 157 человек и поворотясь он, Кусюм, с Ногайской дороги стал в подгородной Демской волости от Уфы в 30 верстах»¹.

Не лучше обстояло дело и у части феодалов Сибирской дороги — сторонников правительства. В 6 волостях им удалось собрать лишь 150 человек и поэтому их попытка выслать хана из Башкирии не удалась. В мае феодалы Карабаш, Тементей, Зиамет, Чюрагул мулла и другие (всего 15 человек) сделали новую неудачную попытку выслать хана, так как «не дали поймать башкирцы и силы у них много». В своем письме в Тобольск они писали, что «...после Чагира собрався ездили проведать царевича и говорили поезжай назад и хотели сильно взять, и тамошние вору не дали»².

Группа Кусюма обратилась к П. М. Апраксину, чтобы он против восставших направил казаков и калмык. Об этом они сообщили и своим сторонникам из Сибирской дороги: «...мы Опраксеину от себя весть послали ж, чтоб он к нам вышеписанных казаков наших и калмыков послал наскоро»³. Феодалы Сибирской дороги, в свою очередь, собравшись на совет, решили также обратиться в Тобольск и Кунгур за помощью. Сообщая об этом властям, они писали: «...добрые люди башкирцы послали в Тобольск 4 человека, на Уфу к Кусюму 2 человек, чтоб силою притти к ним сего июня на 27 число, чтоб из Уфинского уезду того хана выгнать или поймав, свезть в Казань». Феодалы Зауралья, известив воеводу Кунгура о своих связях с Тобольском и Уфой, просили, чтоб он к ним в помощь прислал кунгурских татар и мари по 1 человеку с двора»⁴.

Итак, башкирские феодалы оказались бессильными перед широкими массами, стоявшими за восстание. Чтобы оправдать себя в глазах правительства и скрыть свою беспомощность в борьбе против повстанцев, они прибе-

¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 342—342 об.

² Там же. Ф. 214. Оп. 5(д). Л. 1537. Л. 11; Д. 1528. Л. 31—33.

³ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 82 об.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1528. Л. 31—33.

гали к призывам о помощи и «советам» по борьбе с восстанием.

По-видимому, эта деятельность изменников-феодалов стала известна восставшим, и феодалам зауральских волостей пришлось бежать в горы. 16 июля 1709 г. они жаловались тобольскому воеводе: «...государю все головы свои приклонили, о сем живем в печали, опасаемся, что приехал царевич, смотрим на указ великого государя, ждем силы государственной... А мы живем в каменях и меж островами, а которые здесь живут лутчие люди Қарабаш батур да... Качей Зайсал шалзуцкой, Хожагул терсацкой... Чермишь сырянской, Кошкилдей, Ахчюра... Қочатул... Дементей... Исенчара...»¹. А рядовые массы из этих волостей поднялись на борьбу. Свидетельство Ишметева, шпиона кунгурского воеводы, также подтверждает эту мысль. 27 августа 1709 г. он сообщил в Кунгур, что башкиры Катайской волости, кроме Қарабаша (Қарабаш — феодал этой волости, противник восстания — И. А.) совместно с башкирами Верхнетаныпской, Телевской, Айлинской волостей и всего Зауралья участвуют в восстании².

Различное отношение к вооруженной борьбе со стороны широких масс и феодалов вырисовывается и из сообщения того же Ишметева: «...многие башкиры говорили, что буде все башкирцы советовав... с ним де ханом собрався в великом собрании и кунгурские заставы и острожки общей пойдут, чтоб села и деревни разорить... башкирцы де добрые люди прилагают их страх тобольскими присланными на караул служилыми людьми и кунгурскими заставы и сказывают им, что на заставах и в городе Кунгур салдат и подъездных людей многое число...»³. Рядовые массы башкир были верны идее борьбы и стремились продолжать ее, несмотря на все помехи, а феодалы, проявляя неустойчивость, всячески мешали им.

В июне 1709 г. восстание продолжалось с еще большей силой. В начале месяца восставшие напали на Уктусский завод, убили и ранили 20 человек, 4-х взяли в плен. Нападению подверглись также Долматов монастырь и Катайский острог. Деревни вокруг них были взяты башкирами. Против восставших выступили объединенные отряды подполковников Ф. Матигорова, С. Текутьева, майора Д. Угрюмова, а также набранные ими отряды

¹ Материалы.. Ч. 1. № 122. С. 271.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1672. Л. 2.

³ Там же.

«вольницы». Бой произошел 9—10 июня. «Бились сутки... и отгонный скот отбили и на том бою неприятельских людей многих побили и ранили, а твоих государских... ратных людей убит досмерти драгун один человек, да ранено капитан Данило Матигоров з драгуны всего 10 человек, а у них полуполковников и удрагун у многих подстрелили лошадей и с того бою неприятельские люди башкирцы побежали», — доносили Матигоров и Текутьев в Тобольск¹. А в это время другие отряды восставших появились вблизи Пешанской, Крутихинской, Красномысской, Багаряцкой и Чусовской слобод. В середине июня крупные отряды башкир напали на Барневскую и Красномысскую слободы. Отряд Ф. Толбузина, шедший из Тобольска, и драгуны Ф. Матигорова и С. Текутьева из Катайска попытались перехватить восставших, но не сумели догнать их². В конце июня многочисленные отряды башкир одновременно напали почти на все крайние слободы и осадили их. Все дороги были перерезаны, окрестные деревни заняты ими. В осаде оказались Каменские и Уктусские заводы, Катайский и Колчеданский остроги, Арамилская, Багаряцкая, Камышевская, Белоярская (на Тече) и Н. Пышминская слободы. Заводы прекратили свою работу³. Активные действия шли весь июнь. Даже приход войск из Тобольска не ослабил их размах.

В начале июля 1709г. восставшие действовали около Камышевской и Багаряцкой слобод, 12 июля нападению подверглась Утяцкая слобода, 14 июля башкиры заняли несколько деревень под Окуневской слободой, а затем попытались овладеть слободой. В эти дни повстанцы также напали на Уктусский завод. Навстречу вышли драгуны и отряд вольницы из 400 человек, произошел бой, во время которого был убит 1 драгун, ранено 5, и в том числе капитан Рачковский⁴.

В 20-х числах июля свыше 3-х тысяч башкир во главе с ханом стояло у дер. Емметово. Туда же пришел отряд из 500 каракалпак. После совета решено было вторгнуться в Кунгурский уезд. 22 июля восставшие осадили Торговишский острог и сделали несколько приступов. На помощь острожку спешили солдаты и отряд «вольницы».

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 12.

² ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 83, 86. С. 328—330, 371—372; № 89. С. 388—391.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1518. Л. 52; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 277; ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 83. С. 330—333.

⁴ ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 89. С. 390—391.

Но 23 июля они сами у дер. Брехове были окружены башкирами¹.

В конце месяца активизируются действия повстанцев на р. Чусовой. 28 июля они заняли деревни вокруг Чусовской и Сулемской слобод².

В это время другие отряды башкир, заняв ряд деревень вокруг Колчеданского острога и Барневской слободы, увели в плен около 150 человек, а также много скота. Узнав об этом, отряд Ф. Толбузина и драгуны Ф. Матигорова, С. Текутьева и Д. Угрюмова выступили против башкир. Выступив из Катайска 31 июля, они прошли через Колчеданский острог, и, перейдя Течу и Миасс, 11 августа достигли озера Чебаркуль, а затем передвинулись далее по речке Кандабулак. Не обнаружив восставших, 12 августа эти отряды повернули обратно. Когда же они подошли к озеру Чебаркуль, на них напали башкиры во главе с Абаданом Курткачиковым «во многом собрании, учинили с ними бой, бились с ратными людьми от речки Кандабулаку до Миясу реки неотходно 3 дни». Драгуны потеряли 10 человек убитыми, 24 ранеными, в том числе вторично был ранен подполковник Ф. Матигоров. Потери башкир неизвестны; только Толбузин доносил, что они «многих башкирцов побили до смерти и ранили многих»³. По-видимому, перевес оказался на стороне восставших, ибо в донесении Толбузина не говорится о бегстве башкир. Вряд ли он умолчал бы об этом, если бы вышел победителем. 18 августа драгуны уже были в Катайске. Подобное быстрое возвращение отрядов говорит об их поспешном отступлении. Таким образом, поход объединенных сил отрядов в глубь башкирских волостей окончился неудачно.

Используя отвлечение основных правительственных сил в сторону Чебаркуля, повстанцы активизировали свои действия в других районах. 5 августа они заняли слободу Усть-Утка; нападению подверглись Сулемская и Арамилевская слободы и Уктусский завод. 7 августа были разорены деревни около Камышевской слободы и Катайского острога; 13 августа восставшие совершили приступ на Колчеданский острог и Каменский завод; 12 августа башкиры и каракалпаки напали на Чумляцкую слободу и на Царево Городище (на Тоболе). В конце августа 1709 г. восставшие неоднократно приступали к

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1672. Л. 2—3.

² ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 83. С. 335—336.

³ Там же. № 89. С. 392—394.

Арамильской и Багряцкой слободам и Уктусским заводам, заняли несколько деревень под Окуневской слободой и напали на Барневскую слободу¹. Как видно из приведенных примеров, в течение августа почти все слободы и остроги на Миассе, Тече и Исете, а также заводы испытывали нападение восставших и многие из них подверглись нескольким приступам. Все дороги были заняты восставшими, драгуны и жители не могли выходить из слобод и острогов. Многие пункты очутились на положении осажденных.

Таким образом, в середине 1709 г. восстание приобрело еще больший размах. Находящиеся в распоряжении местных властей военные силы оказались не в состоянии справиться с восставшими.

Не оказало существенной помощи властям и использование против повстанцев отрядов «вольницы», которые воевали главным образом ради добычи. С середины лета 1709 г. местные власти стали больше внимания уделять руководству действиями «вольницы». Организацией и сбором этих отрядов непосредственно ведали командиры регулярных отрядов и приказчики слобод. В июне 1709 г. майор Д. Угрюмов, И. Обольянинов и выборный М. Никитин из Катайска писали приказчику Камышловской слободы, что из-за малолюдства «итти в степь не смеют» и просили его набирать людей в отряды «вольницы» в Камышловской и Тамакульской слободах. Подобные письма они отправили и в другие слободы². В результате этих мер с июля 1709 г. заметно активизировались действия отрядов «вольницы». В первой половине июля жители Арамильской и других слобод «...собрався своею охотою на воровских башкир ста с четыре м болши ходили и улус их разбили». 17 июля крестьяне Арамила и мастеровые с Уктусских заводов «ста с три пошли на них башкирцов»³. В это время из Багряцкой слободы выступили также «охочие люди на башкирцов, съехались с ними в степи, билися». Но отряд «вольницы» потерпел поражение, «русских людей пало многое ж число». 9 августа 90 крестьян и казаков Чуловской слободы во главе с К. Сулеем пошли разорять башкирские жилища. Около дер. Паутовы на р. Баксе они вступили в бой с башкирским отрядом в 70 человек. Весь день шел бой, в резуль-

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 2 об.; ПСИ XVIII в. Кн. 1, № 83. С. 341—346.

² ПСИ XVIII в. Кн. 1, № 83. С. 334—335.

³ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 279.

тате отряд «вольницы» потерпел поражение, потеряв 2-х убитых и 8 раненых, «отошли от башкирцов отводным боем»¹. 11 августа рота драгун под командой капитана А. Бурцова и отряд «вольницы», состоявший из 240 человек, разорили башкирский аул. Об этом один из участников рассказывает: «...наехали в степи на Бисертке реке кош воровских людей и побили их. А в коше воровских людей з женами и с малыми детьми человек з 20 прибили, достальных в полон взяли, человек с 15. На взятие убили у нас 2 человек и ранили 5. Который полон взяли, то он А. Бурцов с вольницей взяли к себе, а 2 человек дали чюсовским крестьянам и беломесным казакам»².

Как видно, «вольница» серьезной военной силы не представляла и была страшна для башкирских аулов, где оставались в основном женщины и дети. Ее действия лишь способствовали обострению отношений между коренными жителями и русским населением края, к чему и стремились власти. Правда, основное ядро «вольницы» и в Зауралье состояло из служилых людей (беломестные казаки, приказные люди, отставные драгуны). Но было бы неверным совсем отрицать известное участие в них и крестьян некоторых слобод. Это показывает, что власти сумели поднять часть русского населения края против восставших, что стало возможным благодаря отсталости и забитости отдельных слоев крестьянства и умелому использованию властями национальных и религиозных моментов. Этому способствовало и то, что от действий восставших иногда страдали и крестьяне. Все это показывает, насколько сложна была обстановка в крае в этот период.

К осени 1709 г. обстановка в Зауралье не изменилась. Новым было только то, что отряд каракалпаков ушел домой. Но башкиры по-прежнему продолжали борьбу. В начале сентября крупные их силы сосредоточились около Уктусского и Каменского заводов. Очевидец крестьянин Первушин 5 сентября 1709 г. сказал об этом следующее: «...башкир на Иткул озере силы множество и хотят итти на Каменский завод»³. То же самое сообщили вышедшие из плена несколько женщин⁴. В первой неделе сентября крупный отряд восставших осадил Ба-

¹ ПСИ XVIII в. Кн. 1, № 83. С. 337—338, 342.

² Архив РАН Ф. 21. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 275 об; ПСИ XVIII в. Кн. 1, № 89. С. 394.

³ ПСИ XVIII в. Кн. 1, № 83. С. 349—350.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 3.

гаряцкую слободу. 14 и 20 сентября они сделали попытку овладеть ею приступом. Были окружены также Уктусский и Каменский заводы и Арамильская слобода. Поход полковника Ф. Толбузина «с полком с служилыми людьми и с охотники» в начале сентября против башкир закончился неудачно, из «степи отходным боем дни с 3 шел, многих ранили, иных убили служилых людей». В течение всего сентября восставшие находились вблизи этих пунктов, неоднократно нападали на них и держали их в осаде¹.

Другие отряды повстанцев в это время действовали на берегах Тобола. 8 сентября они подходили к Иковской слободе и отогнали скот. Драгуны под командой Ф. Матигорова и С. Текутьева напали на башкир, бой длился целый день. Подполковник С. Текутьев, капитан Ф. Томилов и 5 драгун были ранены. 18 сентября восставшие вновь напали на слободу Иковскую. При этом они потеряли 3-х человек убитыми и нескольких ранеными. Со стороны драгун было убито 1, ранено 10. 27 сентября нападению подверглась Белоярская слобода (на Тече) и Красномысская слобода².

Осенью 1709 г. размах восстания не ослабевает. Уктусский и Каменский заводы, Арамильская, Багаряцкая и Камышевская слободы, как и в сентябре, подвергались постоянным нападениям. 5—8 октября восставшие заняли деревни около Каменского завода, 9 октября — напали на Камышевскую слободу и сделали приступ. 13 октября жители этой слободы «собравшись многолюдством» напали на башкир, бились почти целый день. Но камышевцам пришлось вновь укрыться за стенами слободы. Башкиры подошли также к Каменскому заводу и «многолюдством приступали к верхним железным заводам». Затем повстанцы осадили Уктусский завод и Арамильскую слободу³. В конце октября восставшие напали на Барневскую слободу, около Царева Городища они разбили отряд драгун и крестьян, затем, продвигаясь вдоль Тобола, напали на Усть-Суерскую слободу⁴.

Не было спокойно и в Кунгурском уезде. 15 октября 1709 г. башкирский отряд появился около села Медянки.

В начале ноября башкиры напали на Барневскую и

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 286—288, 291—294.

² ПСИ XVIII в. Кн. 1. № 83, 89. С. 345—349, 395—396. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 3.

³ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Л. 295—299.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 4.

Усть-Миассую слободы и митрополичье село Воскресенское. Около этого села они выдержали бой с драгунами Ф. Матигорова и казаками. 9—10 ноября восставшие подошли к Усть-Суерской слободе и заняли несколько окрестных деревень. 18 ноября отряд восставших подошел к Катайскому острогу, где стоял отряд Ф. Толбузина, и занял все дороги. Против них из острога вышел отряд Толбузина и в 40 верстах от Катайска был бой¹.

Как видно, в ноябре 1709 г. размах восстания по сравнению с предыдущими месяцами немного ослаб. От декабря 1709 г. уже нет сведений о действиях восставших. Наступление холодов приостановило борьбу.

Зиму 1709—1710 гг. башкиры использовали для того, чтобы подготовиться к продолжению борьбы. Об их настроении видно из показаний взятого в плен в ноябрьских боях повстанца, жителя Айлинской волости К. Султангулова: «...в нынешнем 709 году башкирцы Уфинского уезду, которые живут на Сибирской стороне по сю сторону Урала Камени всех волостей собралися и живут на реке Увелке от русских тобольских слобод в близости и думают за одно, что русских людей Тобольского уезду в острогах и слободах впредь всеконечно воевать и слобод и деревни разорять безостатку... и в каракалпацкую де землицу и хану изо всех волостей послали 6 человек башкирцов бити челом и просить силы на помощь». О стремлении башкир продолжать борьбу и шире привлечь на свою сторону каракалпаков свидетельствуют и известия Р. Ишметева, вышедшего в декабре 1709 г. из башкирского плена. Он рассказал, что осенью 1709 г. сибирские башкиры послали к каракалпакскому хану 17 своих представителей «для подзывания самого каракалпацкого хана с каракалпаками во многолюдстве для войны». Башкиры просили каракалпаков, чтобы они приехали в Башкирию или в декабре 1709 г., или весной следующего года. В конце декабря 1709 г. 3 посланца башкир возвратились, а остальные должны были приехать вместе с каракалпакским войском².

В свою очередь, местные власти приняли серьезные меры для подавления восстания. Военные силы, находившиеся в распоряжении тобольских властей, оказались не в состоянии расправиться с восставшими. Видя это, тобольские и кунгурские власти неоднократно извещали Москву о своем тяжелом положении и просили войско

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537, 1528.

² Там же. Д. 1537. Л. 4, 12—13.

и оружие. В частности, в донесении тобольских воевод в Москву от 28 июня 1709 г. говорилось, что «в Тобольску пеших казаков и казачьих детей, старых и малых, которые остались за салдацким набором, всего 1091 человек». Воеводы просили пополнительные силы. 23 августа 1709 г. кунгурский воевода жаловался на недостаток оружия¹. 16 августа он же пишет, что «живут в опасности от башкир, все крестьяне и бобыли живут в городе и в острожках, а солдат в Кунгуре малое число»². Забеспокоился обстановкой в Зауральской Башкирии и казанский губернатор П. М. Апраксин. 2 августа 1709 г. он доносил Петру I, что башкирское восстание не прекращается и просил «буде возможно, конных к ним прибавить для их башкирского злодейства»³.

Царское правительство серьезно отнеслось к этим сигналам. Еще 20 октября 1709 г. было решено послать в Тобольск «...в скорости несколько драгунских полков, чтобы тех воров искоренить... В Кунгур послано 100 пудов пороха, 1000 фузей и 100 солдат». В начале 1710 г. был сменен воевода Тобольска. Им стал стольник И. Ф. Бибииков⁴.

Тобольские власти решили нанести удар по восставшим в середине зимы, когда из-за глубоких снегов затруднялись действия башкирской конницы. Все это должно было, по мнению организаторов похода, привести к прекращению восстания. 5 февраля 1710 г. «ратные всяких чинов люди», во главе с драгунским полковником Л. Парфентьевым выступили из Тобольска. Мы не располагаем сведениями, освещающими конкретный ход похода. Только известно, что ратные люди вернулись обратно во второй половине мая. 20 мая 1710 г. Л. Парфентьев доносил, «...что он с вышеписанными ратными людьми на воров башкирцов войною на их жилища ходил и поиск над ними учинил» и известил, «...сколько тех башкирцов побито и в полон взято и их башкирских юрт разорено»⁵.

Но этот поход не достиг цели. В мае 1710 г. башкиры возобновили свою борьбу. В отличие от движения 1709 г. в восстании не участвовали каракалпаки. Но это не могло остановить башкир, тем более, как уже отмечалось,

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 12; Д. 1672. Л. 2.

² Там же. Т. 1528. Л. 28.

³ Письма и бумаги Петра I. Т. 9, Л. 1080.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1672. Л. 9; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 133—134.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1857. Л. 15 об.

что и в 1709 г. каракалпаков пришло мало. 12 мая 1710 г. отряды восставших напали на слободу Белоярскую (на Пышме). К концу месяца их активность возросла. 28 мая повстанцы разорили деревни около Арамильской слободы и Уктусского завода, захватили пленных и отогнали скот. Затем они совершили вторичное нападение на Белоярскую слободу. Другие отряды действовали в это время в окрестностях Колчеданского острога. В Камышловской и Тамакульской слободах с тревогой ожидали нападения восставших¹.

В июне восстание продолжалось. 8 июня отряд восставших подошел к Уктусским заводам и сделал приступ. Бой шел у рогаток. Защитники завода потеряли человек 13 убитыми и немало ранеными. На другой день приступ повторился, но завод взять им не удалось. Уходя, башкиры отогнали скот. Нападению подверглась и соседняя Арамильская слобода. Кроме того, отряды восставших постоянно появлялись вблизи Колчеданского острога, Камышевской и Багряцкой слобод². Этими фактами исчерпываются наши сведения о действиях восставших в 1710 г. Думается, что в дошедших до нас источниках события освещены не полностью. Например, английский посол в Москве Ч. Витворт 4 января 1711 г. доносил, что башкиры «...почти все лето не клали оружия и правительство вынуждено было держать наготове семитысячный корпус регулярной армии»³.

В этой обстановке правительство вынуждено было в помощь имеющимся силам направить еще 2 регулярных полка, которые прибыли в Тобольск в конце лета 1710 г. Командир этих полков полковник И. Я. Якушкин был поставлен во главе этих всех военных сил, имеющихся в распоряжении тобольского воеводы. В грамоте из Москвы говорилось: «В Тобольск у конных и у пеших двух полков и у драгун и у всех, которые по наряду высланы будут в слободы для промыслу над башкирцы быть старшим полковником с Москвы и стольником Ивану Яковлеву сыну Якушкину да ему ж Ивану и ведать команду ж из выборных салдат набору Ивана Бибикова с товарищи с Тобольску тысячу человек...»⁴. Кроме того, для подавления восстания правительство вновь привлекло калмыцких феодалов. В конце июля 1710 г. Аюка

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 311 об — 312.

² Материалы... Ч. 1. № 126. С. 275.

³ Сборник РИО. Т. 50. С. 397.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 2006. Л. 1.

послал против башкир 5000 калмык. С ними пошел также царский отряд во главе со стольником И. Бахметевым. Источники не позволяют выяснить, где действовали калмыки. Известно лишь, что 22 декабря 1710 г. Аюка доносил в Москву, что его калмыки «у тех башкирцов пущих седми человек и других воров побили же их и детей со всеми животами и других воров в полон взяли и со всем в добром здоровью в улусы к себе приехали»¹.

Под напором этих объединенных карательных сил осенью 1710 г. восставшие вынуждены были прекратить борьбу. 7 ноября полковник Л. Парфентьев доносил из Катайска, что «...явились в Катайском остроге... башкирцы разных волостей Карабаш Изягилдин с товарищи 140 человек и били челом тебе, великому государю, и во всем принесли вину и сказали, что они впредь воровать и тобольских слобод воровать и разорять и русских людей побивать не станут и на том по своей вере целовать куран и приходили к шерти и для подтверждения с 10 волостей, которые живут близ тобольских слобод дали аманатов 24 человек»². Итак, поздней осенью 1710 г. в Зауралье наступило спокойствие.

Восстание, начавшееся весной 1709 г. и продолжавшееся до осени 1710 г., охватило обширные просторы Сибирской дороги — от Уральских гор до р. Тобол, а также южную часть Кунгурского уезда. Это лишний раз свидетельствует о массовом характере борьбы. В ней участвовали жители Сибирской и юго-восточных волостей Ногайской дорог. Правда, башкиры Казанской и Осинской дорог, хотя и были недовольны политикой властей, на этот раз не сумели начать массовое движение. Это объясняется несколькими причинами. Жители названных «дорог» приняли активнейшее участие в предыдущих этапах борьбы и понесли, по-видимому, значительные людские и материальные потери. Не менее важно было и то, что вблизи и отчасти на территории этих «дорог» власти к весне 1709 г. сосредоточили воинские команды. Некоторые феодалы, принимавшие руководящее участие в движении 1707—1708 гг., такие как Кусюм, Уравай и другие, не только отошли от восстания, но и открыто выступили против его возобновления.

Борьбу масс на этом этапе возглавляли известный деятель Алдар Исянгильдин и башкир Айлинской волости Сибирской дороги Уракай Юлдашбаев. Последний

¹ РГАДА. Ф. 119. Д. 7. Л. 4—5; ПСЗ-1, Т. 4. № 229.

² Там же. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1857. Л. 15 об — 16.

был, по-видимому, из феодалов. По документам 90-х г. XVII в. прослеживается его участие в припуске пришлых людей на башкирские земли. Был он вообще человеком довольно заметным в Зауральской Башкирии. Во второй половине 90-х гг. тобольские власти его обвиняли в установлении связей с казахами, что он намеревается организовать вместе с ними нападение на сибирские слободы. Уракай активно участвовал в борьбе в 1707—1708 гг. В 1709 г. он вместе с Алдаром становится организатором восстания на территории Сибирской дороги¹.

Кроме них, из предводителей борьбы известны Абадан Курткачий, Менлигуза и А. Мурзагильдин. Об их классовом положении нет определенных данных. Правда, в документах, относящихся к периоду после восстания один из них Абадан фигурирует среди «лучших» башкир Сибирской дороги. Поэтому можно предположить, что одни из них могли принадлежать к феодалам, другие — к рядовым общинникам.

Наконец, несколько слов о родственнике каракалпакского хана по имени Рысмухамет (по одним данным — внук, по другим — племянник). В результате переговоров Алдара и его сторонников с каракалпакским ханом он оказался в Башкирии и в феврале 1709 г. был провозглашен башкирским ханом. Как сказано выше, его избрание ханом для башкир являлось прежде всего средством получения военной помощи от каракалпаков. Но то, что Рысмухамет весной и летом 1709 г. фигурировал как башкирский хан, говорит и о том, что среди восставших было немало сторонников создания башкирского ханства. Здесь нельзя не вспомнить, что борьба на предыдущем этапе развернулась под этим лозунгом. Правда, в сентябре 1709 г. союз между башкирами и каракалпаками по неизвестной причине расстроился, отряд каракалпаков во главе с Рысмухаметом вернулся на родину, и борьба в 1710 г. происходила без «хана». Такое стечение обстоятельств показывает, что среди восставших башкир в 1709—1710 гг. не было единства относительно создания башкирского ханства. Одни были за ханство, другие намеревались, по-видимому, вооруженным выступлением заставить правительство идти на уступки, то есть надеялись улучшить свое положение, оставаясь в составе Российского государства.

Формы борьбы, применяемые восставшими, были те же, что и в предыдущих этапах движения. Крепости, сло-

¹ Матерьялы. Ч. 1. № 15, 110, 120. С. 89, 94, 249, 269.

боды, заводы, монастыри подвергались нападению и приступу. Отчасти разорались деревни, расположенные вокруг них.

§ 4. Последний этап движения

1711 год характеризуется попыткой башкир возобновить борьбу в центре края. Инициатива исходила от башкир Ногайской и Казанской дорог. На помощь им вновь пришли каракалпаки, и летом восставшие совершили поход в Уфу. Об этом 7 ноября 1711 г. П. М. Апраксин доносил: «Башкирцы по-прежнему изменили и пришли под Уфу с каракалпаки во многих тысячах, о сем и Аюка хан ко мне нарочно на Царицын присылал и во иных воинских трудностях, откуда мне требовал помощи...». В отчаянии он заканчивает свое донесение так: «...власти моей печальми сокрушон и бытность мою здешней мне не в радость»¹. Этим фактом исчерпываются наши сведения об активных действиях башкир в 1711 г., и в конце 1711 г. в крае наступило спокойствие.

Хотя восставшие прекратили вооруженную борьбу, по-видимому, недовольство масс не совсем улеглось. Характеризуя обстановку конца 1711 — начала 1712 гг., тот же П. М. Апраксин 3 июня 1712 г. писал своему влиятельному брату адмиралу Ф. М. Апраксину: «зело способно нам здесь з домашними злодеи, з башкирцы, управитца, которые неотложно в своей измене и бунтах стоят и непрестанное от них имеем опасности и разорение». Далее он жаловался, что они «с себя даней не дают», принимают беглых с Поволжья. Апраксин предлагает «с такими злодеи управитца и привести их в прямое подданство и учинить данщиками прямыми» путем посылки против них армии из регулярных полков, «ежели воля его государева будет», и просит вдобавок к имеющимся в его распоряжении полкам «прислать к нему полка 2 драгун и 2 полка солдат на время»². 25 ноября 1712 г. в донесении к канцлеру Г. Головкину он пишет, что «...домашние злодеи, башкирцы, от тех никакого покорения и добра не видим, и живем от них во всегдашнем опасении»³. Как видно, предложение казанского губернатора не было принято. Но на случай восстания

¹ РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 16. Л. 159.

² Материалы... Ч. 1. № 128. С. 277—278.

³ РГАДА. Ф. 160. Д. 18. Л. 3.

в Уфе, Казани и других соседних с Башкирией городах правительство держало наготове значительные военные силы из регулярных полков. По донесению П. М. Апраксина от февраля 1712 г., в это время в крае имелось около 7 тыс. солдат и драгун.

Итак, мы рассмотрели историю восстания 1704—1711 гг. Оно началось выступлением башкир против прибыльщиков и охватило огромное пространство от берегов Тобола до Волги, где в течение 7 лет не было покоя угнетателям.

Важным и сложным является вопрос о программе восстания. Общеизвестно, что у участников народных движений периода феодализма не было научной программы. Не составляло исключения восстание 1704—1711 гг. Тем не менее восставшие башкиры выдвинули целый ряд требований, которые условно можно назвать программой. Они стремились сохранить землю в своих руках, добились снятия налогов и повинностей, прекращения политики христианизации, покончить с произволом местных властей. С этими требованиями поднялись башкиры на борьбу в 1704 г. Когда же царские власти жестоко расправились с их челобитчиками, то восставшие отказались от русского подданства и выдвинули хана. Их требования приобрели политический характер. Подобный поворот в борьбе вызвал самое серьезное беспокойство у правительства. Первой реакцией правительства Петра I был курс на подавление восстания «огнем и мечом». Но в конкретных условиях 1707—1708 гг. он оказался неосуществимым. Поэтому власти вынуждены были завязать переговоры с повстанцами и обещать им серьезные уступки.

В ответ башкиры вновь вернулись к своим первоначальным требованиям, о чем свидетельствуют материалы переговоров в феврале 1708 г. На вопрос представителей князя П. И. Хованского «для чего они воры великому государю изменили и пришед в Казанском уезде многие села и деревни и церкви божию выжгли и людей побили», восставшие ответили: «...села и деревни и церкви божию выжигают и людей рубят и колют они для того, чтоб великому государю учинилось подлинно известно, потому что наперед де сего к нему, великому государю, к Москве на прибыльщиков о всяких своих нуждах посылали они свою братью ясачных людей челобитчиков, и те де их челобитчики были переиманы и биты кнутъем, а иные перевешены, а отповеди им никакие в том не учинено. И чтоб де великий государь пожаловал их, велел с них, башкирцов, и татар, и сво-

тяков и с черемисы для их скудости новонакладную на них прибыль снять, и они, башкирцы и татары, отступят и пойдут в дома свои и разоренья никакого чинить не будут»¹.

Требования восставших были приняты властями, что привело к прекращению борьбы. Но обещанные уступки проводились в жизнь непоследовательно. Башкиры восстали вновь. Восставшие выдвинули не только социально-экономические, но и политические требования, взяли курс на выход из состава России.

Но соотношение сил было далеко не равным; тем более обстановка в регионе изменилась явно не в пользу башкир. Восстание потерпело поражение. Тем не менее царское правительство вынуждено было удовлетворить социально-экономические требования повстанцев. Оно еще раз подтвердило вотчинное право башкир на землю, отменило новые налоги, отказалось от политики христианизации мусульман, осудило произвол и насилие уфимских и казанских властей, осуществило смену уфимского воеводы.

В течение последующих двух десятилетий царские власти проводили в Башкирии осторожную политику.

В 1720—1722 гг. было проведено правительственное расследование и публично осуждены жестокости представителей местной царской администрации в отношении башкир в 1704—1708 гг. Признанный виновным комиссар Сергеев был заключен в тюрьму. В 1724 г. в стране была введена подушная подать, но правительство не решилось распространить ее на башкир и другое нерусское население Башкирии. В 1728 г. Уфимская провинция была отделена от Казанской губернии и подчинена непосредственно Сенату, чего башкиры добивались с самого начала XVIII в. Сборщиками ясака вместо русских дворян отныне должны были назначаться выборные люди из среды самих башкир. Башкирские представители получили право беспрепятственного приезда в Москву для подачи челобитных о своих нуждах. Бригадиру П. Бутурлину, назначенному уфимским воеводой в связи с новым положением, строго предписывалось башкирам и другим нерусским жителям края «никакого озлобления, обид и налогов не чинить». Все эти серьезные уступки в конечном счете были результатом башкирского восстания 1704—1711 гг.

¹ Материалы... Ч. 1. № 83. С. 216—217.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVII — начале XVIII вв. в Башкирии происходили большие и сложные социально-экономические и политические процессы. Относительно спокойная политическая обстановка в составе Российского государства и нормальное развитие скотоводческого хозяйства создали условия для увеличения численности коренного населения.

По мере усиления феодально-крепостнического гнета в центральных районах русские и нерусские крестьяне бежали на окраины. Многие из них благодаря гостеприимству башкир укрылись и обосновались в Башкирии. Во второй половине XVII — начале XVIII вв. заметно увеличилась их численность в нашем крае. Башкирия постепенно превращается в многонациональный регион. Однако коренные жители в это время составляли преобладающее большинство населения. Несмотря на политику «разделяй и властвуй», проводимую русским царизмом в Башкирии, между коренным и пришлым населением устанавливались в целом добрососедские отношения.

Основным занятием башкир в течение описываемого времени являлось полукочевое скотоводство. Важную роль наряду с ним играли бортничество, охота, разные промыслы. Земледелие пока имело вспомогательное значение. Пришлое население главным образом занималось земледелием, охотой, рыболовством. В целом в крае господствовало натуральное хозяйство, хотя существовала и постепенно усиливалась торговля.

Башкирское общество находилось на уровне развитого феодализма с некоторыми пережитками родовых отношений. Что касается общественного строя пришлого населения, в описываемое время мы наблюдаем лишь начало постепенного процесса восстановления привычных общественных отношений, существующих на прежней родине, правда, с учетом конкретных условий Башкирии. У формирующегося русского уфимского дворянства, например, было мало земли и небольшое количество крепостных крестьян. Что касается нерусского населения, то его трудовые низы в основном оказывались в феодальной зависимости от казны и двorca.

Башкирские рядовые общинники жестоко эксплуатировались своими феодалами. Одновременно они терпели феодальный и национальный гнет русского царизма.

В XVII — начале XVIII вв. царское правительство проводило в Башкирии двойственную политику: официально

провозгласив свою верность условиям присоединения Башкирии к России, оно фактически их нарушало. С конца XVI — начала XVII в. идет постепенный захват башкирских земель, с середины XVII в. они приобретают систематический характер. Росли налоги и повинности. Неоднократно делались попытки христианизации. Уфимские воеводы и их помощники постоянно злоупотребляли властью, творили произвол над башкирами. Основная тяжесть угнетательской политики царизма падала на трудовое население, но отчасти эта политика задевала и интересы башкирской феодальной верхушки.

Восстания конца XVI — начала XVII вв. свидетельствовали о серьезном недовольстве башкир политикой царизма. Однако они не привели к ее изменению. Тогда башкиры поднялись на массовые движения второй половины XVII — начала XVIII вв., которые были вызваны совокупностью царской политики царизма в Башкирии. Но в то же время они являлись местным проявлением протеста против усиления феодально-крепостнического и национального гнета в стране в целом. Не случайно перечисленные выше башкирские восстания происходили в те же годы, когда и в других районах народные массы поднимались на борьбу. Восстания охватили огромную территорию от Тобола до Волги, от среднего течения Яика до среднего течения Камы и г. Казани, Осы и Кунгура.

Основной движущей силой и участниками описываемых восстаний были башкирские массы. Принимали самое активное участие в движениях и башкирские феодалы, хотя довольно часто многие из них проявляли колебание и непоследовательность, а некоторые оказывались на стороне русского царизма.

Борьбу башкирских масс поддержало пришедшее нерусское население марийцы, мишари, чувашаи, татары, удмурты, манси, которые составляли вспомогательную силу повстанцев. Правда, в выступлении начала XVIII в. они участвовали лишь на первых двух этапах.

Восстания возглавляли в основном башкирские феодалы, хотя среди предводителей были и рядовые общинники. Основными формами борьбы являлись сражения с правительственными войсками, осада крепостей и других опорных пунктов властей, расправа с представителями господствующего класса в лице дворянства, приказной администрации, офицеров и других сторонников властей, разорение их сел и деревень, угон скота. В ходе борьбы восставшие устанавливали связи с соседними народами,

обращались к ним за помощью, временами получали военную поддержку.

Анализ причин народного недовольства, форм и методов борьбы, челобитных и писем повстанцев позволяет выяснить основные требования участников, то есть программу восстаний. В движениях XVII в. восставшие в основном выдвигали социально-экономические требования. Они протестовали против захвата земель, тяжелых налогов и повинностей, насильственной христианизации, произвола и насилий уфимских властей, добивались ослабления феодального и национального гнета в рамках Российского государства. Примерно с выдвижения подобной программы началось и восстание 1704—1711 гг. Но в ходе борьбы, убедившись в нежелании правительства пойти на серьезные уступки, восставшие взяли курс на отказ от русского подданства и провозгласили хана. Отказ восставших от русского подданства был по существу ответом на жестокую политику правительства во главе с царем Петром I. Таким образом, программа восстаний не оставалась неизменной. В соответствии с реальной обстановкой и логикой борьбы она видоизменялась, развивалась. Социально-экономические требования движений XVII в. в начале XVIII в. переросли в политические.

Башкирские восстания XVII—начала XVIII вв. по своей сущности являлись народными движениями, народной борьбой, по характеру представляли собой и классовые и национально-освободительные движения.

Восставшие вели борьбу в тяжелых, неравных условиях и понесли большие жертвы. Тем не менее они вынудили царизм пойти на существенные уступки. Если царское правительство официально придерживалось условий присоединения Башкирии к России, то это — следствие главным образом башкирских восстаний. Из-за них царизм в течение XVII—начала XVIII вв. проводил в Башкирии осторожную политику.

Логика борьбы требовала постоянных контактов между жителями всех 4-х «дорог». Они собирались на совместные йыйыны, разрабатывали и выдвигали общие требования властям, организовывали совместные боевые операции. Все это сближало башкир всех волостей и «дорог», укрепляло башкирскую народность.

Башкирские восстания XVII—начала XVIII вв. представляют собой пример героической борьбы народных масс против насилия, за национальное и социальное освобождение. Они являются крупным и прогрессивным событием в истории всего Урала и Среднего Поволжья.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БАШКИРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII вв.	20
§ 1. Территория, население и административное уст- ройство	20
§ 2. Хозяйство башкир и пришлого населения.	24
§ 3. Социальные отношения	36
Глава II. ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА В БАШКИ- РИИ В КОНЦЕ XVI—НАЧАЛЕ XVIII вв.	54
§ 1. Земельная политика	54
§ 2. Налоги и повинности населения	69
§ 3. Политика правительства в области религии.	83
§ 4. Формы и методы управления Башкирией.	85
Глава III. БОРЬБА БАШКИР ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ГНЕТА В XVII в.	90
§ 1. Начало вооруженной борьбы. Восстание 1662— 1664 гг. — первое всебашкирское движение.	90
§ 2. Восстание 1681—1684 гг.	109
Глава IV. ВОССТАНИЕ 1704—1711 гг.	122
§ 1. Начало и первый этап борьбы (1704—1706 гг.)	123
§ 2. Этап наивысшего размаха движения (1707— 1708 гг.)	143
§ 3. Борьба в Зауралье (1709—1710 гг.)	191
§ 4. Последний этап движения (1711 г.)	218
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	221

Научное издание

АКМАНОВ Ирек Гайсеевич

БАШКИРСКИЕ ВОССТАНИЯ

XVII — начала XVIII вв

Редактор Л. О. Хаирова

Художник А. Г. Королевский

Художественный редактор В. П. Ковалев

Технический редактор З. Г. Чингизова

Корректоры О. И. Каюмова, Л. И. Семенова

ИБ № 4670

Сдано в набор 22.04.92. Подписано в печать 28.01.93. Формат 84×108^{1/2}. Бу-
мага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ л. 11,76.
Усл. кр.-отт. 12,34. Уч.-изд. л. 13,67. Тираж 9 000 экз. Заказ № 402. Цена
свободная.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа, ул. Левченко 4а. Уфимский
полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

